

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, 3.08.2018, reg. No. FS77-73405

Editorial staff office: bld 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series, 2021

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Dumovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., associate professor, University Paris VIII, France
D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Stelzl-Marx*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(заместитель главного редактора)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(заместитель главного редактора)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- А. Филлер*, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция
- Д. Фоглесонг*, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США
- Т.А. Шаكليина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.Б. Антонова*, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)
- А.А. Новикова*, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- А.С. Панов*, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, РГГУ

Content

International Relations: History, Historiography, Methodology

T.A. Grishanina

- Artificial intelligence in international relations:
role and research dimensions 10

Yu.A. Martinets

- Soviet-Austrian economic relations as a problem
of Russian historiography 19

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

V.O. Shcherbunov

- Military-political relations between Australia and the United States
amid the growing influence of China in the Asia-Pacific 32

A. Ebrahimitorkaman

- Eurasian Economic Union and Iran 47

P.A. Anisimov

- Prospects for the development of Russian-Norwegian relations
after the 2021 parliamentary elections in Norway 61

D.V. Vasilenko

- “The Good, the Bad and the Evil”: the images of American “Other”
in Russian anti-terror cinema of the 21st century 72

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

I.I. Kurilla

- Regional resistance to the coup attempt in August 1991: Volgograd case 87

N.P. Timofeeva

- Soviet prisoners of war in Germany:
commemorative practices of the first post-war years 108

M.B. Bulanova

- P. Sorokin’s works during the Second World War:
the experience of modern reading in Russia and the United States 119

I.Yu. Berezhanskaya

- Archival criminal cases as a source on the history
of the zionist movement in Russia in the 1920s 132

Bookshelf

P.G. Cheremushkin

- Double portrait of Soviet-American international reporting 142

Содержание

Международные отношения: история, историография, методология

Гришанина Т.А.

Искусственный интеллект в международных отношениях:
роль и направления исследования 10

Мартинец Ю.А.

Советско-австрийские экономические отношения 1945–1991 гг.
как проблема отечественной историографии 19

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Щербунов В.О.

Военно-политические отношения Австралии и США
в условиях роста влияния Китая в АТР 32

Эбрахимиторкаман А.

Евразийский экономический союз и Иран 47

Анисимов П.А.

Перспективы развития российско-норвежских отношений
после парламентских выборов в Норвегии 2021 г. 61

Василенко Д.В.

«Хороший, плохой, злой»: образы американского «Другого»
в российском антитеррористическом кинодискурсе XXI в. 72

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Курилла И.И.

Региональное сопротивление попытке переворота
в августе 1991 года: случай Волгограда 87

Тимофеева Н.П.

Советские военнопленные в Германии:
коммеморативные практики первых послевоенных лет 108

Буланова М.Б.

Работы П. Сорокина периода Второй мировой войны:
опыт современного прочтения в России и США 119

Бережанская И.Ю.

Архивные уголовные дела как источник
по истории сионистского движения в России в 1920-х гг. 132

Книжная полка

Черёмушкин П.Г.

Двойной портрет советско-американской
международной журналистики 142

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 004.8+327

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18

Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования

Татьяна А. Гришанина

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, tatiana.grishanina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается технология искусственного интеллекта в международных отношениях. Цель – выявить роль и основные направления изучения ИИ в международных отношениях. Результаты исследования показали, что существуют парадигмальные различия в подходах к изучению ИИ. С точки зрения направлений исследования, выделяют дискуссии в области международной безопасности и новых типах конфликтов, технологической гонке и устойчивом развитии, этике и правах человека. С точки зрения применения ИИ во внешней политике, был проанализирован экспертный дискурс и выделены три утилитарные функции ИИ: 1) ИИ как дипломатический инструмент; 2) ИИ как тема для переговоров; 3) ИИ как фактор изменений, происходящих в международной среде. ИИ является одной из ключевых технологий следующего десятилетия, которая потенциально способна стать фактором перераспределения силы в международной системе. Являясь частью процесса цифровизации международных отношений, ИИ влияет на восприятие меняющейся системы самими акторами. На данный момент в большинстве исследований ИИ рассматривается в рамках кибербезопасности. Данная статья систематизирует различные подходы и представляет комплексное видение проблем, связанных с изучением и применением ИИ в международных отношениях.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, цифровая дипломатия, международные отношения

Для цитирования: Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 10–18. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18

© Гришанина Т.А., 2021

“Political Science. History. International Relations” Series, 2021, no. 4 • ISSN 2073-6339

Artificial intelligence in international relations: role and research dimensions

Tat'yana A. Grishanina

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia, tatiana.grishanina@yandex.ru*

Abstract. The article covers certain aspects of artificial intelligence in international relations. The study aims at identifying the role and key dimensions of AI research and application in international relations. The results of the study reveal paradigmatic differences in the approaches to the research of AI in international relations. Research dimensions include international security and the new types of conflicts, technological competition and sustainable development, ethics and human rights. As far as the application of AI in foreign policy is concerned, the expert discourse was analyzed and three utilitarian functions of AI were identified: 1) AI as a diplomatic tool; 2) AI as a topic for negotiations; 3) AI as a factor of the changes in the international environment. Thus, AI is one of the key technologies for the next decade with the potential to become a core factor in the redistribution of power in the international system. As part of international relations digitalization, AI influences the actors' perceptions of the changing system. At this point, most research papers deal with AI within the framework of cybersecurity. This article aligns various approaches and presents a comprehensive perspective of AI in international relations.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, digital diplomacy, international relations

For citation: Grishanina, T.A. (2021), "Artificial intelligence in international relations: role and research dimensions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10-18, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18

Введение

Искусственный интеллект как ключевая технология XXI в. потенциально влияет на изменения, происходящие в международной системе. Точкой отсчета для исследований в области ИИ считается «Дартмутский летний исследовательский проект по вопросам искусственного интеллекта», проведенный в 1956 г. Гипотеза заключалась в том, что «любой аспект интеллектуальной деятельности человека можно описать так, что машина будет способна его воспроизвести» [McCarthy, Minsky, Rochester, Shannon 2006, p. 12]. Дальнейшее изучение в данной перспективной области проводилось как по академической линии, так и по линии Министерства обороны США. Однако происходило это неравномерно. Техноло-

гия пережила две «зимы ИИ» в 1970-х и в 1990-х гг., когда правительство США сворачивало программы и прекращало финансирование ввиду их неэффективности и невозможности практического применения. Однако в 2000-х гг. случился прорыв в технологиях глубокого обучения, и программы ИИ перешли на новый виток развития [Kamath, Liu, Whitaker 2019, p. 9].

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи: во-первых, определить основные проблемы, связанные с современным изучением гуманитарных аспектов исследования ИИ; во-вторых, выявить области и стратегии изучения и применения ИИ в международных отношениях. В качестве основных методов были использованы анализ и систематизация теоретических концепций. Методы системного анализа и документального анализа правительственных и международных документов позволили выделить направления изучения ИИ, а также предпринять попытку определения его роли в международных исследованиях. Статья состоит из введения, двух основных частей, первая из которых посвящена общефилософским проблемам ИИ, вторая – направлениям исследования в международных отношениях, и заключения.

Теоретической базой послужили работы зарубежных и отечественных ученых, рассматривающих гуманитарные аспекты искусственного интеллекта. Дж. Серль и Н. Бостром работали над теорией ИИ, Дж. Мур заложил основы компьютерной этики, К. Хёне занимается вопросами ИИ в международных отношениях. Практическая значимость исследования состоит в том, что изложенные данные и выявленные закономерности возможно использовать для академических целей. Представленные результаты могут дополнить образовательные программы о цифровой дипломатии и цифровизации международных отношений.

Общие проблемы и направления развития искусственного интеллекта

Под ИИ понимаются принципы компьютерной обработки мышления и интеллектуального поведения человека, а также научная дисциплина, которая занимается их изучением. «Дартмутская группа» поставила перед собой цель – создать компьютерные программы, которые бы были способны к разумному поведению. Были сформулированы следующие проблемы: 1) создание автоматизированных систем; 2) программирование компьютеров для использования человеческого языка; 3) создание нейронных сетей;

4) разработка теории размера вычислений (Theory of the size of calculation); 5) исследование возможностей самообучения машины; 6) классификация абстракций; 7) изучение творческого мышления [McCarthy et al. 2006, p. 13–14]. Тем не менее в понятии ИИ существует множество проблемных точек. Во-первых, отсутствует однозначное понимание того, что такое интеллект. Во-вторых, технологическое развитие на современном этапе не может на данный момент полностью смоделировать человеческое поведение. В-третьих, появление этических дилемм, связанных с технологиями двойного назначения, способно повлиять на человеческое развитие [Moog 1985, p. 270].

Различают слабый ИИ и сильный ИИ. Под слабым ИИ подразумевается способность моделировать отдельные когнитивные функции человека. Под сильным ИИ понимается комплексное моделирование человеческого интеллекта. При этом возможности такой системы будут равны человеческим [Сёрль 1998]. Также выделяют концепцию сверх-ИИ, которая связана с технологической сингулярностью. В этот момент предсказывается появление сверх-ИИ, превосходящего способности человека во всех областях [Bostrom 2014]. С точки зрения общефилософских вопросов, в области ИИ рассматриваются проблема универсальности ИИ, проблема «частных этик», проблемы войны и мира и возникновение новой «дилеммы безопасности», проблема принятия решений, проблема субъекта в мире ИИ.

На сегодняшний день основными направлениями развития являются большие данные (Big Data) и обработка естественного языка (NLP). Все социальные сети собирают большие данные о своих пользователях. Влияние больших данных на мировую политику отразилось в кейсе «Кеймбридж Аналитика», участвовавшей в 2016 г. в предвыборной кампании Д. Трампа и кампании в поддержку «Брексит». С NLP связаны информационно-поисковые системы, диалоговые системы «человек–машина», переводческие сервисы и т. д. В качестве примера можно привести бота «Тэй» от *Microsoft*, созданный в 2016 г. Бот был запрограммирован на самообучение через взаимодействие с пользователями. Однако, после того как «Тэй» запустили в *Twitter*, бот, обучаясь на комментариях, превратился в самого нетерпимого экстремиста и был удален из сети.

На данный момент ИИ применяется для решения узких прикладных задач. Одной из таких задач является распознавание объектов (визуальных образов, эмоций, речи). Подобная экспертиза применяется в сфере информационной безопасности. Другая задача – разработка моделей представления знания, которая осущест-

вляется на основе фреймов, семантических сетей, логических представлений или правил. Данные модели используются в различных экспертных системах, например, ИСППР – интеллектуальных системах поддержки принятия решений. Данные технологии моделируют отдельные когнитивные функции человека. Среди них на сегодняшний день: ощущения, восприятие, внимание, память, речь, обучение, представление, принятие решений, творчество, эмпатия. Обычно алгоритмы воспроизводят только одну-две из перечисленных функций. Весь спектр функций используется в разработке сложных интеллектуальных систем (например, робота-гуманоида Софии, марсохода «Персеверанс»). Однако роботы пока неспособны к более комплексным проявлениям, таким как интуиция, воля, рефлексия и вынесение моральных суждений, т. е. к воспроизведению тех функций, которые связаны с сознанием [Клюева 2020].

Роль искусственного интеллекта в международных отношениях

С точки зрения теории международных отношений, в изучении ИИ существуют парадигмальные различия. В рамках неореалистического подхода ИИ рассматривается как фактор потенциального изменения баланса сил в международной системе. Речь идет о цифровых войнах, войнах данных, информационной безопасности, новых вызовах для международной безопасности (например, по части разработки боевых роботов – LAWS), создании суверенного ИИ. Важной сферой применения ИИ является цифровая дипломатия. В рамках неолиберального подхода ИИ рассматривается как технология всеобщего блага, которая несет в себе как потенциальные риски, так и возможности. Значимость приобретают правовые и этические аспекты ИИ, права и свободы человека в мире ИИ, большая роль в принятии ключевых решений отводится негосударственным акторам (IT-гигантам).

На национальном уровне великими державами разрабатываются стратегии развития ИИ. В 2017 г. Китай выпустил «Программу развития ИИ нового поколения до 2030 г.». В китайской стратегии был обозначен курс на глобальное лидерство в области ИИ. Первым шагом к технологическому доминированию стала задача выхода до 2020 г. на один конкурентный уровень с США; вторым шагом – необходимость обеспечения до 2025 г. ключевого технологического прорыва в области ИИ; наконец, третьим шагом будет преодоление доминирования США и мировое лидерство. Предполагается, что общий объем инвестиций в перспективные отрасли к

2030 г. составит порядка \$1,5 трлн, а общий объем рынка технологий ИИ по китайской модели – \$150 млрд¹.

На данный момент США являются одним из технологических лидеров в области ИИ. Помимо продолжения программ DARPA, в 2018 г. Министерство обороны США реформировало Объединенный центр искусственного интеллекта, выполняющий экспертные функции в области военного применения технологии. В 2019 г. Д. Трамп подписал указ², формализовавший запуск Американской инициативы в области ИИ. В 2020 г. была выпущена Национальная стратегия в области критических и развивающихся технологий³, где обозначены принципы технологического лидерства США, глобального сотрудничества в области ключевых технологий и значимость управления рисками. Конгресс США выделил более \$100 млрд на развитие указанных в стратегии направлений⁴. Стратегическая цель США – остаться мировым лидером и инноватором в области ИИ путем сдерживания противников, в качестве которых представлены Китай и Россия. В 2020 г. был установлен запрет для американских фирм на покупку программного обеспечения у китайской *Huawei* и российской *Лаборатории Касперского*. Также действует запрет на покупку американского оборудования и компонентов для производства микросхем. Убеждение, в том что развитие ИИ приведет к новой промышленной революции, становится катализатором технологической гонки между США и Китаем. Следовательно, обладание стратегическим преимуществом в данной сфере обеспечивает глобальное экономическое лидерство и возможность влиять на мировой порядок.

На наднациональном уровне ИИ обсуждается в контексте международной безопасности, устойчивого развития, этики и прав человека. С 2013 г. проводились неформальные экспертные дискуссии о регулировании LAWS и внесении поправок в Конвенцию о конкретных видах обычных вооружений. В 2017 г. были сформированы межправительственные группы экспертов для продолжения работы на данном направлении. Также в 2017 г. при участии таких экспертных организаций, как *ITU*, *CFI*, *IEEE*, был создан Центр ИИ

¹ Ковачич Л. Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход // Carnegie Endowment. 2020. 7 июля. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172> (дата обращения 3 июня 2021).

² Executive Order 13859 of February 11, 2019. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence.

³ National Strategy for Critical and Emerging Technologies of October 2020.

⁴ S. 1260. – Endless Frontier Act of April 20, 2021.

и робототехники при ООН (*UNICRI Center for Artificial Intelligence and Robotics*). В рамках обсуждения вопросов устойчивого развития в 2017 г. была проведена встреча Второго комитета Генеральной ассамблеи и ECOSOS «Будущее всего – устойчивое развитие в эпоху технологических трансформаций». С 2017 г. *ITU* продвигает повестку ИИ, где преобладает глобалистский взгляд на развитие технологии. Россия формирует собственную повестку в области использования ИИ в обществе, выступив инициатором проведения международной конференции по ИИ, круглых столов в сфере профессионального использования ИИ. Кроме того, в 2021 г. Альянсом в сфере искусственного интеллекта, Аналитическим центром при Правительстве РФ и Минэкономразвития РФ был разработан и подписан знаковый документ – Национальный кодекс этики ИИ, учитывающий законодательство РФ, в том числе Конституцию РФ, Национальную стратегию развития ИИ, Стратегию национальной безопасности РФ, Концепцию регулирования ИИ и робототехники, а также ратифицированные РФ международные договоры и соглашения. В рамках обсуждения вопросов этики и прав человека в 2019–2021 гг. при *UNESCO* группа экспертов готовит рекомендации по этическим аспектам ИИ⁵.

В процессе цифровизации международных отношений неизбежно происходит цифровая трансформация дипломатических ведомств и практик. Применение больших данных и алгоритмов на основе ИИ в цифровой дипломатии привело к появлению дипломатии данных [Цветкова 2020]. В цифровой дипломатии и дипломатии данных ИИ используется непосредственно как инструмент для прогнозирования цифрового поведения пользователей социальных сетей на основе анализа мнений, предпочтений и цифрового следа. Выделяют три основных аспекта использования ИИ в дипломатии: 1) ИИ как тема для переговоров; 2) ИИ как дипломатический инструмент; 3) ИИ как фактор изменения переговорного контекста [Höpe 2019, p. 9–10]. Влиянием ИИ обусловлено появление новых тем для переговоров, которые затрагивают *LAWS*, а также смещение акцентов в уже ведущихся переговорах, например, об этичном использовании. Что касается ИИ как фактора изменений, то речь идет о появлении новых типов конфликтов, связанных с предвзятостью алгоритмов ИИ и использованием данных, а также о применении ИИ в конфликтных ситуациях.

⁵ Preliminary report on the first draft of the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO, 2020. 33 p.

Заключение

В последние несколько лет искусственный интеллект стал широко обсуждаемой темой в рамках международных политических и экспертных дискуссий. Данные дискуссии затрагивают войны данных, вопросы суверенного ИИ, вопросы технологической конкуренции в области ИИ, использование интеллектуальных систем для принятия решений, проблему субъекта в мире ИИ.

В международных отношениях ИИ рассматривается, с одной стороны, как ключевая технология, влияющая на перераспределение силы в международной системе, как средство политики, с другой – как тема для ведения переговорного процесса и международного сотрудничества. Это отражено в национальных стратегиях ведущих мировых держав в области технологий, а также в документах и резолюциях ООН о различных сферах применения ИИ. На наднациональном уровне ИИ выступает в качестве темы и контекста для переговоров в рамках многоуровневого переговорного процесса по управлению интернетом, переговоров в области международной безопасности, устойчивого развития, этики и прав человека.

В рамках процесса цифровизации международных отношений неизбежно происходит цифровая трансформация дипломатических ведомств и практик. ИИ является инструментом дипломатии (в частности, цифровой дипломатии), темой для переговоров, фактором формирования среды для ведения переговоров. Применение ИИ в данной сфере поднимает важные вопросы информационной безопасности в дипломатии, защиты личных данных в социальных сетях, смягчения последствий предвзятости алгоритмов. Влияние ИИ на международную систему и мировую политику еще предстоит оценить и осмыслить, отделяя утопии и популярные слухи от фактов действительности относительно данной инновации и ее роли в общественном развитии.

Литература

- Клюева 2020 – *Клюева Н.Ю.* Этическая экспертиза технологий искусственного интеллекта и робототехники // *Философская аналитика цифровой эпохи: Сб. науч. статей / Отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник.* СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. С. 164–174.
- Сёрль 1998 – *Сёрл Дж.Р.* Сознание, мозг и программы // *Аналитическая философия: становление и развитие / Отв. ред. А.Ф. Грязнова.* М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 377–400.
- Цветкова 2020 – *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения».* 2020. № 2. С. 37–47.

- Bostrom 2014 – *Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 352 p.
- Höne 2019 – *Höne K.E. Mediation and Artificial Intelligence: Notes on the Future of International Conflict Resolution*. Geneva: Diplofoundation, 2019. 24 p.
- Kamath, Liu, Whitaker 2019 – *Kamath U., Liu J., Whitaker J. Deep Learning for NPL and Speech Recognition*. Springer, 2019. 621 p.
- McCarthy et al. 2006 – *McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence // AI Magazine*. 2006. Vol. 27. No. 4. P. 12–14.
- Moor 1985 – *Moor J. What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy*. 1985. Vol. 16. № 4. P. 266–275.

References

- Bostrom, N. (2014), *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Höne, K.E. (2019), *Mediation and Artificial Intelligence: Notes on the Future of International Conflict Resolution*, Diplofoundation, Geneva, Switzerland.
- Kamath, U., Liu, J. and Whitaker, J. (2019), *Deep Learning for NPL and Speech Recognition*, Springer, Switzerland.
- Kluyeva, N.Yu. (2020), “Ethical Expertise of Artificial Intelligence and Robotics”, in Shipovalova, L.V., Dudnik, S.I. (eds.), *Philosophical Analytics of Digital Era*, Izdatel'stvo SPbSU, St.-Petersburg, Russia, pp. 164–174.
- McCarthy, J., Minsky, M.L., Rochester, N. and Shannon, C.E. (2006), “A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence”, *AI Magazine*, vol. 27, no. 4, pp. 12–14.
- Moor, J. (1985), “What Is Computer Ethics?” *Metaphilosophy*, vol. 16, no. 4, pp. 266–275.
- Searle, J.R. “Consciousness, the brain and program”, in Gryaznova, A.F. (ed.), *Analiticheskaya filosofiya: stanoenie i razvitie* [Analytic Philosophy: Formation and Development], Dom intellektual'noi knigi, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, pp. 377–400.
- Tsvetkova, N.A. (2020), “The Digital Diplomacy as a Phenomenon of International Relations: Research Methodology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 37–47.

Информация об авторе

Татьяна А. Гришанина, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; tatiana.grishanina@yandex.ru

Information about the author

Tat'yana A. Grishanina, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191124; tatiana.grishanina@yandex.ru

Советско-австрийские экономические отношения как проблема отечественной историографии

Юлия А. Мартинец

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, jmartinets1126@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению торгово-экономических отношений СССР с Австрийской Республикой, современные границы которой были оформлены лишь по окончании Второй мировой войны. Автор ставит перед собой цель дать краткий обзор главных научных результатов (диссертационные исследования, монографии, научные статьи) отечественных – советских и российских – историков и экономистов. В статье предпринята попытка проанализировать влияние государственной идеологии на развитие отечественного австроведения и проследить отражение идеологического противостояния Востока и Запада периода холодной войны на труды, посвященные советско-австрийским отношениям.

Анализируя темы ключевых научных трудов, автор выделяет несколько крупных тематических пластов в исследовании истории современной Австрийской Республики и ее взаимодействия с СССР. Среди них: политическая жизнь Австрии, ее международное взаимодействие, экономическое развитие Австрийской Республики, а также политические советско-австрийские отношения. Тем не менее, как в советской, так и в российской историографии, по мнению автора, все еще существуют слабо изученные области – наименее освещенной темой остается торговое и экономическое взаимодействие современной Австрийской Республики с Советским Союзом во второй половине XX в.

Ключевые слова: Австрийская Республика, СССР, советско-австрийские отношения, торгово-экономические отношения, австроведение, историография

Для цитирования: Мартинец Ю.А. Советско-австрийские экономические отношения как проблема отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 19–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-19-31

Soviet-Austrian economic relations as a problem of Russian historiography

Yuliya A. Martinets

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, jmartinets1126@gmail.com*

Abstract. This article is devoted to the trade and economic relations between the USSR and the Austrian Republic, whose modern borders were drawn up only at the end of the Second World War. The author aims to give a brief overview of the main scientific results (dissertation studies, monographs, scientific articles) of domestic – Soviet and Russian – historians and economists. The article attempts to analyze the influence of the state ideology on the development of domestic Austrian studies and to trace the reflection of the ideological confrontation between the East and the West during the Cold War on the works devoted to the Soviet-Austrian relations.

Analyzing the topics of key scientific works, the author identifies several large thematic layers in the study of the history of the modern Austrian Republic and its interaction with the USSR and the Russian Federation. Among them: the political life of Austria, its international interaction, the economic development of the Austrian Republic, as well as the Soviet-Austrian relations in the political sphere. Nevertheless, both in Soviet and Russian historiography, according to the author, there are still poorly studied areas – the least covered topic remains the trade and economic interaction of the modern Austrian Republic with the Soviet Union in the second half of the 20th century.

Keywords: Austrian Republic, USSR, Soviet-Austrian relations, trade and economic relations, Austrian studies, historiography

For citation: Martinets, Yu.A. (2021), “Soviet-Austrian economic relations as a problem of Russian historiography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 19-31, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-19-31

Введение

Серьезный исследовательский интерес к теме советско-австрийских экономических отношений в отечественной историографии зародился в последней четверти XX – начале XXI в. В первые послевоенные десятилетия исследования советско-австрийских отношений носили лишь описательный характер и представляли из себя журнальные заметки. Авторы фиксировали на страницах журналов происходящие в рамках советско-австрийских *политических* отношений события без какого-либо критического анализа их. Статьи, как правило, появлялись в научных журналах накануне

визитов высокопоставленных лиц и были посвящены общей картине *политических* советско-австрийских отношений или описанию совместных программных документов¹.

Одну из первых – и на тот момент единственных – попыток описать советско-австрийские *экономические* отношения предпринял Р. Григорьев в статье «К вопросу о развитии экономических отношений между СССР и Австрией» [Григорьев 1955]. Анализируя статьи Государственного договора 1955 г., автор заключает: «Государственный Договор укрепляет экономическую независимость Австрии и открывает широкие возможности для развития экономических отношений между Австрией и Советским Союзом» [Григорьев 1955, с. 7], что «вне всякого сомнения, будет отвечать экономическим интересам обеих стран» [Григорьев 1955, с. 8]. Использование открывшихся возможностей для становления и развития советско-австрийских *экономических* отношений станет темой исследований два десятилетия спустя.

Важно отметить, что во второй половине XX в. статьи об актуальном состоянии советско-австрийских отношений были свободны от идеологического противостояния между Востоком и Западом, о чем свидетельствует, например, заметка президента Австро-советского общества Г. Глязера, опубликованная в 1960 г. в журнале «Новое время» [Глязер 1960], где автор не только информирует читателей о деятельности своей организации на протяжении 15 послевоенных лет, но и рассказывает о стремлениях австрийского общества развивать советско-австрийские отношения и «знакомиться с жизнью Советского Союза».

Отечественная историография советско-австрийских отношений

Первые монографии по истории Австрии и ее политическому сотрудничеству с СССР датируются второй половиной 1960-х – 1980-ми гг. Это объясняется увеличением исторической дистанции с момента создания Австрийской Республики – чем дальше по времени исследуемое событие от исследователя, тем больше фактов для интерпретаций и анализа. Основоположником отече-

¹ В качестве примера можно привести статью Г. Бельского в журнале «Внешняя торговля», где автор кратко описывает Программу углубления экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества между СССР и Австрийской Республикой: *Бельский Г. Новые формы экономических связей между СССР и Австрией // Внешняя торговля. 1973. № 12. С. 22–24.*

ственного австро-введения можно смело назвать Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Нидерландах, доктора исторических наук В.Н. Белецкого. Его монографии «Советский Союз и Австрия» [Белецкий 1962] и «СССР в борьбе за независимость Австрии» [Белецкий 1965], посвященные *политическим* советско-австрийским отношениям, написаны в строгих рамках советской идеологии. Акцент именно на политические советско-австрийские отношения делается не случайно – в условиях сосуществования государств с разным политическим строем «большую роль сыграли личные контакты государственных деятелей СССР и Австрии» [Белецкий 1962, с. 271]. Автор рассказывает о событиях, которые переживала Австрия с момента немецкого аншлюса и до первых шагов независимого государства. Так как до 1955 г. самостоятельной Австрийской Республики не существовало, то торгово-экономические советско-австрийские отношения начали свое развитие лишь во второй половине XX в. Описывая экономические статьи Государственного договора 1955 г. и договор о торговле и судоходстве 1955 г., В.Н. Белецкий констатирует: «между СССР и Австрией установились нормальные, взаимовыгодные торговые связи» [Белецкий 1962, с. 260].

Основываясь на трудах В.Н. Белецкого, советский и российский историк, профессор СПбГУ С.И. Ворошилов продолжил изучение Австрийской Республики и ввел ее в советскую, а впоследствии и в российскую историографию. Владеющий немецким языком, он во время Второй мировой войны дошел до Австрии, где после ее окончания продолжил службу в составе Советской военной администрации. Вероятно, это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе направления исследования С.И. Ворошилова, ведь он лично принимал участие в восстановлении Австрии. В результате в 1954 г. он защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию по теме «Коммунистическая партия Австрии в борьбе за демократизацию и независимость страны (1948–1953 гг.)», а спустя 15 лет, в 1969 г., получил докторскую степень за свой труд «Внутриполитическая борьба в Австрии в период становления Второй республики (1945–1955)». Анализ С.И. Ворошилова австрийской экономики (без упоминания о советско-австрийских торговых отношениях) в первые послевоенные десятилетия построен в рамках марксистско-ленинской идеологии, а исследование политической жизни второй республики [Ворошилов 1968] – с учетом общей советской парадигмы, главной задачей которой было подчеркнуть важную роль СССР в обретении Австрией независимости и описать то, как два противоположных политических режима смогли построить прагматичные политические отношения. Таким образом, именно с В.Н. Белецко-

го и С.И. Ворошилова начинается научное изучение Австрийской Республики: ее внутривнутриполитических и социальных процессов, ее экономики. Однако первые труды не затрагивали вопросы экономических отношений Австрийской Республики с СССР.

Торгово-экономические советско-австрийские отношения

По мнению современных зарубежных исследователей [Graf 2020], Австрия сыграла важную роль в налаживании отношений между Востоком и Западом в период разрядки:

...именно стремление СССР создать образец «мирного сосуществования» на примере взаимоотношений с Австрией сделало возможной разрядку напряженности между Западом и социалистическими государствами [Graf 2020, s. 660].

Австрия, выступив своеобразным «дипломатическим “ледоколом” для Советского Союза» [Graf 2020, s. 661], способствовала тому, что лед холодной войны в отношениях между двумя блоками тронулся. Эти строки, вероятно, точно объясняют смысл проводимой Советским Союзом международной политики в отношении Австрии – политики, которая вызывала у историков интерес к изучению как внутривнутриполитических процессов в Австрийской Республике, так и ее взаимодействие с СССР. Разрядка международной напряженности не стала триггером к увеличению исследовательского интереса к Австрии, но и не затормозила развитие отечественного австроведения. На фоне заключения новых торговых соглашений Советского Союза как со странами Запада, так и с Австрией, появились исследования советско-австрийских *торгово-экономических* соглашений.

Например, Ю. Балод в статье «СССР – Австрия. Новые возможности делового сотрудничества» [Балод 1973] позитивно оценивает результаты почти двадцатилетнего налаживания торгово-экономических советско-австрийских отношений, что подтверждает вышеуказанный прогноз Р. Григорьева о новых экономических возможностях между странами. Благодаря подписанию Соглашения об экономическом, научно-техническом и промышленном сотрудничестве на десятилетний период 1973 г., «впервые в истории советско-австрийских отношений открываются возможности не только экономического и научно-технического, но и промышленного сотрудничества» [Балод 1973, с. 11–12]. По мнению Ю. Балода,

это соглашение стало «крупным событием в расширении экономических связей между СССР и Австрией» [Балод 1973, с. 11] и «даст странам возможность лучше использовать объективные предпосылки для взаимовыгодного экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества» [Балод 1973, с. 12]. Сформировавшуюся положительную тенденцию в экспорте/импорте между СССР и Австрией подтверждает и А. Подкопаев [Подкопаев 1984]. Опираясь на экономические данные 1970–1980-х гг., автор соглашается, что торговля между СССР и Австрией не только выгодна обеим сторонам, но и способствует усилению добрососедских связей, а также является «убедительным примером успешного сотрудничества государств с различным общественным строем» [Подкопаев 1984]. Таким образом, оценки развития советско-австрийских торгово-экономических отношений, данные Ю. Балодом и А. Подкопаевым, соответствуют доброжелательному отношению советских исследователей к Австрии.

Можно сказать, что уже начиная с 1970-х гг. в статьях, анализирующих советско-австрийские экономические отношения, наблюдается отступление от марксистско-ленинской идеологии и положительная оценка торгового взаимодействия стран по линии Восток–Запад, что в целом соответствовало построению позитивного имиджа Австрии на протяжении двух десятилетий. В советской исторической науке экономические отношения между СССР и Австрией рассматривались исследователями в позитивном ключе. Они представляют собой обзор экономических данных и описание двусторонних соглашений.

Наряду со статьями советских исследователей, экономические вопросы частично затронуты в ряде диссертаций советских и российских историков. Например, И.Г. Жиряков в диссертации «Австрийско-советские отношения и проблема безопасности и сотрудничества в Европе, 1945–1986 гг.» [Жиряков 1987] подробно рассматривает политические отношения между СССР и Австрией в 1955–1975 гг. и как они повлияли на созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. В этом контексте описание экономических отношений носит лишь эпизодический характер. О.А. Ермаков в диссертационном исследовании «Внешняя политика Австрии и развитие советско-австрийских отношений в 80-е годы» [Ермаков 1988] продолжает исследования политических отношений в последнее десятилетие холодной войны в рамках советской идеологии, указывая на проблемы, с которыми столкнулось экономическое и научно-техническое советско-австрийское сотрудничество в 1980-х гг. О.В. Максимова в своей работе «Отношения Австрийской Республики с СССР и Российской Федера-

цией: общее и особенное, исторический опыт и новые тенденции» [Максимова 2008] анализирует экономическое взаимодействие Австрии с СССР с критических позиций в период 1955–1991 гг. Автор в общих чертах рассматривает основные направления сотрудничества между странами с целью описания фундамента современных российско-австрийских отношений. О.В. Максимова останавливается на вопросах экономики наиболее подробно, чем остальные авторы, однако автор делает это с точки зрения историка, а не экономиста, что приводит к недостатку апелляции к цифрам.

Более тематизированный труд о развитии советско-австрийского сотрудничества в сфере экономики – монография «Экономические отношения Австрии с Советским Союзом и Россией: опыт, новые формы и тенденции» И.Г. Жирякова, О.И. Барбашиной и О.В. Максимовой [Барбашина 2009] – представляет собой обобщение уже имеющейся литературы по теме. Авторы анализируют экономическую ситуацию в послевоенной Австрии и предпосылки развития ее внешнеторговых отношений с Советским Союзом:

Экономика Австрии не могла развиваться без тесных связей с зарубежными странами, причем ввоз ею товаров и капитала превышал их вывоз... В больших количествах ввозились нефть, природный газ, каменный уголь и кокс, металлоруды, химическое сырье [Барбашина 2009, с. 15–16].

В этой связи Советский Союз, богатый минеральными источниками энергии, представлял живой интерес для австрийцев.

Новацией в монографии является вопрос о «германских активах» и о немецкой собственности, что было камнем преткновения в сотрудничестве не только Австрии и СССР, но и союзников. Их урегулирование «было невозможно до тех пор, пока представители точно не определили то, о чем они договариваются» [Барбашина 2009, с. 26]. Лишь десять лет спустя после окончания Второй мировой войны союзникам и австрийскому правительству удалось разрешить противоречия и прийти к соглашению – в 1955 г. был подписан Государственный договор, по которому Австрия получила независимость. Подробное описание разрешения спора о «германских активах» представляет собой яркий пример смены парадигмы. Если в советский период исследователи делали особый акцент на роли СССР в обретении Австрией независимости, то И.Г. Жиряков, О.И. Барбашина и О.В. Максимова ставят этот тезис под сомнение: «переговоры о заключении Государственного договора начались 25 апреля 1946 года в Париже», однако «многие положе-

ния, относящиеся к германским активам, оставались несогласованными» вплоть до 1955 г. [Барбашина 2009, с. 24], не в последнюю очередь из-за жесткой, неуступчивой позиции СССР. Лишь проект «сокращенного договора», который «стал попыткой западных держав в одностороннем порядке разрешить австрийский вопрос, вне зависимости от позиции СССР» [Гарелик 2014], обойдя решение вопроса о немецкой собственности в советской зоне оккупации, смог сдвинуть переговоры о заключении Государственного договора с мертвой точки. По мнению М.В. Гарелика [Гарелик 2019], австрийское правительство отказалось от «сокращенного договора» не в последнюю очередь из-за «крупны[х] политико-экономически[х] уступ[о]к Советского Союза по отношению к Австрии» [Гарелик 2014, с. 79–80], т. е. можно сказать, что авторы «сокращенного договора» добились своей цели – ускорили подписание Государственного договора Австрии, повлияв на непоколебимую позицию советского правительства.

С подписанием Декларации о независимости Австрии советско-австрийские торгово-экономические отношения стали активно развиваться, о чем, как говорилось выше, упоминали советские исследователи. Однако в современной российской историографии акцент, как и прежде, смещен в сторону политических советско-австрийских отношений, которые помогают понять инструменты налаживания уже российско-австрийских политических отношений. Торгово-экономические советско-австрийские отношения затрагиваются современными отечественными историками частично в коллективной монографии «*Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE*» («Разрядка во время холодной войны. Путь к Московскому договору и к СБСЕ») [Entspannung im Kalten Krieg 2020], которая опубликована на немецком и готовится к печати на русском языке. Авторы сборника – международный коллектив историков – на основе недавно рассекреченных архивных документов предпринимают попытку приподнять завесу тайны о мотивах политики разрядки. Главный тезис, который прослеживается во всех статьях коллективной монографии, сформировал российский историк, доктор исторических наук А.В. Келлер [Keller 2020]: прогрессу западно-восточного партнерства в конце 1960-х – начале 1970-х гг. способствовал, по его мнению, приход к власти в СССР Л.И. Брежнева. Его «готовность пойти на компромисс» и «условная открытость к “новой восточной политике” и Западу, несмотря на совершенно различные мотивации и цели» позволили построить экономические, культурные и научные отношения со странами Западной Европы [Keller 2020, s. 421]. Выводы авторов о том,

что фактически именно благодаря Л.И. Брежневу, проявившему готовность и желание проводить политику мира между Востоком и Западом, стало возможно подписание Московского договора 1972 г., явилось настоящим прорывом в исторической науке, где преобладает мнение о важной роли в деле разрядки международной напряженности лишь одной исторической личности – четвертого федерального канцлера ФРГ Вилли Брандта.

Монография «Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE» посвящена развитию отношений СССР с Западной Германией, поэтому советско-австрийские отношения рассматриваются в нем именно в контексте сотрудничества СССР–ФРГ. Так, например, О.В. Павленко в статье “Die Wirtschaft als Triebfeder der Entspannung: von erzwungener Kooperation zu pragmatischer Partnerschaft” («Экономика как движущая сила разрядки: от вынужденного взаимодействия к прагматичному партнерству») [Pavlenko 2020] утверждает, что отношения Советского Союза с Австрией стали некоторым триггером к развитию экономического сотрудничества СССР с ФРГ. Советско-австрийский договор 1968 г. по поставкам природного газа запустил схожие процессы в Западной Европе – Италии и ФРГ [Pavlenko 2020, s. 398]. То есть можно констатировать, что современные исследователи сохраняют заданный советскими историками позитивный тон в отношении Австрийской Республики.

Заключение

Таким образом, отечественное австроведение – молодое исследовательское направление. В качестве научной дисциплины оно зародилось в последние годы СССР и сегодня продолжает свое развитие. Исследователи рассматривают различные аспекты как внутри-, так и внешнеполитической жизни Австрии, отчасти анализируют ее экономику и торговлю с СССР. Наблюдается активное изучение таких тем, как, например, участие СССР в восстановлении независимости Австрийского государства, сложности подписания Государственного договора 1955 г., политическое советско-австрийское взаимодействие в контексте мирного сосуществования государств с разным политическим строем, разной идеологией.

В первые десятилетия после подписания Государственного договора с Австрией советско-австрийские отношения рассматривались в основном в рамках политического взаимодействия между странами, статьи о торговле и экономических связях СССР

с Австрией – единичные случаи. Главный акцент делался на важной роли СССР в формировании австрийского государства, поэтому тексты, публикуемые в научных журналах в период холодной войны, носили позитивный характер и избегали попадания в замкнутый круг идеологических штампов борьбы Восток–Запад. И Советский Союз, и нейтральная Австрийская Республика были заинтересованы в формировании как политических, так и экономических контактов, поэтому в СССР создавался положительный образ Австрии.

Если в первые годы независимости Австрии исследователи лишь описывали ключевые события в ее политической жизни, то с увеличением исторической дистанции – десятилетие спустя после обретения Австрийской Республикой независимости – во второй половине 1960-х гг. стал возможен подробный глубокий анализ основ советско-австрийских политических отношений. Появились монографии, исследующие политический путь современной Австрийской Республики и ее взаимоотношения с СССР. Постепенно, после распада СССР, произошла смена научной парадигмы, что позволило исследователям взглянуть на советско-австрийские отношения под другим углом. Например, неоспоримый в советской историографии тезис о том, что именно благодаря действиям и стремлениям СССР, Австрия смогла получить независимость, ставится современными исследователями под сомнение. По их мнению, Австрийская Республика могла бы стать свободной почти на десятилетие раньше, если бы не твердая позиция СССР в отношении распределения германских активов. В исследованиях по экономической истории также наблюдаются сдвиги в методологии – произошел отход от марксистско-ленинской идеологии, однако это не спровоцировало новых взглядов на торгово-экономические отношения СССР и Австрии. В современной историографии советско-австрийских торгово-экономических отношений все еще сохраняются пробелы. Например, отсутствует периодизация; остаются открытыми такие вопросы, как, например, влияли ли отношения Австрии с западными странами на отношения с СССР; использовал ли СССР какие-либо экономические механизмы для влияния на политику Австрийской Республики; в какой мере экономическое взаимодействие способствовало налаживанию отношений между странами с разными политическими системами. И наиболее интересный вопрос – с помощью каких механизмов происходила торговля между государствами с разным экономическим строем, каким именно образом плановая экономика СССР смогла вписаться в рыночную экономику Австрии.

Литература

- Балод 1973 – *Балод Ю.* СССР – Австрия. Новые возможности делового сотрудничества // *Внешняя торговля.* 1973. № 6. С. 10–12.
- Барбашина 2009 – *Барбашина О.И.* Экономические отношения Австрии с Советским Союзом и Россией: опыт, новые формы и тенденции / Ред. О.И. Барбашина, И.Г. Жиряков, О.В. Максимова. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 164 с.
- Белецкий 1962 – *Белецкий В.Н.* Советский Союз и Австрия. М.: ИМО, 1962. 342 с.
- Белецкий 1965 – *Белецкий В.Н.* СССР в борьбе за независимость Австрии. М.: Политиздат, 1965. 198 с.
- Ворошилов 1968 – *Ворошилов С.И.* Рождение второй республики в Австрии. Л.: ЛГУ им. Жданова, 1968. 331 с.
- Гарелик 2019 – *Гарелик М.В.* Проблема заключения Государственного договора с Австрией во внешней политике стран-победительниц (1946–1949 гг.) [Электронный ресурс] // *Весті БДПУ.* 2019. Серія 2. № 4. С. 78–84. URL: http://elib.bspu.by/bitstream/doc/45986/1/_220194078.pdf (дата обращения 25 апр. 2021).
- Гарелик 2014 – *Гарелик М.В.* Проект «Сокращенного договора» с Австрией 1952 г. [Электронный ресурс] // *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. К 100-летию БГПУ. Материалы VIII Междунар. научнo-теоретич. конф.* 2014. С. 78–79. URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/3553/1/7.pdf> (дата обращения 25 апр. 2021).
- Глязер 1960 – *Глязер Г.* Австрия и Советский Союз // *Новое время.* 1960. № 27. С. 9.
- Григорьев 1955 – *Григорьев Р.* К вопросу о развитии экономических отношений между СССР и Австрией // *Внешняя торговля.* 1955. № 7. С. 7–8.
- Ермаков 1988 – *Ермаков О.А.* Внешняя политика Австрии и развитие советско-австрийских отношений в 80-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Дипломат. акад. МИД СССР, 1988. 218 с.
- Жиряков 1987 – *Жиряков И.Г.* Австрийско-советские отношения и проблема безопасности и сотрудничества в Европе, 1945–1986 гг.: Дис. ... д-ра. ист. наук. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1987.
- Максимова 2008 – *Максимова О.В.* Отношения Австрийской Республики с СССР и Российской Федерацией: общее и особенное, исторический опыт и новые тенденции: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008.
- Подкопаев 1984 – *Подкопаев А.* СССР – Австрия // *Международная жизнь.* 1984. № 1. С. 149–150.
- Entspannung im Kalten Krieg 2020 – *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE.* Graz; Wien: Leykam Verlag, 2020.
- Graf 2020 – *Graf M.* Österreich, die sozialistischen Staaten und die deutsche “Ostpolitik” // *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE.* Graz; Wien: Leykam Verlag, 2020. S. 657–674.
- Keller 2020 – *Keller A.* Der sowjetisch-bundesdeutsche Energiedialog als Basis der Entspannung // *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE.* Graz; Wien: Leykam Verlag, 2020. S. 413–427.
- Pavlenko 2020 – *Pavlenko O.* Die Wirtschaft als Triebfeder der Entspannung: von erzwungener Kooperation zu pragmatischer Partnerschaft // *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE.* Graz; Wien: Leykam Verlag, 2020. S. 387–411.

References

- Balod, Yu. (1973), "USSR – Austria. New Opportunities for Business Cooperation", *The International Trade*, no. 6, pp. 10–12.
- Barbashina, O.I. (2009), *Ekonomicheskie otnosheniya Avstrii s Sovetskim Soyuzom i Rossiei: opyt, novye formy i tendentsii* [Economic relations of Austria with the Soviet Union and Russia: experience, new forms and trends], MGGU im. M.A. Sholokhova, Moscow, Russia.
- Beletskii, V.N. (1962), *Sovetskii Soyuz i Avstriya* [Soviet Union and Austria], IMO, Moscow, USSR.
- Beletskii, V.N. (1965), *SSSR v bor'be za nezavisimost' Avstrii* [USSR in the struggle for the independence of Austria], Politizdat, Moscow, USSR.
- Borchard, M., Karner, S., Küsters, H.J. and Ruggenthaler, P. (eds.) (2020), *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE*, Leykam Verlag, Graz, Wien, Austria.
- Ermakov, O.A. (1988), *Vneshnyaya politika Avstrii i razvitie sovetsko-avstriiskikh otnoshenii v 80-e gody* [Foreign policy of Austria and the development of Soviet-Austrian relations in the 80s.], Ph.D. Thesis (History), Diplomatische Akademiya MID SSSR, Moscow, USSR.
- Garelik, M.V. (2014), "A draft version of the 'Abbreviated treaty' with Austria of 1952", *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury. K 100-letiyu BGPU. Materialy VIII Mezhdunar. nauchno-teoretich. konf.* [Europe: Actual Problems of Ethnoculture. To the 100th Anniversary of BSPU. Materials of the VIII International Scientific and Theoretical Conference], pp. 78-79, available at: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/3553/1/7.pdf> (Accessed 25 April 2021).
- Garelik, M.V. (2019), "The problem of concluding a State treaty with Austria in the foreign policy of the victorious countries (1946–1949)", *Vesti BSPU*, no. 4, pp. 78–84, available at: http://elib.bspu.by/bitstream/doc/45986/1/_220194078.pdf (Accessed 25 April 2021).
- Glyazer, G. (1960), "Austria and the Soviet Union", *The New Times*, no. 27, p. 9.
- Graf, M. (2020), "Österreich, die sozialistischen Staaten und die deutsche 'Ostpolitik'", in Borchard, M., Karner, S., Küsters, H.J. and Ruggenthaler, P. (eds.), *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE*, Leykam Verlag, Graz, Wien, Austria, S. 657–674.
- Grigor'ev, R. (1955), "On the Development of Economic Relations between the USSR and Austria", *The International Trade*, no. 7, pp. 7–8.
- Keller, A. (2020), Der sowjetisch-bundesdeutsche Energiedialog als Basis der Entspannung, in Borchard, M., Karner, S., Küsters, H.J. and Ruggenthaler, P. (eds.), *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE*, Leykam Verlag, Graz, Wien, Austria, S. 413–427.
- Maksimova, O.V. (2008), *Otnosheniya Avstriiskoi Respubliki s SSSR i Rossiiskoi Federatsiei: obshchee i osobnoe, istoricheskii opyt i novye tendentsii* [Relations of the Republic of Austria with the USSR and the Russian Federation: General and Specific, Historical Experience and New Trends], Ph.D. Thesis (History), MGGU im. M.A. Sholokhova, Moscow, Russia.
- Pavlenko, O. (2020), „Die Wirtschaft als Triebfeder der Entspannung: von erzwungener Kooperation zu pragmatischer Partnerschaft“, in Borchard, M., Karner, S., Kü-

- sters, H.J. and Ruggenthaler, P. (eds.), *Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE*, Leykam Verlag, Graz, Wien, Austria, S. 387–411.
- Podkopaev, A. (1984), “USSR – Austria”, *The International Affairs*, no. 1, pp. 149–150.
- Voroshilov, S.I. (1968), *Rozhdenie vtoroi respubliki v Avstrii* [The Birth of the second republic in Austria], LGU im. Zhdanova, Leningrad, USSR.
- Zhiryakov, I.G. (1987), *Avstriisko-sovetskie otnosheniya i problema bezopasnosti i sotrudnichestva v Evrope, 1945–1986 gg.* [Austrian-Soviet relations and the problem of security and cooperation in Europe, 1945–1986], Ph.D. Thesis (History), Akademiya obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Юлия А. Мартинец, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jmartinets1126@gmail.com

Information about the author

Yuliya A. Martinets, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; jmartinets1126@gmail.com

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.51

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46

Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР

Владимир О. Щербунов

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия, vshcherbunov@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать военно-политические отношения Австралийского Союза (АС) и США с середины 2010-х гг. с учетом их исторической преемственности, принимая во внимание обострение отношений между австралийской и китайской сторонами в 2020–2021 гг. Нарастание конфликтности в отношениях между двумя странами и Китаем, пришедшее на смену «политике вовлечения», во многом обусловлено активностью Пекина в АТР с середины 2010-х гг., которая начала восприниматься Австралией и США как угроза продвигаемому ими либеральному порядку («порядку, основанному на правилах»). Автор приходит к выводу, что в 2016–2021 гг. несмотря на глубокие экономические связи трех стран и неопределенность после избрания президента Д. Трампа, военно-политические отношения Австралии и США продолжали укрепляться, принимая антикитайскую направленность и ориентацию на многосторонние форматы взаимодействия с другими державами региона в рамках реализации американской глобальной стратегии – расширению либерального порядка и сдерживанию попыток Китая по созданию своей экономической сферы влияния.

Ключевые слова: Австралия, США, Китай, военно-политический союз, АНЗЮС, мировой порядок, порядок, основанный на правилах

Для цитирования: Щербунов В.О. Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 32–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46

© Щербунов В.О., 2021

“Political Science. History. International Relations” Series, 2021, no. 4 • ISSN 2073-6339

Military-political relations between Australia and the United States amid the growing influence of China in the Asia-Pacific

Vladimir O. Shcherbunov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
vshcherbunov@yandex.ru*

Abstract. This article aims to analyze the political-military relations between the Australian Union (AU) and the United States since the mid-2010s, considering their historical continuity, and taking into account the deteriorating relations between Australia and China in 2020–2021. The growing tensions between the two countries and China, which followed the failed “policy of engagement”, have been unfolding largely due to Beijing’s activities in the Asia-Pacific since the mid-2010s, which Australia and the United States began to perceive as a threat to the liberal world order they were promoting (the “rule-based order”). The author concludes that in 2016–2021, despite the deep economic ties between the three countries and the uncertainty after the election of President D. Trump, the military-political relations between the US and Australia continued to strengthen, taking an anti-Chinese orientation, with an emphasis on the multilateral formats as part of implementing the American global strategy.

Keywords: USA, Australia, China, military-political alliance, ANZUS, world order, rule-based order

For citation: Shcherbunov V.O. (2021), “Military-political relations between Australia and the United States amid the growing influence of China in the Asia-Pacific”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 32-46, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46

Введение

Положение Австралии, традиционной державы среднего уровня, более 70 лет блокирующейся в неореалистском смысле с США, во многом предопределяет ее внешнюю политику в разворачивающемся противостоянии между США и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [Юнюшкина и др. 2020]. В XXI в. американские усилия в АТР были направлены на реализацию глобальной стратегии – выстраивание благоприятного баланса сил [Шаклейна

2017], а фактически на сдерживание Китая и расширение либерального мирового порядка (так называемого порядка, основанного на правилах)¹.

Рядом исследователей выдвигается идея о том, что Австралия в силу высокой экономической зависимости от Китая (на торговлю с которым приходится до 30% товарооборота) и в условиях отсутствия прямой военной угрозы со его стороны будет стараться балансировать между США и КНР, избегая конфликта с последним, а также будет стремиться диверсифицировать свою внешнюю политику, ориентируясь на другие демократии региона [Medcalf 2019; Алешин 2020; Гарин 2020].

Военно-политические действия Австралии, включая участие в интервенциях на Ближнем и Среднем Востоке, а также укрепление американо-центричной системы союзов в АТР [Cha 2018; Истомин, Байков 2020], во многом свидетельствует о ее стремлении продвигать американо-центричный мировой порядок с целью обеспечения национальной безопасности [Mearsheimer 2010; Bisley, Schreer 2018; Степанов 2020] и, том, что военно-политическую деятельность Австралии невозможно рассматривать в отрыве от США. В условиях угрозы этому порядку, а именно – его институтам и соотношению сил (существующим сферам влияния), Австралия оказалась готова пойти на его защиту различными мерами, рискуя осложнением политических и экономических отношений с Китаем, что наблюдается с 2018 г. и достигло своего апогея в конце 2020 г. в форме торговых войн и появления жесткой риторики между Австралией и Китаем.

Соответственно, цель данного исследования – проанализировать военно-политические отношения АС и США с середины 2010-х гг., с учетом их исторической преемственности и обострения отношений между Канберрой и Пекином в 2020–2021 гг.

¹ В данной статье используется определение мирового порядка, предложенное российским исследователем А.Д. Богатуровым: «Мировой порядок» – «система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; согласованных на их основе конкретных установлений; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться» [Богатуров 2017, с. 184]. Подробнее о либеральном порядке и его элементах см.: *Mazarr M.J. et al. Understanding the Current International Order* [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 2016. P. 14. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1500/RR1598/RAND_RR1598.pdf (дата обращения 15 августа 2021).

Для достижения цели были решены следующие задачи:

1) рассмотрен комплекс военно-политических отношений АС и США к середине 2010-х гг., с учетом участия Австралии в глобальной стратегии США и отношений с КНР;

2) определены направления внешнеполитической и экономической активности Китая, которую США, а затем и Австралия начали воспринимать как угрозу «порядку, основанному на правилах»;

3) проанализированы военно-политические отношения АС и США с середины 2010-х гг. через призму продвижения либерального мирового порядка и сдерживания усиления влияния КНР в регионе.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступает парадигма политического реализма, которая акцентирует внимание на ведущей роли государства на международной арене, а также структурный реализм (неореализм), согласно которому межгосударственные отношения трактуются с точки зрения их системности и сдерживания других центров силы, а также концепции баланса сил и баланс угроз С.М. Уолта [Walt 2013]. Отношения Австралии и США рассматриваются через призму военно-политического и экономического сдерживания потенциальной угрозы (Китая), т. е. поддержания благоприятного баланса сил в регионе и сохранения (либо расширения) «порядка, основанного на правилах».

Военно-политические отношения Австралии и США к середине 2010-х гг.: преемственность и новизна

В основе современных военно-политических отношений АС и США лежит ряд международных соглашений и практик, уходящих своими корнями в середину и вторую треть двадцатого века. В течение этого периода были подписаны основополагающие документы о военно-политическом взаимодействии сторон (Договор безопасности АНЗЮС и Соглашение Редфорд-Коллинз от 1951 г., а также Соглашение о радиотехнической разведывательной деятельности Великобритания–США от 1946 г.), отработаны форматы проведения региональных совместных военных операций (Корейская война, Вьетнамская война) и международных учений *RIMPAC*, выработаны и углублены форматы взаимодействия в военно-политической сфере (широкое сотрудничество в разведывательной сфере в рамках программы *Five Eyes*, косвенная интеграция Австралии в систему ядерного сдерживания США, унификация и стандартизация военной техники,

обучения личного состава и тактики, приобретение продукции американского ВПК] [Савченко 2019].

В начале XXI в. военно-политические отношения Австралии и США перешли в новое качество, расширив глубину и сферы взаимодействия. В период третьего-четвертого срока премьер-министра Дж. Говарда (2001–2007 гг.) и президентства Дж. Буша-мл взаимодействие двух стран получило глобальное измерение. Австралия и США в составе международной коалиции осуществили совместные интервенции на Среднем и Ближнем Востоке под предлогом борьбы с терроризмом и нераспространением ОМУ, при этом австралийские Силы самообороны выступали в качестве интегративной части ВС США². На региональном уровне было институционально оформлено сотрудничество в сфере разработки системы глобальной противоракетной обороны, нераспространения ОМУ, заложен фундамент для укрепления взаимодействия сухопутных и воздушных вооруженных сил, начаты проводимые каждые два года учения у восточного побережья Австралии *Talisman Sabre* (численностью 15 тыс. в 2005 г. и 34 тыс. в 2019 г.³), начато трехстороннее взаимодействие с участием Японии в формате Трехстороннего Стратегического Диалога (Trilateral Strategic Dialogue) на уровне министров, а также предпринята неудачная попытка четырехстороннего взаимодействия с участием Индии (Quadrilateral Security Dialogue, QUAD).

При администрации Б. Обамы и ряде премьер-министров Австралии политические отношения между странами характеризовались преемственностью. Не считая выросшего внимания к региону в доктринальных документах США и принятого в 2011 г. решения о размещении на севере Австралии небольшого контингента вооруженных сил США на ротационной основе (численность которого достигла 2,5 тыс. военнослужащих к 2019 г.), стороны продолжали взаимодействовать в форматах 2000-х гг.: осуществляли совместные военные операции на Ближнем и Среднем Востоке в том числе в рамках международной коалиции против ИГ, проводили совместные учения в Тихом океане, модернизирово-

² При вторжении в Ирак Австралия отправила четвертый по размеру контингент в размере 2 тыс. военнослужащих. В Афганистане к 2009 г. контингент достигал 1 тыс. военнослужащих, к 2014 г. их число сократилось до около 400.

³ Для сравнения: ежегодные учения *Foal Eagle* между США и Республикой Корея включали на разных этапах от 200 до 500 тыс. человек (в среднем 10–20 тыс. военнослужащих США). Однако необходимо учитывать общий размер вооруженных сил стран региона (2009): Австралия – около 70 тыс., Южная Корея – около 600 тыс.

вали техническую и институциональную составляющую контроля над космическим пространством, развивали военно-техническое сотрудничество и закупки вооружений, а также осуществили институционализацию сотрудничества в киберпространстве путем подписания меморандумов.

Военно-политическая активность Австралии на данном этапе оставалась в фарватере стратегии США. Политика Вашингтона по преобразованию миропорядка на данном этапе во многом оказалась увязана с проблемами исламистского терроризма, трагедии 11 сентября, и угрозы распространения ОМУ, которые неоконсерваторы администрации Дж. Буша-мл. использовали для попытки реализации проекта Большого Ближнего Востока и которые во многом «заморозили» потенциально конфронтационный характер отношений США и Китая. Хотя президент Дж. Буш-мл. изначально делал упор на «стратегическое соперничество» с Китаем [Green 2017, p. 484], а не на «стратегическое партнерство», продвигавшееся ранее администрацией Б. Клинтона, отношения между США и Китаем развивались в рамках «политики вовлечения». На уровне риторики это означало, как заявил в 2005 г. заместитель госсекретаря Р. Зелик, что Китай должен быть «ответственным участником» (англ. *responsible stakeholder*) и что «настоящее доверие невозможно (*real trust*) до того момента, пока Китай не станет демократией»⁴. Как сообщалось в раскрытых организацией Wikileaks документах, в марте 2009 г. премьер-министр К. Радд заявил госсекретарю Х. Клинтон, что общей стратегической целью США и Австралии должна быть интеграция Китая в мировую систему, но что США должны быть готовы применить силу против Китая, если данные планы рухнут⁵. До середины 2010-х гг. Австралия следовала этой цели, укрепляя экономические связи с Китаем, кульминацией которых стало создание Стратегического экономического диалога Австралии и Китая в 2014 г., подписание соглашения о ЗСТ в июне 2015 г.⁶ и вступление АС в Азиатский банк инфраструктурных инвести-

⁴ *Zoellick R.B.* “Whither China: From Membership to Responsibility?” Remarks to National Committee on U.S. – China Relations // US Government Archive. 2005. 21 сент. URL: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm> (дата обращения 15 августа 2021).

⁵ Australian PM Kevin Rudd ‘sought tough China policy’ // BBC. 2010. December. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11925438> (дата обращения 15 августа 2021).

⁶ China–Australia Free Trade Agreement // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/chafta/Pages/australia-china-fta> (дата обращения 15 августа 2021).

ций (англ. АИВ) в том же году вопреки давлению американской стороны⁷.

*Военно-политические отношения
Австралии и США в 2016–2021 гг.:
борьба за «порядок, основанный на правилах»*

Военно-политические отношения АС и США второй половины 2010-х гг. развивались на фоне тесных экономических отношений Австралии и Китая и неопределенности, связанной с приходом на пост президента США Д. Трампа. Этот контекст позволил предположить возможность размывания основ военно-политического союза Австралии и США. Неприязнь Д. Трампа к союзным обязательствам изначально вызывали опасения австралийской стороны, однако не повлияли на отношения двух стран даже на уровне риторики по причине продолжения активной закупки Австралией продукции американского ВПК, платы за размещения ВС США на базе в Дарвине на севере Австралии и относительно высоким процентом ВВП (чуть более 2%), затрачиваемым на оборону.

Если отбросить субъективные факторы феномена Д. Трампа, то позитивная динамика военно-политических отношений между Австралией и США оказывается подчинена логике защиты «порядка, основанного на правилах» от Китая. С 2016 г. отношения между США и Китаем стали принимать все более антагонистичный характер, что нашло отражение в официальных документах США 2017–2019 гг., в которых Китай рассматривается в качестве ревизионистской державы⁸, а вместо концепции Азиатско-Тихоокеанского региона начинала использоваться антикитайская по своей направленности концепция «Свободного и Открытого Индо-

⁷ The Asian Infrastructure Investment Bank // CSIS. 2015. March. URL: <https://www.csis.org/analysis/asian-infrastructure-investment-bank> (дата обращения 15 августа 2021). Australian PM Kevin Rudd 'sought tough China policy' // BBC. 2010. December. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11925438> (дата обращения 15 августа 2021). China–Australia Free Trade Agreement // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/chafta/Pages/australia-china-fta> (дата обращения 15 августа 2021). The Asian Infrastructure Investment Bank // CSIS. 2015. March. URL: <https://www.csis.org/analysis/asian-infrastructure-investment-bank>

⁸ Например: National Security Strategy of the United States of America 2017 // White House Archive. 2017. December. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

Тихоокеанского региона» [Торкунов 2019, с. 26]. Рассекреченная в конце президентства Д. Трампа «Стратегическая основа США в ИТР» (US Strategic Framework for the Indo-Pacific) постулировала необходимость поддерживать стратегическое превосходство США в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе путем укрепления связей с традиционными союзниками, и продвигать либеральный экономический порядок, не позволяя Китаю создавать новые, нелиберальные сферы влияния⁹.

Документы Австралии данного периода, такие как Белая книга по вопросам обороны 2016 г.¹⁰, Белая книга по внешней политике 2017 г.¹¹, или Обновленная стратегия обороны 2020 г.¹² также делали больший упор на проблематику сохранения «порядка, основанного на правилах» (rule-based order) в ИТР, упоминаемого в документе 2017 г. более 30 раз (по сравнению с 9 в прошлой Белой книге 2009 г.), а также подчеркивая роль США в его сохранении. Изменение ситуации в АТР привело к тому, что в Обновленной стратегии 2020 г. отмечалась все более наступательная (more assertive) внешняя политика Китая по расширению своего влияния в ИТР, а также выражалась обеспокоенность действиями Китая, которые могут подорвать стабильность в ИТР.

Опасения по поводу эрозии порядка, основанного на правилах, обусловлены тремя направлениями внешнеполитической и экономической активности Китая в АТР, которую США и Австралия воспринимают как угрозу для 1) институциональной, 2) материальной основ «порядка, основанного на правилах», а также для 3) национальной безопасности и суверенитета своих стран.

Институциональное направление связано с ситуацией в Южно-Китайском море, а именно с решением Международного трибунала по морскому праву от 2016 г. о непризнании претензии КНР и милитаризацией захваченных Китаем островов в 2016–2017 гг., что во-первых, де-факто закрепило контроль Китая над ними и близлежащей акваторией и, во-вторых, поставило под вопрос принци-

⁹ US Strategic Framework for the Indo-Pacific // White House Archive. 2021. Jan. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

¹⁰ 2016 Defence White Paper // Australian Government. URL: <https://www.defence.gov.au/whitepaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

¹¹ 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

¹² 2020 Defence Strategic Update // Australian Government. URL: https://www1.defence.gov.au/sites/default/files/2020-11/2020_Defence_Strategic_Update.pdf (дата обращения 15 августа 2021).

пы свободы мореходства и устойчивость норм Конвенция ООН по морскому праву, т. е. институциональные основы порядка. В ответ на данные действия в 2017 г. США начали проводить в спорных водах Операции по свободе навигации (англ. FONOP), число которых к 2020 г. возросло с 5 до 9 в год. Австралия тем не менее до сих пор не заходит военными судами в 12-мильную зону вокруг спорных островов, ограничиваясь только заходами в ЮКМ. В Белой книге по вопросам обороны Австралии 2016 г. говорится, что Австралия не занимает какую-либо сторону в конфликте, но тем не менее призывает не предпринимать односторонних действий по строительству искусственных сооружений в ЮКМ¹³. К 2020 г. Австралия и США окончательно признали решения Трибунала, отправив соответствующие ноты в ООН¹⁴.

Второе направление связано с усилиями Китая по созданию своей экономической сферы влияния, как обозначено в «Стратегической основе» США, т. е. получением влияния в странах, которое возможно конвертировать в экономические или военно-политические решения, благоприятствующие КНР, такие как права на владение портами или военно-морскими базами. Основным инструментом в данной ситуации выступает инициатива «Пояса и пути», а также двусторонние инвестиционно-экономические каналы Китая. В контексте данного исследования, наиболее ярко данная проблема проявила себя с малыми странами исторического «заднего двора» Австралии – Океании, такими как Вануату, с которыми Китай пытался установить более тесные экономические отношения. В ответ на это в 2018 г. Австралией была запущена инвестиционная программа *Pacific Step-Up*, начато совместное с США финансирование реконструкции военно-морской базы Манус в Папуа–Новой Гвинее, за которую боролись китайские инвесторы, а также инициирован Диалог по безопасности в Тихом океане (*Pacific Security Cooperation Dialogue*) между всеми членами АНЗЮС. На региональном уровне Австралия присоединилась к усилиям США по противостоянию китайскому влиянию и инвестициям, в ноябре 2018 г. став членом Трехстороннего партнерства по координации инвестиций в инфраструктуру и проекты в ИТР совместно с Японским банком международного сотрудничества.

Третье направление касается непосредственных угроз национальной безопасности или суверенитету стран Запада, а именно

¹³ 2016 Defence White Paper.

¹⁴ Note N° 20/026 // United Nations Archive. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mys_12_12_2019/2020_07_23_AUS_NV_UN_001_OLA-2020-00373.pdf (дата обращения 15 августа 2021).

возможности Китая влиять на общество и политических круги, а также получать доступ к чувствительным секторам экономики (коммуникации, порты, СМИ и др.)¹⁵. В 2018 г. в Австралии разразился скандал по поводу иностранного влияния на парламент и экономику, сопровождавшийся принятием Закона о прозрачности иностранного влияния 2018 г. (*Foreign Influence Transparency Scheme Act 2018*), запретивший политикам заниматься лоббизмом без указания того, в чьих интересах осуществляется деятельность, а также Закон о международных отношениях Австралии (Договоренности государства и территорий) 2020 г. (*Australia's Foreign Relations (State and Territory Arrangements) Act 2020*), усиливший контроль над международными соглашениями с участием региональных властей и давший возможность федеральному правительству разрывать их в случае несовпадения с внешней политикой Австралии. Кроме того, Австралия стала одной из первых стран, запретивших китайской компании *Huawei* участвовать в строительстве инфраструктуры сетей 5G.

Характерной чертой данного периода отношений стала активизации многостороннего военно-политического сотрудничества Австралии и США с державами региона, что рядом исследователей увязывается с трансформацией системы американских союзов и переходу от системы «оси-и-спиц» к системе «федеративной» [Green, Hicks, Cooper 2014] или «узловой» обороны [Simón, Lanoszka, Meijer 2021]. В данной системе Австралии отводится роль одного из узлов наряду с Японией и Индией в рамках возродившегося форума *Quadrilateral Defense Coordination Group* [Худайкулова, Рамич 2020], вокруг которого будет происходить военно-политическая и экономическая консолидация антикитайских усилий в южной части Тихого океана.

Несмотря на проведение первого саммита глав стран QUAD в марте 2021 г., в австралийских официальных документах QUAD не упоминается. Однако фактическим дополнением данного формата стало соглашение *Reciprocal Access Agreement (RAA)* с Японией от ноября 2020 г., закладывающее основу для совместных двух стран учений в ИТР и углубления сотрудничества в сфере безопасности. Параллельно с этим в 2017 г. Австралией были запущены многосторонние ежегодные учения *Indo-Pacific Endeavor*, направленные на укрепление отношений со странами региона, особенно с АСЕАН

¹⁵ Подробнее: *Mazarr M.J. et. al. Understanding Influence in the Strategic Competition with China // Rand Corporation. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA290-1.html (дата обращения 15 августа 2021).*

и Океанией. В июле 2018 г. к ним присоединились ВМС США, а в 2019 г. – Канада, Новая Зеландия и Япония. В 2019 г. аналогичный состав начал принимать участие в учениях *Talisman Saber*.

В результате с середины 2020 г. отношения между Австралией и КНР начали ухудшаться как в сфере экономики, так и на уровне риторики. 12 мая 2020 г. премьер-министр Дж. Моррисон заявил о необходимости расследования происхождения коронавирусной инфекции на территории Китая, на что Китай в ответ ввел пошлины против ячменя, крупной экспортной статьи Австралии и ряда других статей экспорта. Несколько дней спустя правительство также Китая заявило, что любая поддержка, которую Австралия окажет США, нанесет «смертельный удар» по экономике Австралии¹⁶. В июне 2020 г. премьер-министр Дж. Моррисон заявил о намерении полностью сконцентрировать военные усилия на ИТР, который должен быть «свободен от принуждения и гегемонии»¹⁷. В том же месяце правительство Австралии заявило о серии государственных кибератак на правительственные и бизнес-структуры, в июле 2021 г. официально обвинив Китай¹⁸. Пиком торговой войны стало введение в ноябре 2020 г. Китаем 200-процентных пошлин на экспорт вина из Австралии (37% от общего экспорта), а также полный запрет на экспорт каменного угля в Китай, однако товарооборот между двумя странами продолжал расти, в частности экспорт из Австралии в КНР в мае 2021 г. вырос на 16% по сравнению с маем 2020 г.¹⁹

¹⁶ China threatens ‘fatal blow’ to Australian economy // ABC News Radio. 2020. 25 мая. URL: <https://www.abc.net.au/radio/newsradio/china-threatens-fatal-blow-to-australian-economy/12284876> (дата обращения 15 августа 2021).

¹⁷ Australia to sharply increase defence spending with focus on Indo-Pacific // Reuters. 2020. 1 июля. URL: <https://www.reuters.com/article/australia-defence-idINKBN24246K> (дата обращения 15 августа 2021). К июлю 2021 г. австралийские силы самообороны продолжают участие в Операции Окра по борьбе с ИГ (110 чел.), Операции Steadfast по обучению вооруженных сил Ирака (2 чел.), Операции Manitou по обеспечению свободы судоходства в ближневосточном регионе (15 чел.), а также Операции Accordion по оказанию мер поддержки в критических ситуациях военнослужащим вышеуказанных операций (400 чел.).

¹⁸ Australia joins allies in accusing China of ‘malicious cyber activities’ // The Guardian. 2021. 20 июля. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/19/australia-joins-allies-in-accusing-china-of-malicious-cyber-activities> (дата обращения 15 августа 2021).

¹⁹ Australia-China Trade Tensions: The Great Escape? // HIS Markit. 2021. 9 июля. URL: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/australiachina-trade-tensions-the-great-escape-July21.html> (дата обращения 15 августа 2021).

В апреле 2021 г. в ходе выступления на День АНЗАК Секретарь Министерства внутренних дел Австралии М. Пецзулло заявил о том, что «свободные нации слышат барабаны войны» (drums of war)²⁰, что вызвало критику со стороны МИД КНР. Однако в мае 2021 г. главный редактор финансируемой китайским правительством газеты *Global Times* Х. Сицзинь заявил о военной угрозе для Австралии в случае оказания военной поддержки США в условиях вооруженного конфликта вокруг Тайваня, что стало первым подобным заявлением в истории двух стран²¹.

Заключение

Период политики вовлечения Китая в либеральный мировой порядок со стороны США привел к усилению экономического присутствия Пекина в Австралии. Расширение экономического влияния Китая в АТР, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне, не могло не затронуть отношения с Австралией. Однако анализ динамики военно-политических отношений между Австралией и США показывает, что Канберра остается лояльным приверженцем политики США по сохранению и продвижению «порядка, основанного на правилах», участвуя в инициативах по противодействию китайскому усилению. При этом военно-политическая активность Австралии, вслед за Вашингтоном, постепенно перемещается с глобального на региональный уровень с целью поддержания существующих институтов, норм политического поведения и баланса сил.

Отношения между Канберрой и Пекином, несмотря на произошедший обмен санкциями и появление спорадической негативной риторики, продолжают характеризоваться глубокими инвестици-

²⁰ Australian official warns drums of war are beating // Reuters. 2021. 27 апр. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/australian-official-warns-drums-war-are-beating-2021-04-27/> (дата обращения 15 августа 2021). Полная цитата: «Today, as free nations again hear the beating drums and watch worryingly the militarisation of issues that we had, until recent years, thought unlikely to be catalysts for war, let us continue to search unceasingly for the chance for peace while bracing again ... for the curse of war...».

²¹ China threatens Australia with missile attack // Australian Strategic Policy Institute. 2021. 26 июля. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/china-threatens-australia-with-missile-attack/> (дата обращения 15 августа 2021). Полная цитата: 'China has a strong production capability, including producing additional long-range missiles with conventional warheads that target military objectives in Australia when the situation becomes highly tense'.

онными и экономическими связями двух стран, что, по мнению автора, будет определять сдержанность двух сторон и развитие отношений в формате «управляемого стратегического соперничества», своеобразной «игре по правилам», о котором в 2021 г. заявил бывший премьер-министр Австралии К. Радд²². Действия Австралии в 2020–2021 гг., отчасти напомиавшие проведение «красных линий», оказались, с одной стороны, ответом на попытки Китая вмешательства в сферу влияния и внутренние дела Австралии, но при этом происходили на фоне начавшегося ранее углубления военно-политических отношений с участием США, объективно принимающих антикитайскую направленность.

Благодарности

Автор выражает благодарность Т.А. Шаклеиной, И.В. Болговой и А.Ю. Толстухиной за ценные идеи и комментарии.

Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Новая парадигма глобальной и региональной конкуренции в XXI веке: на примере Арктического и Индо-Тихоокеанского регионов», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, грант № КМУ-11/07.

Acknowledgements

The author expresses gratitude to T.A. Shakleina, I.V. Bolgova and A.Yu. Tolstukhina for valuable ideas and comments.

This work was supported by Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, project “A new paradigm of global and regional competition in the 21st century: the example of the Arctic and Indo-Pacific regions”, no. KMU-11/07.

Литература

- Алешин 2020 – Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 63–75.
- Богатуров 2017 – Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание. М.: Аспект-Пресс, 2017. 480 с.

²² Kevin Rudd's Remarks at the 2021 Lanting Forum // Asia Policy Institute. 2021. 22 февр. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/managed-strategic-competition> (дата обращения 15 августа 2021).

- Гарин 2020 – *Гарин А.А.* Фактор КНР в отношениях Австралийского Союза и США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 2. № 2 (47). С. 186–198.
- Истомин, Байков 2020 – *Истомин И.А., Байков А.А.* Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // *Polis: Journal of Political Studies*. 2020. № 6. С. 8–25.
- Савченко 2019 – *Савченко Е.О.* Роль Австралии в системе военных союзов США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 2. С. 77–93.
- Степанов 2020 – *Степанов А.С.* Океания, Австралия и Новая Зеландия в контексте американо-китайского соперничества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 12. С. 62–71.
- Торкунов 2019 – *Торкунов А.В.* Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 6. С. 25–37.
- Худайкулова, Рамич 2020 – *Худайкулова А.В., Рамич М.С.* «КВАД 2.0»: Четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Polis: Journal of Political Studies*. 2020. № 3. С. 23–43.
- Шаклеина 2017 – *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике, 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.
- Юношкина и др. 2020 – *Юношкина А.С. и др.* Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе // *Международные отношения*. 2020. № 2. С. 34–53.
- Bisley, Schreer 2018 – *Bisley N., Schreer B.* Australia and the rules-based order in Asia: Of principles and pragmatism // *Asian Survey*. 2018. Vol. 58. No. 2. P. 302–319.
- Cha 2018 – *Cha V.D.* Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2018. 352 p.
- Green 2017 – *Green M.J.* By More than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783. New York: Columbia University Press, 2017. 760 p.
- Green, Hicks, Cooper 2014 – *Green M.J., Hicks K.H., Cooper Z.* Federated Defense in Asia. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield, 2014. 42 p.
- Mearsheimer 2010 – *Mearsheimer J.J.* The gathering storm: China's challenge to US power in Asia // *The Chinese journal of international politics*. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 381–396.
- Medcalf 2019 – *Medcalf R.* Australia and China: Understanding the reality check // *Australian Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 73. No. 2. P. 109–118.
- Simón, Lanoszka, Meijer 2021 – *Simón L., Lanoszka A., Meijer H.* Nodal defense: the changing structure of US alliance systems in Europe and East Asia // *Journal of Strategic Studies*. 2021. Vol. 44. No. 3. P. 360–388.
- Walt 2013 – *Walt S.M.* The origins of alliances. N.Y.: Cornell University Press, 2013. 334 p.

References

- Aleshin, A.A. (2020), "Australian foreign policy strategy: middle power in a highly competitive environment", *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 2, pp. 63–75.
- Bogaturov, A.D. (2017), *Mezhdunarodnye otnosheniya i vnesnyaya politika Rossii: nauchnoe izdanie* [International relations and foreign policy of Russia: scholar edition], Aspekt-Press, Moscow, Russia.

- Bisley, N., and Schreer, B. (2018), "Australia and the rules-based order in Asia: Of principles and pragmatism", *Asian Survey*, vol. 58, no. 2, pp. 302–319.
- Cha, V.D. (2018), *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*, Princeton University Press, Princeton.
- Garin, A.A. (2020), "The China Factor in Australia – United States Cooperation", *South-East Asia: Actual problems of Development*, vol. 2, no. 47, pp. 186–198.
- Green, M.J. (2017), *By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783*, Columbia University Press, New York, USA.
- Green, M.J., Hicks, K.H., and Cooper, Z. (2014), *Federated Defense in Asia*, Rowman & Littlefield, Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK.
- Istomin, I.A., and Baikov, A.A. (2020), "Alliances at the service of hegemony: Deconstruction of the military domination toolbox", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 8–25.
- Khudaikulova, A.V. and Ramich, M.S. (2020), "Quad 2.0': Quadrilateral dialogue for counterbalancing China in the Indo-Pacific", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 23–43.
- Mearsheimer, J.J. (2010), "The gathering storm: China's challenge to US power in Asia", *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 3, no. 4, pp. 381–396.
- Medcalf, R. (2019), "Australia and China: Understanding the reality check", *Australian Journal of International Affairs*, vol. 73, no. 2, pp. 109–118.
- Savchenko, E.O. (2019), "The role of Australia within the system of the US military alliances", *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 2, pp. 77–93.
- Shakleina, T. (2017), *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the United States in World Politics], Aspekt-Press, Moscow, Russia.
- Simón, L., Lanoszka, A., and Meijer, H. (2021), "Nodal defence: the changing structure of US alliance systems in Europe and East Asia", *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 3, pp. 360–388.
- Stepanov, A.S. (2020), "Oceania in the context of the U.S.–China rivalry", *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 50, no. 12, pp. 62–71.
- Torkunov, A.V. (2019), "Strategy of the Trump Administration on Asia-Pacific", *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 6, pp. 25–37.
- Yunyushkina, A.S., Shapovalova, K.A., Kudakaev, R.F., and Pon'ka, T.I. (2020), "The Positions of China and the USA in the Indo-Pacific", *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 34–53.
- Walt, S.M. (2013), *The Origins of Alliances*, Cornell University Press, New York.

Информация об авторе

Владимир О. Щербунов, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; vshcherbunov@yandex.ru

Information about the author

Vladimir O. Shcherbunov, postgraduate student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; vshcherbunov@yandex.ru

Евразийский экономический союз и Иран

Али Эбрахимиторкаман

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ali.adelante@gmail.com*

Аннотация. После распада СССР Россия утратила статус сверхдержавы и потеряла свое влияние на очень большой территории в Восточной Европе, Центральной Азии и на Кавказе. Этим воспользовались страны Запада, прежде всего США, чтобы включить эти регионы в орбиту своего влияния. В начале XXI в. Россия начала восстанавливать свое присутствие в Центральной Азии и на Кавказе, создав такие организации, как ЕАЭС и ШОС. Россия тем самым преследовала цель возвращения утраченных после распада СССР позиций сверхдержавы. Важной причиной образования ЕАЭС стало также то, что некоторые страны бывшего СССР ощутили потребность в восстановлении экономических связей, существовавших до 1991 г. Эта организация вскоре начала расширяться в направлении Ближнего Востока. Одной из первых стран региона, начавших переговоры с организацией, стал Иран. В данной статье представлен анализ взаимоотношения Ирана с ЕАЭС. В 2019 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли Ирана с ЕАЭС, что привело к существенному росту двустороннего товарооборота. Возможное вступление в ЕАЭС для Ирана, с одной стороны, не принесет очень большой экономической выгоды из-за особенностей структуры его экономики и потребности в современных технологиях, которые эта организация не сможет ему обеспечить, однако позволит ему расширить и углубить взаимодействие со странами Центральной Азии противостоять давлению США. В частности, Ирану с помощью развития связей с ЕАЭС в области экономики можно будет нейтрализовать влияние разрушительных американских экономических санкций.

Ключевые слова: Иран, Россия, Евразийский экономический союз, экономика, международные отношения

Для цитирования: Эбрахимиторкаман А. Евразийский экономический союз и Иран // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 47–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-47-60

Eurasian Economic Union and Iran

Ali Ebrahimitorkaman

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, ali.adelante@gmail.com*

Abstract. After the collapse of the USSR, Russia lost its superpower status as well as its influence over a very large territory in Eastern Europe, Central Asia and the Caucasus. The Western countries, primarily the United States, took advantage of this to include these regions in the orbit of their influence. At the beginning of the 21st century, Russia has begun to regain its presence in Central Asia and the Caucasus by creating such organizations as the EAEU and the SCO. At the same time, Russia pursued the goal of returning the superpower positions lost after the collapse of the USSR. One of the important reasons for the formation of the EAEU was that some countries of the former USSR felt the need to restore economic ties that had existed before 1991. This organization soon began to expand towards the Middle East. Iran was one of the first countries in the region to start negotiations with the organization. This article presents an analysis of Iran's relationship with the EAEU. In 2019, the Agreement on the Free Trade Zone of Iran with the EAEU entered into force, which led to a significant increase in bilateral trade. A possible entry into the EAEU for Iran, on the one hand, will not bring very large economic benefits due to the peculiarities of the structure of its economy and the need for modern technologies that this organization cannot provide for this country. However, it will allow Iran to expand and deepen its interaction with the countries of Central Asia and resist the US pressure. In particular, it will be possible for Iran to neutralize the impact of the devastating American economic sanctions by developing ties with the EAEU in the field of economy.

Keywords: Iran, Russia, Eurasian Economic Union, economy, international relations

For citation: Ebrahimitorkaman, A. (2021), Eurasian Economic Union and Iran, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 47-60, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-47-60

Введение

Евразийский экономический союз возник в связи со стремлением России восстановить свои позиции в ближнем зарубежье, а также благодаря желанию части стран бывшего СССР возобновить интенсивные экономические контакты, прерванные после распада Советского Союза. Со временем эта организация стала активнее взаимодействовать со странами за пределами бывшего СССР. Развитие связей Ирана с Евразийским экономическим союзом пред-

ставляет достаточно большой интерес, потому что обе стороны стремятся развивать совместное взаимовыгодное сотрудничество. В работе в основном используется персоязычная литература, в частности статья Г. Зареи и Э. Аббаси «Евразийский экономический союз в российской перспективе», чтобы продемонстрировать точку зрения иранских исследователей на эту организацию и в целом на процессы, происходящие в регионе. Также приведены работы некоторых российских исследователей, показывающие поступательное развитие отношений Ирана и ЕАЭС, в том числе с помощью статистических данных. Важное место уделяется перспективам Ирана при дальнейшем развитии отношений с этой организацией.

Целью статьи является рассмотрение возможностей для развития Ирана в разных областях при активизации сотрудничества с ЕАЭС. Задачи статьи можно определить следующим образом: рассмотрение предпосылок возникновения ЕАЭС; рассмотрение характера и значимости данной организации; анализ тенденций и перспектив сотрудничества Ирана с ЕАЭС. При написании статьи был использован проблемно-хронологический метод исследования, с помощью которого рассмотрены этапы формирования Евразийского экономического союза, а также развитие взаимодействия этой организации с Ираном в едином комплексе исторических, политических и общественно-экономических условий.

Предпосылки возникновения Евразийского экономического союза

Политическая география северной части Евразии после развала СССР кардинально изменилась, что повлекло за собой перекройку карты мира. Распад СССР в 1991 г. привел к появлению большого количества новых независимых государств, которые в своем большинстве вошли в политическую организацию СНГ [Brzezinski 2006, p. 92].

В прошлом из-за тотального контроля Советского Союза над Центральной Азией и Кавказом у иностранных сил не было возможности включить эти регионы в орбиту своего влияния и установить с ними прочные политические и экономические связи. Однако с распадом СССР и возникновением вакуума власти вне-региональные государства, например Китай и США, захотели установить тесные отношения с этими странами. Политическая нестабильность новых независимых государств облегчила проникновение иностранных сил в регион. В течение 70 лет существования Советского Союза его властям удавалось сдерживать многочислен-

ные межнациональные противоречия внутри него. После его распада некоторые из этих противоречий сразу же проявились в резких формах, что привело в ряде случаев к военным столкновениям: например, войны в Таджикистане, Чечне и Нагорном Карабахе. Обострению и затягиванию этих конфликтов во многом способствовало иностранное вмешательство.

Американский политолог З. Бжезинский разделил политические акторы в регионе Кавказа и Центральной Азии и во всей Евразии на две группы: активные и осевые игроки. Он относит к активным геополитическим игрокам государства, которые прибегают к применению силы или обладают возможностями по применению силы с целью добиться расширения своего влияния, – например Китай, США, Франция и Германия. К осевым геополитическим игрокам Бжезинский отнес государства, которые обладают значимостью прежде всего благодаря своему выгодному географическому положению и также могут оказывать влияние в регионе. Это такие страны, как Иран, Турция, Азербайджан и Украина. Очень важную роль в системе международных отношений играет Евросоюз – одна из региональных организаций, обладающих значительным политическим и экономическим потенциалом. ЕС может выступить в качестве активного геополитического игрока в Центральной Азии и на Кавказе, потому что некоторые страны региона заявляют о своем стремлении к европейской интеграции [Farsayi 2001, p. 42].

В региональной геополитике большое внимание уделяется природным ресурсам и экономическому потенциалу, а также географическому положению и важным транспортным путям. Все эти факторы определяют геополитическое положение стран в регионе [Mojtahedzade 2000, p. 63]. С точки зрения геостратегии особое значение имеют стратегические резервы углеводородов, нефтяные ресурсы, производство и потребление нефти и безопасность путей ее транспортировки. Нефть является стратегическим товаром, так как его отсутствие приведет мировое сообщество к краху, а мировую экономику – к банкротству. Это наиболее актуально для развитых индустриальных стран. Так, например, объем потребления одного американца в десятки раз больше, чем жителя Тропической Африки. Учитывая эти данные, можно понять причины стремления некоторых развитых стран установить контроль над нефтяными ресурсами.

В этой связи важное значение имеют страны Кавказа и Центральной Азии. Они обладают очень значительными запасами нефти и газа, однако после распада СССР и обретения независимости в 1991 г. они оказались в неустойчивом положении и не имели ни знаний, ни капитала, ни необходимых технологий для эксплуата-

ции своих углеводородных ресурсов. Необходимость в иностранной помощи для их разработки привела к усилению влияния в регионе развитых западных стран, обладающих необходимыми технологиями и средствами. С учетом очень больших запасов нефти в регионе Евразии проникновение туда стран Запада серьезно изменило геополитическую ситуацию.

В контексте этой новой ситуации, учитывая традиционное влияние России и Ирана на регион, Западом предпринимаются попытки не допустить серьезного усиления этих двух стран. С одной стороны, это достигается путем ограничения потенциала России. С другой стороны, усилия Запада направлены на то, чтобы пути транспортировки углеводородов обходили стороной Иран, который сам обладает огромными энергетическими ресурсами.

В этой ситуации можно обратить внимание на противостояние России и США. США, будучи одной из двух сверхдержав во время холодной войны, после распада Советского Союза оказались доминирующим мировым игроком. По мнению некоторых исследователей, контроль над нефтяными ресурсами чужих стран и вытеснение конкурентов с нефтяного рынка является основной целью политики США и играет важную роль в обеспечении геополитического превосходства этой страны относительно своих соперников¹. Необходимо обратить внимание на то, что наличие нефтяных месторождений в той или иной стране – одна из основных причин акций по «продвижению демократии» со стороны американской администрации. Поэтому США в 1997 г. объявили регион Каспийского моря с его огромными нефтегазовыми ресурсами зоной своих стратегических интересов. США старались разными способами заполнить образовавшийся после развала СССР вакуум власти в регионе. Бывший госсекретарь Мадлен Олбрайт в связи с этим в 1998 г. подчеркнула необходимость работы над формированием будущего этого региона. При этом, США начали поддерживать новые независимые государства Центральной Азии и Кавказа с целью усилить в них свое влияние, а также ослабить там позиции России и не допустить взаимодействия региона с Ираном. Это позволило бы американцам контролировать нефтяные ресурсы Каспия [Ковалев, Левченко 2015, с. 53–54].

Россия в ответ на угрозы США, Европы и Китая инициировала процесс региональной интеграции в Центральной Азии, что-

¹ *Прохватиллов В.* О переделе мировых природных ресурсов в пользу США [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 24.09.2019. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/09/24/o-peredele-mirovyh-prirodnyh-resursov-v-polzu-ssha-49089.html> (дата обращения 24 марта 2020).

бы сохранить свое влияние на регион, а также не допустить проникновения в регион Евросоюза и НАТО, создав альтернативу в виде региональных союзов. В качестве первых шагов на этом пути В.В. Путин заключил двусторонние соглашения с Казахстаном и Туркменистаном и начал политику сближения с Китаем. Путин в ходе нескольких визитов в Китай предпринял попытки по разрешению двусторонних противоречий, возникших еще в период существования СССР. Эта политика дала результаты. В 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве России и Китая, а в 2006–2007 гг. проведены национальные годы России и Китая [Разов 2012, с. 38–39].

Президент России попытался запустить процесс региональной интеграции, в частности, в рамках СНГ и ШОС. Он стремится вернуть утраченные позиции России в регионе, укрепляя двусторонние отношения с региональными государствами путем подписания экономических договоров. Россия была убеждена, что формирование региональных экономических объединений вместе с Китаем само по себе приведет к ее превращению в одного из ведущих экономических игроков в мире.

Образование Шанхайской организации сотрудничества считается одним из важных шагов России в данной области. Она с помощью Китая и Индии и с привлечением стран, выступающих против современного мирового порядка, например Ирана, стремится воссоздать многополярный мир и занять в нем привилегированное положение. Поэтому ею предпринимаются попытки воспрепятствовать сближению стран Центральной Азии и Кавказа с Западом. Россия осознавала, что если ее влияние в регионе резко снизится, то в нем обретут господствующее положение новые игроки, и это негативно повлияет на ее стратегический потенциал [McKinlay, Little 2001, p. 71–79].

В.В. Путин стремится вернуть России те позиции в мире, которые занимал СССР. Он старается достичь этого в первую очередь с помощью региональных организаций. Одной из таких региональных организаций, помимо ШОС, является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Здесь важен экономический характер данного союза, поскольку страны бывшего СССР после его развала потерпели очень большой экономический урон. В первую очередь пострадали страны Центральной Азии и Кавказа. Некоторые из них были готовы к экономическому объединению под руководством России, чтобы восстановить бывшие хозяйственные связи и получить стимул для своего экономического развития. Поэтому предложение России по созданию ЕАЭС нашло отклик у части постсоветских государств. Надо сказать, что вообще в мире в по-

следние десятилетия резко интенсифицировались интеграционные процессы, в первую очередь экономической направленности, в которых активно участвуют и развитые, и развивающиеся страны, стремясь ускорить свое экономическое развитие [Abugattas Majluf 2004, p. 5–7]. Поэтому образование такой организации, как ЕАЭС, представляется вполне закономерным.

Характеристика и значимость Евразийского экономического союза

ЕАЭС начал свою деятельность в 2015 г. Его членами первоначально были Россия, Казахстан и Белоруссия, и каждая из стран-участниц преследовала свои собственные цели в этом союзе. Создание данного союза считается важным моментом в развитии энергетической геоэкономики в регионе и на мировом уровне и увеличивает ее значимость. В современную эпоху господства геоэкономического дискурса, в котором экономика занимает более значимое место, чем когда-либо, энергетическая геоэкономика открывает новую главу в международных отношениях [Borujerdi, Ansarizade, Karami 2011, p. 8].

Учитывая сложную внешнеполитическую ситуацию, в которой находится Россия из-за украинского кризиса и западных антироссийских санкций, региональные союзы могут стать для Москвы важным фактором роста ее геополитического потенциала. Поэтому сотрудничество с государствами – членами этого союза имеет для России большую значимость. Вхождение Киргизии и Армении в ЕАЭС, укрепление взаимодействия с этим союзом Китая, граничащего с Россией и обладающего важными путями транспортировки энергоресурсов, а также возрождение Шелкового пути в виде панъевразийской транспортной системы придают ЕАЭС еще большую значимость. Ранее в 2007 г. между Россией, Казахстаном и Белоруссией был подписан Таможенный договор, который фактически вступил в силу в 2010 г. Его первоочередные задачи включали в себя отмену таможенных и внутренних тарифов между тремя странами для создания единого торгового пространства².

Дополнительными целями договора были названы создание экономического союза на территории Евразии в 2015 г., что и было

² Таможенный союз: Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. 19.01.2011. URL: <https://ria.ru/20111019/464457877.html> (дата обращения 2 марта 2020).

реализовано в виде ЕАЭС, развитие общих рынков, создание единого экономического пространства, обеспечение свободного перемещения капиталов, товаров и услуг, снижение цен, снижение затрат на транспортировку товаров, развитие добросовестной конкуренции, общая сельскохозяйственная, энергетическая и технологическая политика.

Образовавшийся на основе Таможенного союза Евразийский экономический союз стал ответом на некоторые важные процессы на мировом уровне. С одной стороны, это – реакция на возникшие у постсоветских стран трудности в процессе вступления в ВТО и решении старых торговых конфликтов. С другой стороны, это – попытка создать альтернативу европейской интеграции для стран бывшего СССР и противодействие инициированной США глобализации на основе неолиберализма. ЕАЭС таким образом стал отражением новой тенденции к регионализации мира, которая фактически приводит к установлению контроля над быстро развивающимися процессами глобализации рынка, чтобы не допустить их чрезмерного усиления и как следствие – хаоса в экономике. Таким образом, институционализация интеграционных региональных организаций по всему миру во многом представляет собой их реакцию на те угрозы, которые несет для этих стран анархический капитализм [Zare'i, Abbasi 2018, p. 38].

Эту новую тенденцию к регионализации ярко можно видеть на примере европейской региональной интеграции, которая за последние десятилетия объединила практически все страны Европы, а Евросоюз на мировом уровне функционирует как очень влиятельное государственное объединение. ЕАЭС же рассматривается в качестве прогрессивной альтернативы ЕС, потому что ожидается, что он увеличит конкурентоспособность экономик стран-членов, повысит эффективность их взаимодействия с общемировой экономикой и тем самым укрепит их политическое влияние в мире. Очевидно, что именно эти цели и преследуют Россия, Белоруссия и Казахстан. Поэтому для этих стран дело не ограничивается экономическим развитием Евразии. Институционализированное региональное объединение вокруг России может стать новым мировым полюсом влияния. Такую перспективу поддерживает Китай, также выступающий за развитие евразийских интеграционных процессов и за многополярный мир [Farrell, Hettne, Langenhove 2005, p. 244].

*Иран и Евразийский экономический союз:
тенденции и перспективы сотрудничества*

Иран еще с середины 1980-х гг. пытался объединить вокруг себя соседние страны в рамках региональной организации. В 1990-х гг. он продвигал идею объединения стран Кавказа и Центральной Азии в одну организацию на базе религиозной общности, и с этой целью инициировал расширение ОЭС. Однако эти усилия не дали ожидаемого результата. Со временем, видя активизацию усилий России по восстановлению своего присутствия в бывших республиках СССР, что выразилось в создании ряда региональных организаций (ОДКБ, ШОС, ЕАЭС), Иран решил присоединиться к этому процессу, рассчитывая прежде всего на вступление в ШОС, а также стремясь установить прочные связи с ЕАЭС. Иранцы тем самым планировали укрепить собственную и региональную безопасность, активизировать экономическое сотрудничество в регионе, выйти из международной изоляции, а также противостоять давлению Запада [Дунаева 2017, с. 189–192].

Можно рассмотреть важные события во взаимоотношениях Ирана и ЕАЭС. Евразийский экономический союз с момента своего создания стремился не ограничиваться взаимодействием только лишь со странами бывшего СССР и старался расширять свое присутствие и в других регионах. Одним из таких регионов стал Ближний Восток, где организацию прежде всего интересовало взаимодействие с Ираном, что встретило ответный интерес иранской стороны. Укреплению двусторонних связей мешали экономические санкции ЕС и США против Ирана, что отпугивало бизнесменов стран – членов ЕАЭС от взаимодействия с этой страной. Тем не менее в результате политической воли уже в 2018 г., через 2 года после начала переговоров, удалось подписать временное соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, которое вступило в силу в октябре 2019 г. Общее число преференций покрывает 49% от общего объема поставок Ирана в ЕАЭС и 55% общего экспорта ЕАЭС в Иран. Пошлины на иранские товары были сокращены на 64%. Ожидается, что благодаря реализации соглашения общий прирост ВВП стран – членов ЕАЭС составит 2 млрд долл. Кроме того, страны ЕАЭС реализуют в Иране 76 перспективных проектов, из них Россия – 63³. Динамика товарооборота Ирана с ЕАЭС

³ *Абдраимов А.* Зона свободной торговли ЕАЭС и Ирана – перспективное сотрудничество для всех [Электронный ресурс] // Ритм Евразии. 27.02.2020. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-02-27--zona-svobodnoj-torgovli-eaes-i-irana-perspektivnoe-sotrudnichestvo-dlja-vseh-47703> (дата обращения 24 марта 2020).

за последние годы была противоречивой. Так, из-за санкционного давления и экономического кризиса в Иране двусторонний товарооборот снизился с 2,6 млрд долл. в 2016 г. до 2,4 млрд в 2019 г. Но после подписания соглашения начался его устойчивый рост. Уже в 2020 г., несмотря на пандемию коронавируса, стоимость товарооборота превысила показатели 2016 г. и оказалась равна 2,9 млрд долл., что означает рост на 18%. При этом стоимость экспорта ЕАЭС в Иран выросла всего на 2%, а стоимость импорта ЕАЭС из Ирана – на 51,5%, что показывает, что основную выгоду от реализации соглашения получил Иран. При этом, из отдельных стран – членов ЕАЭС больше всего увеличился товарооборот Ирана с Россией (экспорт России в Иран вырос на 19%, а импорт из Ирана – на 100%). На Россию приходится 85% экспорта и 65% импорта Ирана. Все это означает, что именно российско-иранская торговля – наиболее перспективная в рамках ЕАЭС. Ожидается, что во второй половине 2021 г. будет подписано полноформатное соглашение о свободной торговле взамен временного. Однако, несмотря на снижение таможенных тарифов, остаются препятствия для развития торговли ЕАЭС и ИРИ в виде нетарифных барьеров (задержка товаров на таможне, трудности в оплате товаров из-за того, что Иран отключен от системы международных расчетов SWIFT и др.)⁴. О полноправном членстве Ирана в ЕАЭС в настоящее время речи не идет, хотя и оно теоретически возможно в обозримом будущем.

Активное взаимодействие Ирана с данным союзом может иметь различные аспекты, которое можно рассматривать с разных сторон. Необходимо иметь в виду, что этот союз сформирован из небольшого количества стран. Это обстоятельство не позволит существенно увеличить его влияние в мире. С другой стороны, все страны – члены союза имеют с Россией тесные экономические связи, что само по себе может привести к его ослаблению и утрате его эффективности, если российская экономика окажется в кризисе. Нужно учитывать, что, кроме России, которая имеет относительно большой экономический потенциал, другие страны – члены организации ни с точки зрения технологий, ни с точки зрения производства и капитала не обладают сколько-нибудь серьезным потенциалом. И этот союз может стать фактически инструментом в руках России, с помощью которого она будет получать политико-экономическую выгоду, когда ей будет необходимо, учитывая преобладающую долю

⁴ Смагин Н. Торговля Ирана с ЕАЭС и перспективы ее развития [Электронный ресурс] // РСМД. 17.03.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-irana-s-eaes-i-perspektivy-ee-razvitiya/> (дата обращения 21 июля 2021).

России в его экономическом потенциале и экономическую зависимость от нее остальных стран-членов.

С другой стороны, большая часть товарооборота стран – членов ЕАЭС приходится на страны вне региона. По различным причинам почти все члены союза ориентированы преимущественно на торговлю с ЕС, и поэтому в настоящее время значительная доля в их торговом обороте приходится на Европейский Союз.

Одной из важнейших причин формирования региональных союзов и присоединения к ним разных стран является стремление реализовать политические и экономические потребности каждого из участников. Члены ЕАЭС же имеют гораздо меньший объем торговли между собой, чем с третьими странами (всего 15% в 2017 г.)⁵. Для Ирана, экономика которого гораздо более развита, чем у некоторых стран-членов, такое положение вещей можно считать неблагоприятным. Иран остро нуждается в новых технологиях, особенно – в получении современных технологий для развития отечественной добывающей и обрабатывающей промышленности. В этом плане ни одна из основных нужд Ирана не будет удовлетворена при взаимодействии с этим союзом.

Согласно докладу ЕС, общий объем ВВП стран Евразийского экономического союза находится на невысоком уровне, лишь немногим превышая показатель Южной Кореи и отставая от Канады, значительно меньшей по населению⁶. Это говорит о еще одном ярко выраженном недостатке данного союза для Ирана, на этот раз в плане возможностей для экономического роста. Хотя в целом в экономическом плане, безусловно, следует ожидать определенную выгоду для ИРИ при взаимодействии с этой организацией (например, за счет роста экспорта некоторых товаров, востребованных в ней), но вряд ли интеграция с ЕАЭС сможет радикально увеличить ВВП Ирана.

Значительную часть объема международной торговли стран ЕАЭС формирует торговля энергоресурсами. Как и страны ОПЕК, ЕАЭС в основном экспортирует сырьевые ресурсы, в первую очередь сырую нефть. Несмотря на наличие очень больших запасов

⁵ Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 25.01.2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2017/Analytics_I_201711.pdf (дата обращения 21 июля 2021).

⁶ *Giucci R., Mdinardze A.* The Eurasian Economic Union. Analysis from a trade policy perspective [Электронный ресурс] // Berlin Economics. 08.09.2017. URL: <https://berlin-economics.com/wp-content/uploads/Eurasian-Economic-Union-trade-policy-perspective.pdf> (дата обращения 24 марта 2020).

энергоресурсов, Иран не смог нарастить их экспорт в такой степени, как это сделали страны ОПЕК и нефтедобывающие страны ЕАЭС, из-за американских экономических санкций, существенно ограничивающих экспорт нефти.

Кроме того, внутренняя экономическая ситуация в Иране нуждается в значительном улучшении, чтобы страна смогла приступить к экономическому и торговому взаимодействию на равных условиях со странами, обладающими схожей структурой экономики (в ЕАЭС это Россия и Казахстан).

С другой стороны, полноценное взаимодействие Ирана с такими союзами, как ШОС и ЕАЭС, в случае обеспечения необходимых условий для этого внутри страны и с учетом санкционной политики США, может быть очень выгодным для этой страны и оказать положительное влияние на ее развитие.

Можно также рассмотреть перспективы Ирана в случае его полноправного членства в ЕАЭС. Принимая во внимание близкие отношения Китая и России и возрождение Шелкового пути, которое также активно поддерживает Европейский Союз, вхождение в ЕАЭС может обеспечить реализацию долгосрочных политико-экономических интересов Ирана. Несомненно, учитывая нынешнее положение Ирана, страдающего от санкций и экономической блокады, присоединение к ЕАЭС, как и к ШОС, может стать выгодным для него также и в краткосрочной перспективе.

Присоединение к ЕАЭС может также стать и политическим достижением для Ирана. Учитывая историческую общность и общее историко-культурное наследие Ирана и стран Центральной Азии и Кавказа, это может привести к значительному росту иранского влияния в этих странах. Таджикистан – персоязычная страна региона, которая имеет хорошие перспективы стать членом ЕАЭС в ближайшем будущем, может стать одной из важнейших сфер влияния Ирана. В случае присоединения к ЕАЭС Иран также сможет во многом нейтрализовать экономические санкции США, что может стать одним из важнейших положительных результатов этого политического шага.

Заключение

В заключение следует отметить, что Иран после исламской революции стремился к активному взаимодействию со странами-соседями в рамках региональных организаций. После того как Россия начала объединять страны постсоветского пространства и некоторые страны Азии в таких организациях, как ШОС и ЕАЭС,

чтобы восстановить утраченные позиции после распада СССР и противостоять влиянию Запада в странах бывшего Советского Союза, Иран проявил интерес к сотрудничеству с этими интеграционными объединениями.

В плане положительных результатов активного взаимодействия, а возможно, в перспективе – и полноправного членства Ирана в ЕАЭС, можно ожидать успешное противостояние давлению Запада, особенно экономическим санкциям США, и выход из международной изоляции. В экономическом плане уже в настоящее время можно видеть резкий рост иранского экспорта в страны-члены союза. Однако для дальнейшей интенсификации экономических связей двух сторон Ирану необходимо провести серьезные экономические реформы.

В политическом плане вступление в Евразийский экономический союз может устранить большинство препятствий для роста влияния Ирана в таких исторически и культурно близких ему регионах, как Центральная Азия и Кавказ. Однако существует определенный риск того, что ЕАЭС может превратиться в инструмент России по осуществлению ее политики, что не было бы выгодно Ирану.

Безусловно, Россия при создании и расширении подобных экономических и региональных союзов преследует в большей степени политические цели, нежели экономические. Однако очевидно и желание самих стран-членов активно участвовать в работе ЕАЭС, потому что они стремятся за счет этого развить свою экономику. В любом случае, необходимо, чтобы меры относительно активизации сотрудничества Ирана с ЕАЭС были предприняты взвешенно и обдуманно. Присоединение к подобного рода союзам должно быть грамотно спланировано и реализовано таким образом, чтобы обе стороны получили от этого выгоду.

Литература

- Дунаева 2017 – Дунаева Е.В. Иран и интеграционные процессы в Евразии // Труды Института востоковедения РАН. 2017. Вып. 5: Мусульманский мир на исторических рубежах России. М., 2017. С. 188–203.
- Ковалев, Левченко 2015 – Ковалев Г., Левченко А. Центральная Азия и Южный Кавказ: к новой модели присутствия США в регионе // Россия и мусульманский мир. 2015. Т. 2. № 272. С. 49–64.
- Разов 2012 – Разов С.С. Россия и Китай нужны друг другу // Международная жизнь. 2012. № 6. С. 35–44.
- Abugattas Majluf 2004 – Abugattas Majluf L. Swimming in the spaghetti bowl: challenges for developing countries under the “new regionalism”. N.Y.: United Nations, 2004.

- Borujerdi, Ansarizade, Karami 2011 – *Borujerdi A., Ansarizade S., Karami M. Žeoekonomi-ye darya-ye Xazar va ta'sir-e an bar ta'min-e amniyat-e enerži dar ettehad-iyeh-ye Orupa // Faslname-ye Rahbord. 2011. Vol. 20. № 60. P. 7–27.*
- Brzezinski 2006 – *Brzezinski Z. Pas az sokut: bazi-ye nehayi dar jahan-e takqotbi. Tehran: Sabzan, 2006. 214 p.*
- Farrell, Hettne, Langenhove 2005 – *Farrell M., Hettne B., Langenhove L.V. (eds). Global politics of regionalism: theory and practice. London: Pluto Press, 2005. 321 p.*
- Farsayi 2001 – *Farsayi Š. Bazi-ye qodrat dar Orasiya // Ruyidadha-va tahlilha. 2001. № 151. P. 40–43.*
- McKinlay, Little 2001 – *McKinlay R.D., Little R. Amniyate jahani, ruykardha-va nazariyeha. Tehran: Pažuheškade-ye motaleat-e rahbordi, 2001. 280 p.*
- Mojtahedzade 2000 – *Mojtahedzade P. Ideha-ye žeopolitik va vaqeyatha-ye irani. Tehran: Našr-e Ney, 2000. 461 p.*
- Zare'i, Abbasi 2018 – *Zare'i Q., Abbasi E. Ettehad-iyeh-ye eqtesadi-ye Orasiya dar čašmandaz-e rusi // Faslname-ye Asya-ye markazi-o Qafqaz. № 104. P. 33–60.*

References

- Abugattas Majluf, L. (2004), *Swimming in the spaghetti bowl: challenges for developing countries under the „new regionalism“*, United Nations, New York, USA.
- Borujerdi, A., Ansarizade, S., and Karami, M. (2007), “Geoeconomy of Caspian sea and its influence on energy security in European Union”, *Faslname-ye Rahbord*, vol. 20, no. 60, pp. 7–27.
- Brzezinski, Z. (2006), *Pas az sokut: bazi-ye nehayi dar jahan-e takqotbi* [The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives], Sabzan, Tehran, Iran.
- Dunaeva, E.V. (2017), “Iran and integration processes in Eurasia”, *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies, RAS], Iss. 5: The Muslim world on the historical frontiers of Russia, Moscow, Russia, pp. 188–203.
- Farrell, M., Hettne, B. and Langenhove, L.V. (eds.) (2005), *Global politics of regionalism: theory and practice*, Pluto Press, London, UK.
- Farsayi, Š. (2001), “The game of powers in Eurasia”, *Ruyidadha-va tahlilha*, no. 151, pp. 40–43.
- Kovalev, A. and Levchenko, A. (2015), “Central Asia and South Caucasus: towards a new model of USA presence in the region”, *Russia and Muslim World*, no. 272, pp. 49–64.
- McKinlay, R.D. and Little, R. (2001), *Amniyate jahani, ruykardha-va nazariyeha* [Global problems and world order], Pažuheškade-ye motaleat-e rahbordi, Tehran, Iran.
- Mojtahedzade, P. (2000), *Ideha-ye žeopolitik va vaqeyatha-ye irani* [Geopolitical ideas and Iranian reality], Našr-e Ney, Tehran, Iran.
- Razov, S.S. (2012), “Russia and China need each other”, *International Affairs*, no. 6, pp. 35–44.
- Zare'i, Q., and Abbasi, E. (2018), “Eurasian Economic Union in Russian perspective”, *Faslname-ye Asya-ye markazi-o Qafqaz*, no. 104, pp. 33–60.

Информация об авторе

Али Эбрахимиторкаман, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; ali.adelante@gmail.com

Information about the author

Ali Ebrahimitorkaman, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ali.adelante@gmail.com

Перспективы развития российско-норвежских отношений после парламентских выборов в Норвегии 2021 г.

Павел А. Анисимов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, anisimov.p@rggu.ru*

Аннотация. Внешняя политика Норвегии в отношении России строится на двух столпах. Первый заключается в обеспечении и поддержании национальной безопасности. Для Норвегии это членство в НАТО и тесная интеграция с европейскими государствами. Вторым столпом является сотрудничество с Россией. Основная задача Норвегии заключается в достижении баланса между этими столпами в ходе меняющейся мировой конъюнктуры.

После парламентских выборов 2021 г. в Норвегии произошла смена действующего правительства, в результате чего к власти пришла левая коалиция. В своих заявлениях новый премьер-министр Норвегии Й.Г. Стёре отмечает особую важность открытого и конструктивного диалога с Россией и активизации сотрудничества между двумя странами.

Несмотря на взаимный режим санкций после 2014 г., Норвегии и России необходимо налаживать конструктивный диалог и усиливать отношения в сферах, которые отвечают национальным интересам обоих государств, а именно сотрудничество на Севере, охрана окружающей среды, предотвращение изменению климата, ядерная безопасность, рыболовство и др.

Последние события в двусторонних отношениях вселяют определенную надежду на то, что диалог между двумя странами будет вестись в более открытом и доверительном ключе. При этом, однако, необходимо учитывать, что Норвегия как член НАТО будет и в дальнейшем придерживаться общих принципов политики безопасности, характерных для альянса, что может повлечь за собой значительные разногласия по целому ряду вопросов, в том числе касающихся перспектив сотрудничества в Арктике.

Ключевые слова: Россия, Норвегия, украинский кризис, НАТО, Йонас Гар Стёре

Для цитирования: Анисимов П.А. Перспективы развития российско-норвежских отношений после парламентских выборов в Норвегии 2021 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 61–71. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-61-71

Prospects for the development of Russian-Norwegian relations after the 2021 parliamentary elections in Norway

Pavel A. Anisimov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, anisimov.p@rggu.ru*

Abstract. Norway's foreign policy towards Russia is built on two pillars. The first is to ensure and maintain national security. For Norway, this is NATO membership and close integration with European states. The second pillar is cooperation with Russia. Norway's main challenge is to balance these pillars in a changing global environment.

After the parliamentary elections in 2021 in Norway, a left-wing coalition came to power, as a result of which there was a change of government. In his statements, the new Prime Minister of Norway J.G. Støre notes the particular importance of an open and constructive dialogue with Russia and the intensification of cooperation between the two countries.

Despite the mutual sanctions regime after 2014, Norway and Russia need to establish a constructive dialogue and strengthen relations in areas that meet the national interests of both states, namely cooperation in the North, environmental protection, climate change prevention, nuclear safety, fishing, etc.

Recent developments in bilateral relations give some hope that the dialogue between the two countries will be conducted in a more open and trusting manner. At the same time, however, it should be borne in mind that Norway, as a NATO member, will continue to adhere to the general principles of security policy characteristic of the alliance, which may entail significant disagreements on a number of issues, including those related to the prospects for cooperation in the Arctic.

Keywords: Russia, Norway, Ukrainian Crisis, NATO, Jonas Gahr Støre

For citation: Anisimov, P.A. (2021), "Prospects for the development of Russian-Norwegian relations after the 2021 parliamentary elections in Norway," *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 61-71, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-61-71

Введение

Начало XXI в. можно охарактеризовать как «золотой век» в двухсторонних отношениях: интенсификация контактов на высшем уровне (визиты М. Касьянова в Норвегию (2000 г.) и Й. Столтенберга в Россию (2001 г.), В. Путина в Норвегию (2002 г.), кронпринца Хокона и кронпринцессы Метте-Марит в Россию (2003 г.)). Эти визиты и достигнутые договоренности имели важное значение

для сотрудничества в экономической, научной, культурной и предпринимательской сферах, развития совместных образовательных проектов на уровне высшего и среднего образования и др. Были предприняты совместные шаги в таких проблемных областях, как охрана окружающей среды, предотвращение изменению климата, ядерная безопасность, рыболовство. На новый уровень вышли и контакты между гражданами двух стран, так называемые “people-to-people contacts”.

Однако при всех позитивных аспектах, с началом украинского кризиса в 2014 г. отношения между Россией и большинством западных стран, входящих в ЕС и НАТО, резко ухудшились. События на Украине стали барьером для сотрудничества между Россией и Западом по различным вопросам международной повестки. Не остались в стороне и российско-норвежские отношения.

13 сентября 2021 г. в Норвегии состоялись очередные парламентские выборы. По итогам в Норвегии к власти пришла левая коалиция, которая находилась в оппозиции на протяжении 8 лет с 2013 по 2021 г. На новое правительство возлагаются надежды по интенсификации двусторонних контактов в различных сферах.

В статье изучаются перспективы двустороннего сотрудничества между РФ и Норвегией в условиях общего климата отношений России и Запада. Тематика сотрудничества между РФ и Норвегией в различных форматах популярна в академическом дискурсе российских и западных исследователей. В частности, новейшие работы посвящены современным торговым связям России и Норвегии [Jørgensen, Østhagen 2020], а также проблематике взаимодействия в Арктическом регионе [Остхаген, Йоргенсен, Му 2020; Зиланов 2017].

Динамика развития российско-норвежских отношений после 2014 г.

Оглядываясь на историю взаимоотношений между Россией и Норвегией, восприятие друг друга на разных этапах имело разные проявления: иногда Россия воспринималась Норвегией как сосед, торговый партнер и союзник, а порой – как вызов и угроза для национальной безопасности.

В 2014 г. в разгар украинского кризиса Норвегия осудила воссоединение Крыма с Россией, назвав это «аннексией» и «нарушением норм международного права». По словам тогдашнего министра иностранных дел Бёрге Бренде, использование Россией военной

силы для изменения национальных границ недопустимо¹. В то время Норвегия была одной из первых стран Запада, заявившей о приостановке военного сотрудничества с Россией². Так, например, был отменен ежегодный обмен кадрами между Никельским погранотрядом и гарнизоном Сёр-Варангера. Хотя ранее, в 2011 г., министр обороны Норвегии Грете Фарему на встрече с начальником Генерального штаба Вооруженных сил РФ Н. Макаровым отмечала хорошие двусторонние связи, а также подчеркивала, что тесное сотрудничество, поддержание стабильности в регионе, совместный рыбный промысел, забота о природных ресурсах и охрана окружающей среды входят в сферу интересов обеих стран³.

Еще одним признаком усилившегося взаимного недоверия стали шпионские скандалы, в которые были втянуты Россия и Норвегия. 5 декабря 2017 г. в Москве был задержан находящийся на пенсии пограничный инспектор Фруде Берг. При себе у него обнаружили 3000 евро. По сведениям ФСБ, деньги предназначались гражданину РФ за предоставление информации о ядерных подводных лодках Северного флота. В апреле 2019 г. Московский городской суд приговорил Берга к 14 годам колонии строгого режима. Вынесение приговора явилось сигналом для начала диалога на дипломатическом уровне. В ноябре 2019 г. Фруде Берг был помилован президентом России Владимиром Путиным. Освобождение Берга состоялось в рамках обмена заключенными между Россией и Литвой. Россия освободила Фруде Берга, а также двух граждан Литвы в обмен на двух россиян, обвиненных в шпионаже. На протяжении всего судебного процесса над Фруде Бергом норвежское правительство, а также норвежская разведка не признавали, что Берг находился в России по заданию спецслужб. Однако по возвращении на родину государство в качестве компенсации выплатило ему 4,3 млн норвежских крон. Отчет комиссии Стортинга по

¹ *Skjeggstad H.* Norge fordømmer Russlands annektering av Krim // *Aftenposten*. 18.03.2014. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/OnK0E/norge-fordoemmer-russlands-annektering-av-krim> (дата обращения 15 ноября 2021).

² *Pettersen T., Nilsen Th.* Норвегия приостанавливает всякое двустороннее военное взаимодействие с Россией // *Barents Observer*. 2014. 28 марта. URL: <https://barentsobserver.com/ru/bezopasnost/2014/03/norvegiya-priostanavlivaet-vsyaekoe-dvustoronnee-voennoe-vzaimodeystvie-s-rossiey> (дата обращения 08 ноября 2021).

³ Норвегия будет и далее укреплять военное сотрудничество с Россией // *Barents Observer*. 2011. 23 февр. URL: <https://barentsobserver.com/ru/sections/politics/norvegiya-budet-i-dalee-ukreplyat-voennoe-sotrudnichestvo-s-rossiey> (дата обращения 08 ноября 2021).

делу Берга был снабжен грифом «секретно», что вызвало противоречивые оценки в самой Норвегии. Инцидент с Бергом также символичен тем, что именно человек из приграничного района, долгое время олицетворявший своей деятельностью сотрудничество «people-to-people», стал жертвой шпионских интриг [Mohr 2020, s. 9–25].

В сентябре 2018 г. в аэропорту города Осло по подозрению в незаконной разведывательной деятельности был задержан сотрудник аппарата Совета Федерации Михаил Бочкарев. В Норвегию Бочкарев прилетел по приглашению Европейского центра парламентских исследований и документации для участия в конференции. Норвежская служба безопасности подозревала Бочкарева в том, что он собирал данные через беспроводные сигналы и сети в здании Стортинга. В середине октября окружной суд Осло отклонил ходатайство Службы безопасности Норвегии о продлении срока содержания россиянина, после чего 20 октября он вернулся на родину. Инцидент с Бочкаревым стал еще одним свидетельством роста подозрительности и взаимной напряженности, а также доказательством возрастающей проблемы кибербезопасности.

Еще одним инцидентом, продемонстрировавшим важность проблемы кибербезопасности, стала хакерская атака на личные данные депутатов норвежского парламента. 24 августа 2020 г. Стортинг опубликовал заявление, что личные данные депутатов подверглись серьезной хакерской атаке. Электронная почта, номера счетов, номера социального страхования, банковская информация и другая личная информация сотрудников и политиков Стортинга были украдены. В октябре 2020 г. министр иностранных дел Ине Эриксен Сёрайде и министр обороны Франк Бакке-Йенсен в ходе пресс-конференции сообщили, что за хакерскими атаками скорее всего стоит Россия⁴. Утверждения о причастности России к инциденту основывались на докладах Службы разведки (E-tjenesten) и Службы полицейской безопасности (PST), Управления национальной безопасности (NSM) и Службы криминальной полиции (Kripos). При этом стоит отметить, что норвежская сторона так и не представила никаких доказательств, лишь сославшись на их секретный характер. Посольство России в Норвегии в своем посте в социальной сети Facebook написало, что считает подобные обвинения неприемлемыми и разрушающими двусторонние отношения.

⁴ *Johansen P.A.* Regjeringen: Russland sto bak dataangrep på Stortinget // Aftenposten. 13.10.2020. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/39JXme/regjeringen-russland-sto-bak-dataangrep-paa-stortinget> (дата обращения 8 ноября 2021).

Украинский кризис оказал негативное влияние и на экономическое сотрудничество. Помимо сокращения количества норвежских компаний, осуществляющих свою деятельность на территории России, по данным Innovation Norway, в результате экономических ограничений экспорт рыбы из Норвегии в Россию упал на 97%. Общая же доля норвежского экспорта в России сократилась более чем в два раза (с 11 млрд норвежских крон до 5 млрд)⁵. Позитивная тенденция, которая наблюдалась несколько лет назад, полностью изменилась, что объясняется экономическим спадом, вызванным финансовым кризисом, нереализованными крупными проектами, а также ограничительными мерами в адрес Москвы. Но, пожалуй, самой важной причиной является непростой инвестиционный климат и проблемы, с которыми сталкиваются норвежские компании, работающие в России. Однако эксперты по-прежнему уверены, что существует хороший потенциал для дальнейшего делового сотрудничества и инвестиций, особенно в морском секторе и в туризме.

Стоит отметить, что несмотря на неизменный вектор политики норвежского правительства в отношении России в условиях обязательств, которые предполагает членство Норвегии в НАТО и тесное сотрудничество с ЕС, в позиции норвежской стороны после 2017 г. наблюдалось некоторое потепление, выразившееся в возобновлении контактов на уровне министерств. Во-первых, возобновила работу Межправительственная Российско-Норвежская комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству (Norsk-russisk regjeringskommisjon for økonomisk, industrielt og tekniskvitenskapelig samarbeid). В 2019 г. состоялась встреча премьер-министра Норвегии и президента РФ В. Путина. При этом, приходится констатировать, что прошло уже семь с половиной лет с тех пор, как министр иностранных дел Норвегии посетил Москву.

Парламентские выборы в Норвегии 2021 г.

13 сентября 2021 г. в Норвегии прошли парламентские выборы, в результате которых к власти пришла левая коалиция в составе Рабочей партии, получившее относительное большинство (26,4%), а также Партии Центра (13,6%). 13 октября была представлена

⁵ Humstad K. Tror Støre-regjering vil bedre naboskapet til Russland // NRK. 21.09.2021. URL: <https://www.nrk.no/tromsogfinnmark/tror-store-regjering-vil-bedre-naboskapet-til-russland-1.15654254> (дата обращения 8 ноября 2021).

Правительственная платформа нового правительства (Hurdalsplattformen)⁶.

Йонас Гар Стёре, лидер Рабочей партии, прежде чем стать премьер-министром, прошел путь от министра иностранных дел (2005–2012 гг.) до находящегося под давлением лидера оппозиции. Он принимает руководство страной в непростое время. Мир находится в стадии трансформации, особенно это стало заметно с прошлого года, когда Конгресс США штурмовали разъяренные протестующие. Это было воспринято как свидетельство пошатнувшейся демократии в США, которые являются ближайшим союзником Норвегии. Вывод американских войск из Афганистана после 20 лет их военного присутствия в стране был воспринят как поражение, особенно в свете колоссальных усилий, потраченных западными странами на стабилизацию ситуации. И поражение в Афганистане, и политическая ситуация в Соединенных Штатах являются примерами того, насколько мир отличается от того, когда Стёре был министром иностранных дел.

Еще в ходе предвыборных дебатов Стёре высказывал мнение, что норвежскому правительству следует предпринимать больше шагов, чтобы каналы связи с Москвой были открытыми. Во время пребывания на посту министра иностранных дел Стёре внес значительный вклад в развитие добрососедских отношений с Россией.

В конце октября 2021 г. министр иностранных дел России С. Лавров посетил с официальным визитом Норвегию, где проходило заседание Совета Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР). Отметим, что в условиях отсутствия контактов с Североатлантическим альянсом, а также санкционного режима со странами Запада политический диалог в рамках деполитизированных региональных контактов приобретает важное значение. Помимо участия в заседании СБЕР, у С. Лаврова была запланирована встреча с новым министром иностранных дел Норвегии Анникен Витфельдт.

Встреча двух министров вызвало широкое обсуждение в норвежской прессе. В интервью норвежским изданиям Витфельдт заявляла о важности расширения диалога и сотрудничества с Россией в условиях напряженности и военной активности на Севере⁷. При

⁶ Hurdalsplattformen. 14.10.2021 // Official website of Norway's government. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/hurdalsplattformen/id2877252/> (дата обращения 8 ноября 2021).

⁷ Aale P.K. Norge vil ha mer dialog og samarbeid med Putin. En amerikaner kan stikke kjepper i hjulene // Aftenposten. 26.10.2021. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/v5n4PL/norge-vil-ha-mer-dialog-og-samarbeid-med-putin-en-amerikaner-kan-stik> (дата обращения 8 ноября 2021).

этом новое норвежское правительство полностью поддерживает санкции против России и критику в отношении соблюдения прав и свобод человека в стране. «Основная цель для нас – сдержать рост напряженности на Севере. Даже если Вы не во всем согласны, необходимо быть в контакте с соседом»⁸, – заявила Витфельдт изданию «Аftenposten».

В российских СМИ не отражалась подготовка визита Лаврова в Норвегию. Однако сам ход визита и его итоги были опубликованы в ряде изданий⁹. Двусторонние переговоры начались с совместно возложения цветов к памятнику советским воинам, погибшим в Норвегии в годы Второй мировой войны. Сергей Лавров выразил признательность норвежской стороне за бережное хранение памяти о подвиге советских воинов-освободителей.

По итогам встречи Витфельдт заявила, что между министрами состоялся хороший и открытый диалог о сферах, в которых страны могут продолжить и расширить сотрудничество¹⁰. Также министр иностранных дел Норвегии была приглашена с официальным визитом в РФ. При этом в своем ответе на вопросы норвежской прессы Лавров заявил, что несмотря на то, что отношения между странами строятся на взаимном уважении, не все так безупречно. «Норвегия – член НАТО. НАТО – не друг России», – именно такую формулу выдвинул Лавров. Однако разногласия по курсу НАТО не помешали главам МИД России и Норвегии провести переговоры в теплом и доверительном ключе.

На обратном пути в Россию из Трумсё Лавров заехал в Осло, где состоялась его встреча с премьер-министром Норвегии Йонасом Гар Стёре. Стёре и Лавров хорошо знают друг друга еще со времен пребывания первого на посту министра иностранных дел. Именно они, будучи министрами, способствовали подписа-

⁸ Ibid.

⁹ Черненко Е. Россию и Норвегию объединяют война и Арктика // Коммерсант. 26.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5051249> (дата обращения 8 ноября 2021); Ковалева Д. Глава МИД Норвегии на встрече с Лавровым вспомнила о бабушке, выучившем русский // Российская газета. 2021. 26 окт. URL: <https://rg.ru/2021/10/26/glava-mid-norvegii-na-vstreche-s-lavrovym-vspomnila-o-dedushke-vyuchivshem-russkij.html> (дата обращения 8 ноября 2021); Лавров поблагодарил Норвегию за сохранение памяти о советских солдатах // Известия. 2021. 26 окт. URL: <https://iz.ru/1240863/2021-10-25/lavrov-poblagodaril-norvegiiu-za-sokhraneniye-pamiati-o-sovetskikh-soldatakh> (дата обращения 8 ноября 2021).

¹⁰ Lavrov inviterte Huitfeldt til Moskva // Aftenposten. 25.10.2021. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/9K8v3E/lavrov-inviterte-huitfeldt-til-moskva> (дата обращения 8 ноября 2021).

нию Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море, который положил конец 40-летнему разногласию между странами. Стоит отметить, что встреча Стёре и Лаврова не была заранее запланирована и состоялась по инициативе российской стороны. Это может послужить свидетельством готовности России вести конструктивный диалог с новым норвежским правительством.

Еще одним позитивным событием в двусторонних отношениях стала первая с 2019 года встреча главы оперативного штаба вооруженных сил Норвегии генерал-лейтенанта Ингве Одло и главы пограничного управления ФСБ генерал-лейтенанта Станислава Маслова в сентябре 2021 г. в Киркенесе. Несмотря на значительное свертывание сотрудничества в военной сфере, контакты на уровне военного руководства продолжают играть важное значение. В пресс-релизе говорится, что пандемия COVID-19 затруднила проведение физических встреч в подобном формате. Двустороннее сотрудничество в этой сфере основано на соглашении о границе между Норвегией и Россией от 29 декабря 1949 г. Это исторически прочное сотрудничество, характеризующееся открытым и конструктивным диалогом между российскими и норвежскими пограничниками. Текущее обширное и позитивное сотрудничество включает в себя вопросы рыболовства, поисково-спасательных операций, реагирования на разливы нефти, мониторинга движения судов и взаимное уведомление, и обмен информацией о факторах, которые могут представлять угрозу для общих интересов (ресурсы, окружающая среда, противоправная деятельность).

Все это вселяет надежду на то, что Норвегия, несмотря на участие в программах НАТО, сможет в будущем проводить более сбалансированную политику в отношении соседа на Востоке.

Заключение

Несмотря на нарастающую напряженность, Россия и Норвегия пытаются найти точки взаимовыгодного сотрудничества в регионе. Особое внимание уделяется взаимодействию в традиционных сферах рыболовства, ядерной безопасности, охраны окружающей среды и управления природными ресурсами, проведения поисково-спасательных операций в Баренцевом море, а также в рамках различных международных форматов.

В Норвегии не ослабевает исследовательский интерес к России и к двусторонним отношениям. За последнее время вышли книги, посвященные как вопросам внутренней, так и внешней по-

литики РФ [Mohr 2017; Mohr 2020]. Еще одним свидетельством интереса к России является проведение ежегодных конференций, посвященных России (Russlandskonferansen). Организатором является Норвежский институт внешнеполитических исследований. В октябре 2021 г. состоялась очередная конференция, где с приветственным словом выступила Анникен Витфельдт.

Анализ выступлений норвежских политиков и материалов СМИ позволяет сделать вывод об «асимметричном соседстве». Иными словами, если для Норвегии российский фактор имеет принципиальное значение, то во внешней политике России Норвегия как таковая занимает по сути периферийное место и зачастую воспринимается лишь в контексте норвежского членства в НАТО. Это во многом вызвано и тем, что внешняя политика Норвегии в последние годы в большей степени строится с учетом обязательств, которые влечет за собой членство страны в НАТО и ее тесное сотрудничество с Евросоюзом. При этом российская сторона надеется, что Норвегия в будущем сможет проводить более самостоятельную политику, что будет способствовать более конструктивному диалогу в ряде важнейших сфер не только на локальном, но и на высшем уровне.

Таким образом, России и Норвегии необходимо преодолевать трудности, препятствующие принципу добрососедства, а также сотрудничеству на взаимовыгодной и конструктивной основе.

Литература

- Зиланов 2017 – Зиланов В.К. Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // Арктика и Север. 2017. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskoe-razgranichenie-rossii-i-norvegii-novyevyzovy-i-sotrudnichestvo> (дата обращения 08 ноября 2021).
- Остхаген, Йоргенсен, Му 2020 – Остхаген А., Йоргенсен А.-К., Му А. Рыбоохранная зона Шпицбергена: как Россия и Норвегия разрешают арктические разногласия // Арктика и Север. 2020. № 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ryboohrannaya-zona-shpitsbergena-kak-rossiya-i-norvegiya-razreshayut-arkticheskie-raznoglasiya> (дата обращения 16 ноября 2021).
- Jørgensen, Østhaugen 2020 – Jørgensen A.-K., Østhaugen A. Norges vern av suverene rettigheter rundt Svalbard: Russiske persepsjoner og reaksjoner // Internasjonal Politikk. 2020. Vol. 78. No. 2. P. 167–192. URL: <https://doi.org/10.23865/intpol.v78.1838> (дата обращения 08 ноября 2021).
- Mohr 2017 – Mohr B.L. Hvorfor stemmer russerne på Putin? Oslo: Cappelenhamm, 2017. 279 p.
- Mohr 2020 – Mohr B.L. Hva vil russerne med Norge. Oslo: Cappelenhamm, 2020. 379 p.

References

- Jørgensen, A.-K. and Østhagen, A. (2020), "Norges vern av suverene rettigheter rundt Svalbard: Russiske persepsjoner og reaksjoner", *Internasjonal Politikk*, vol. 78, no. 2, pp. 167-192, available at: <https://doi.org/10.23865/intpol.v78.1838> (Accessed 08 November 2021).
- Mohr, B.L. (2017), *Hvorfor stemmer russerne på Putin?*, Cappelenhamm, Oslo, Norway.
- Mohr, B.L. (2020), *Hva vil russerne med Norge*, Cappelenhamm, Oslo, Norway.
- Østhagen, A., Jørgensen, A.-K. and Moe, A. (2020), "The Svalbard Fisheries Protection Zone: How Russia and Norway Manage an Arctic Dispute", *Arctic and North*, no. 40, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ryboohrannaya-zona-shpitsbergena-kak-rossiya-i-norvegiya-razreshayut-arkticheskie-raznoglasiya> (Accessed 16 November 2021).
- Zilanov, V.K. (2017), "Delimitation between Russia and Norway in the Arctic: new challenges and cooperation", *Arctic and North*, no. 29, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskoe-razgranichenie-rossii-i-norvegii-novye-vyzovy-i-sotrudnichestvo> (Accessed 08 November 2021).

Информация об авторе

Павел А. Анисимов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anisimov.p@rggu.ru

Information about the author

Pavel A. Anisimov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; anisimov.p@rggu.ru

«Хороший, плохой, злой»:
образы американского «Другого»
в российском антитеррористическом
кинодискурсе XXI в.

Дарья В. Василенко

независимый исследователь, Москва, Россия, dariavass27@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются образы американского «Другого» и их трансформации в соответствии с внешнеполитическими контекстами. В качестве поля для изучения выбран российский кинематограф, что объясняется степенью воздействия киноиндустрии на массовое восприятие и высокой чувствительностью кинодискурса к динамике международных отношений. Для более наглядной иллюстрации взаимосвязи внешнеполитических кризисов с репертуаром образов американского «Другого» автор фокусируется на антитеррористическом кинодискурсе, широко распространенном в современном кинематографе. Данный тип кинодискурса сочетает в себе художественные вымыслы и политические аллюзии, что подтверждается примерами репрезентации американского «Другого». При более подробном изучении контекстов, в которых они существуют, выясняется, что негативная репрезентация американцев обусловлена внешнеполитическими конфликтами. Кроме того, дальнейшая эскалация этих конфликтов приводит к тенденции «нового антиамериканизма», т. е. к намеренному искажению образов американцев. В статье сделано предположение о том, что в настоящее время приемы репрезентации американцев не отличаются новизной, поддерживая проверенный временем образ «врага». Взаимосвязь с внешнеполитическими контекстами, однако, не позволяет сделать однозначный вывод о дальнейшей судьбе образов американского «Другого» в российском кинематографе. Возможность расширения спектра репрезентации американцев в положительную сторону также обусловлена активной эксплуатацией метафоры эпохи холодной войны как наивысшей кризисной точки невозврата в российско-американских отношениях.

Ключевые слова: кинодискурс, терроризм, Россия, США, международные отношения

Для цитирования: Василенко Д.В. «Хороший, плохой, злой»: образы американского «Другого» в российском антитеррористическом кинодискурсе XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 72–86. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-72-86

“The Good, the Bad and the Evil”:
the images of American “Other”
in Russian anti-terror cinema of the 21st century

Dar'ya V. Vasilenko

independent researcher, Moscow, Russia, dariavass27@gmail.com

Abstract. The article examines the images of the American “Other” and their transformation in accordance with the foreign policy contexts. Due to the intensity of its impact on public perception and high sensitivity to international relations dynamics, the Russian film industry serves as a basis for studying this subject. To portray the connection between the foreign policy crises and the range of the American “Other” representations more vividly, the author focuses on such a peculiar genre of contemporary cinema as the anti-terror cinema discourse. This type of the cinema discourse, as proven by the instances of the American “Other” portrayal, comprises a fictitious narrative as well as political allegories. A more detailed study of their existential contexts provides that the negative representation of Americans is nourished by political conflicts. As they accelerate, they generate the tendency of a ‘new anti-americanism’, an intended distortion of the onscreen image of the American “Other”. The article suggests that the modern ways of portraying Americans are hardly novel, hence the sustainability of the ‘enemy’ image. The connection with foreign policy contexts, however, does not allow us to make a definite conclusion about the future of the American “Other” on the Russian screen. The probability of expanding the representation spectrum towards the positive side is also explained by the active exploitation of the Cold War as a metaphor of the highest point of ‘no return’ in the Russian-American relations.

Keywords: cinema discourse, terrorism, Russia, USA, international relations

For citation: Vasilenko, D.V. (2021), “The Good, the Bad and the Evil’: the images of American “Other” in Russian anti-terror cinema of the 21st century,” *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 72-86, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-72-86

Введение

Кинематограф, перешагнув за столетний рубеж своего существования, остается одним из самых эффективных средств воздействия на массовое сознание. Еще при первых показах «Прибытия поезда на вокзал Ла-Сьота», по воспоминаниям очевидцев, в залах возникала паника: люди еще не понимали, что все действие происходит только на экране [Гавриченко, Марцинковская, Оре-

стова 2017], настолько явственной им казалась демонстрируемая реальность.

По мере развития киноиндустрии степень воздействия на сознание людей только усиливалась как с точки зрения графического сопровождения, так и с позиции смыслового наполнения. В то время как использование современной техники и компьютерной графики позволяет поддерживать кинематограф с коммерческой стороны, именно репертуар смыслов наделяет его статусом мощнейшего инструмента идеологического воздействия даже при наличии других влиятельных факторов, например социальных сетей. В отечественной историографии можно встретить расхожую точку зрения о том, что

...кинематограф является одним из каналов мифологизации истории. Обращаясь к прошлому, исторический фильм кодирует мифологию современного ему общества, то есть тот взгляд на историю, который данный социум предпочитает всем остальным [Волков, Пономарева 2012].

Одним из наиболее доступных общепринятых языков, на которых и составляется вышеупомянутый «код» мифологии того или иного общества, является кинодискурс. Общее определение этого понятия сформулировано в исследовании А.И. Казаковой, которая понимает его как

...кинотекст, а также как сам кинофильм, интерпретацию фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили в него создатели кинофильма, режиссеры и сценаристы» [Казакова 2014].

Несмотря на широкий спектр смыслов и проблематики, сама «мифология» общества, кодируемая кинематографом, часто строится в рамках бинарной оппозиции «хороший vs плохой». Данная схема особенно актуальна в условиях информационной войны, когда каждая из вовлеченных в нее сторон использует кино в качестве орудия идеологической борьбы. Рассматривая кинематограф с этой точки зрения, исследователи часто обращаются к эпохе холодной войны – периоду, когда понятие «хорошего» в кинематографе стало отождествляться с образами «Своего», а понятие «плохого» с образами враждебного «Другого». Эта тенденция

...зависела не только от идеологических установок, но и от динамики обновления экзистенциально-онтологического пространства», в связи с чем «именно кинематограф стал наиболее подходящим видом искусства, способным отразить бурное течение социально-политического бытия [Юдин 2019].

При этом стоит отметить, что изучение кинообразов «Другого» – давно разрабатываемая и важная исследовательская область в рамках имагологии. Так в обширном труде «Выцветание красноты», посвященном взаимным образам России и США в кинематографе 1990–2000-х гг., большое внимание уделяется произведениям отечественной киноиндустрии как основным рычагам влияния на контексты, в рамках которых претерпевает изменения типичный американский «Другой». Исследовательницы отмечают, что примерно на протяжении первых пятнадцати лет после распада СССР как в американских, так и в российских фильмах, изображающих бывшего врага времен холодной войны, отражались превратности политических отношений между двумя странами, а переход от идеализации Америки и американцев в российском кинематографе к «разочарованию» в западном партнере является тому подтверждением [Гоцило, Гоцило 2020].

Примечательно, что, несмотря на достаточное количество исследований об американском «Другом» и на многократное признание взаимосвязи его трансформаций с российскими авторепрезентациями, тема репертуаров образов американцев в российском кинематографе до сих пор остается практически неизученной. На современном этапе отношений России и США особый интерес представляет образ американского «Другого», который является важным элементом процесса мифологизации истории, вызванного нарастанием идеологического противостояния между двумя странами.

Действительно, кинодискурс можно рассматривать как «форму вербально-иконического поведения, соотносимую с определенной ситуацией, культурой, временем, пространством» [Назмутдинова 2008]. Соответственно, понимание того, какие конкретно факторы влияют на развитие взаимоотношений двух стран, может способствовать более точной интерпретации образа «Другого».

В условиях современных социально-политических реалий, омраченных внешнеполитическими конфликтами и масштабными угрозами, развивается отдельный жанр кинематографа – антитеррористический кинодискурс. Этот тип кинодискурса, в отличие от многих других, часто действует по схеме «хороший, плохой, злой», где хороший «Свой» и плохой «Другой» вынуждены бороться против общего для них Зла – против терроризма и любых его проявлений. Поскольку террор как безусловное зло остается статичной переменной, репертуар образов «Своего» и «Другого» меняется в зависимости от страны. К примеру, такие голливудские картины, как «Багровый прилив», «Потерянный рейс 93» и «Цель номер один», отражают лишь малую часть антитеррористического кинодискурса США.

Жанр антитеррористического кино получает развитие и в отечественном современном кинематографе. В данном процессе развития важную роль играет не только образ соотечественника, но и образ «Другого», а особенно образ американца. Цель статьи заключается в том, чтобы оценить примеры репрезентации американского «Другого» в массовой культуре на современном этапе российско-американских отношений. Достижению этой цели служат следующие задачи:

- а) установить внешнеполитические контексты формирования негативного восприятия американцев;
- б) выявить основной репертуар приемов репрезентации американского «Другого»;
- в) определить взаимосвязь этих контекстов с соответствующими тенденциями в российском кинематографе.

Российский антитеррористический кинодискурс

Несмотря на то что этот тип кинодискурса еще очень молод, в рамках российского кино XXI в. можно проследить определенную периодизацию его развития: первый этап так называемого постсоветского «строительства» киноиндустрии (2000–2008) и второй, современный период (с 2008 по настоящее время). Временной охват также подтверждает вышеупомянутый тезис о том, что этот процесс протекает неразрывно от преобладающих социально-политических контекстов.

В начале двухтысячных в отечественном антитеррористическом кинодискурсе преобладает тема чеченского кризиса и терроризма как одного из наиболее опасных его последствий. На рубеже XX–XXI вв. выходит ряд картин, посвященных этой проблеме. Среди них «Пешаварский вальс» Г. Каюмова и Т. Бекмамбетова, «Мусульманин» В. Хотиненко и «Война» А. Балабанова. Остановимся чуть подробнее на последнем.

«Война», вышедшая на экраны в 2002 г., является одним из первых примеров репрезентации западного «Другого» в контексте борьбы с терроризмом. Следуя схеме «хороший, плохой, злой», фильм распределяет ненависть зрителя к террористам, симпатии – к главному герою, русскому солдату Ивану, антипатии – к английскому актеру Джону, пренебрегающему принципами морали ради освобождения из чеченского плена. Аллюзия на внешнеполитические реалии показалась очевидной не только отечественным, но и западным кинокритикам. Так Э. Анемоун пишет, что фильм «имеет прямое отношение к глобальной войне с террором, в которой сра-

жается Запад, начиная с 11 сентября 2001», а «превращая к концу фильма единственного либерального персонажа, английского актера Джона, в кровожадного убийцу, Балабанов предполагает, что западные идеалистические принципы так легко разрушить под давлением военного времени» [Beumers 2011].

Это утверждение справедливо, однако требует уточнения: в этом смысле фильм повинует не столько режиссерскому видению, сколько всеобщему восприятию образа граждан стран НАТО, сложившемуся в России в начале нового тысячелетия. Так, с 2006 по 2013 г. россияне прочно ставили США на первое место среди «врагов России», при этом Штаты уверенно опережали в этой категории «чеченских боевиков» (в полтора раза), радикальных исламистов (в три раза), олигархов (также в три раза), сионистов, бывшие соцстраны [Согрин 2013]. Соответственно, при переходе от первого этапа «строительства» киноиндустрии в России к этапу более современному, отечественный кинодискурс постепенно характеризуется тенденцией к культивации негативного образа американцев в кино, которая не теряет своей силы и по сей день.

Из-за сохранения этой тенденции современный этап развития антитеррористического кинодискурса тесно связывается с понятием «нового антиамериканизма». В своем исследовании В. Согрин характеризует это явление как «сознательную фальсификацию американских реалий» [Согрин 2013]. То есть – в контексте анализа тенденций кинематографической репрезентации образа американца – речь идет о намеренном его искажении с целью поддержания негативного восприятия этого образа в массовом сознании. В результате этого на фоне последовательного ухудшения российско-американских политических отношений количество примеров кинообразов, соответствующих реалиям «нового антиамериканизма», неуклонно возрастает.

Своеобразной кульминацией периода «нового антиамериканизма» принято считать украинский кризис 2014 г. Дальнейшие события, такие как обвинение России во вмешательстве в американские выборы в 2016-м, эскалация кризисов на Ближнем Востоке в 2017-м, также сделали существенный вклад в развитие устоявшейся тенденции антиамериканизма.

Все вышеперечисленные обстоятельства накладывают свой, к сожалению, в большей степени негативный, отпечаток на восприятие россиянами американцев и наоборот. Однако имидж страны, культивируемый в массовом сознании в том числе при помощи кинематографа, позволяет оказывать влияние на мнение социума, обратив внимание обычного зрителя на проблемы во взаимоотношениях двух стран. В этом свете борьба с международным террориз-

мом как с угрозой в равной степени актуальной для России и США остается важным плацдармом для кинематографической рефлексии. В данном контексте интерес для изучения представляют такие отечественные телепроекты, как сериал «Спящие» (2017–2018 гг.) и «Оптимисты» (2020).

В центре сюжета первого сезона сериала «Спящие» – противостояние российских (ФСБ) и американских (ЦРУ) спецслужб. «Спящими» называют группу американских агентов, находящуюся под прикрытием на территории РФ. Агентов призывают вернуться к профессиональной деятельности, чтобы помочь организовать в России своего рода цветную революцию. С целью помешать разоблачению завербованных агентов в Москву приезжает американский дипломат, агент ЦРУ Пол Брэдфилд.

Каждый эпизод сериала открывается титром «все события вымышлены и все совпадения случайны», однако есть ряд кино-критиков, не согласных с этим утверждением. Критик Н. Лихачев предполагает, что прототипом Пола Брэдфилда является Виктория Нуланд, с 2012 по начало 2017 г. занимавшаяся курированием европейских стран и в том числе ситуации на Украине в эпоху Майдана¹. Кроме того, посла, с которым агент Пол Брэдфилд обсуждает стратегию работы «Спящих» над миссией, считают похожим на бывшего представителя США на территории РФ Майкла Макфола². Тот факт, что образ американского агента Пола Брэдфилда аутентичен с точки зрения репрезентации не только внешней, но и внутренней американской политики, заставляет сомневаться в утверждении о «случайности» всех совпадений и о «вымышленности» всех событий.

В первое десятилетие после окончания правления Д. Буша-мл. тема правомерности действий ЦРУ (а именно использования насильственных методов получения информации при борьбе с терроризмом и его последствиями) являлась одной из центральных тем кинематографической рефлексии. В «Спящих» есть сцена, в которой агент ЦРУ Пол Брэдфилд хладнокровно, почти с удовольствием наблюдает за тем, как его коллеги пытаются одного из сотрудни-

¹ *Лихачев Н.* Все продаются: девять штампов о политике и интернете из сериала «Спящие» [Электронный ресурс] // TJournal. 13.10.2017. URL: <https://tjournal.ru/tv/60573-vse-prodayutsya-devyat-shtampov-o-politike-i-internete-iz-seriala-spyashchie> (дата обращения 03 мая 2021).

² *Тарощина С.* Спящие не хотят просыпаться. Новый стиль: «Анатомия протеста» шагнула в сериал на главном канале [Электронный ресурс] // Новая газета. 2017. 14 октября. URL: <https://novayagazeta-ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2017/10/14/74199-spyaschie-ne-hotyat-prosuratsya> (дата обращения 03 мая 2021).

ков российских спецслужб, чтобы узнать необходимую информацию. Освещение этой нелицеприятной и чуждой отечественному кино темы в рамках диалога о терроризме может означать, что вышеупомянутый новый антиамериканизм подпитывается не только за счет намеренного искажения американской реальности, но и за счет напоминания российской общественности о негативных страницах американской истории.

С художественной точки зрения образы американцев в «Спящих» отличаются привычным гротеском. Кинокритик Е. Визгалова справедливо считает, что художественные детали в этом фильме работают не на сюжет, а на идеологию, в связи с чем тот же Пол Брэдфилд предстает «карикатурным американцем, воспевающим «Макдональдс» и «Старбакс» и отпускающим мерзкие шутки»³. Е. Ухов в своей рецензии отмечает, что

...персонажи в проекте не отличаются основательной проработкой и серьезным воплощением, скорее кадр наполняют шаблоны, взятые с карикатур, из фельетонов и прямолинейных пародий⁴.

У Сергея Минаева, автора сценария «Спящих», другое мнение на этот счет. Так в интервью корреспонденту «Первого канала», в эфире которого и был показан сериал, Минаев говорил о следующем:

Описывая работу разведок, я старался избегать шаблонов. У нас идет война двух высокопрофессиональных спецслужб, каждая из которых отстаивает интересы своей страны. Шахматная партия абсолютно равных соперников⁵.

Несмотря на то что шаблонов в сериале избежать не удалось, экранное соперничество «абсолютно равных соперников», о котором и говорит сценарист сериала, все-таки присутствует. Особенно примечателен в этом смысле диалог агента ЦРУ и его начальника на последних минутах завершающего эпизода второго сезона «Спящих». Глава ЦРУ в разговоре с подчиненным, усомнившимся

³ Визгалова Е. «Спящие»: ФСБ против – обзор сериала [Электронный ресурс] // Kino-Teatr.ru. 12.10.2017. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/serial/4861/> (дата обращения 03 мая 2021).

⁴ Ухов Е. Рецензия на первый сезон сериала «Спящие» [Электронный ресурс] // Film.ru. 16.10.2017. URL: <https://www.film.ru/articles/rodina-slyshit-rodina-znaet> (дата обращения 03 мая 2021).

⁵ Кто стоит за шпионским триллером «Спящие» [Электронный ресурс] // Первый канал. 04.10.2017. URL: <https://www.1tv.ru/movies/statyi/kto-stoit-za-shpionskim-trillerom-spyashie> (дата обращения 04 мая 2021).

в правильности стратегии действий Управления, произносит следующие фразы: «Русские усиливаются в Сирии, значит мы должны усиливаться в Ливии. Русские договорились с турками, значит нам пришло время дружить с Ираном. Если не мы – то они нас». Далее агент ЦРУ справедливо отмечает, что «террористы враги и для нас, и для русских», и получает от начальства неутешительный ответ: «Русские – это враги. Террористы – это плохие парни». В этом и есть принцип «шахматной партии», заложенный в основу сценария «Спящих», и в финале сериала каждая сторона определилась, что Россия и США друг для друга – фигуры черного цвета.

Поэтому образы американцев в сериале «Спящие», несмотря на свою карикатурность, нельзя считать оторванными от политической действительности. Если все, что было заключено в этих образах, сводилось бы лишь к негативным коннотациям, мешающим адекватному восприятию картины, сериал вряд ли был бы приобретен для показа одним из крупнейших американских стриминговых видеосервисов Amazon Prime⁶ и вышел на американский медиарынок.

Кейс сериала «Спящие» – подтверждение того, что в условиях «нового антиамериканизма» маловероятно появление каких-то новшеств в кинематографической репрезентации американцев. Трудно сказать однозначно, связано ли это с творческой задумкой автора или же с тем, что проект получил финансовую поддержку Министерства культуры России и был показан в эфире главного федерального канала страны.

Сценарист «Спящих» С. Минаев отрицал существование каких-либо официальных запретов, ограничивающих тематику фильмов, однако подчеркивает, что есть ряд тем, которые все еще тяжело экранизировать в России, и терроризм среди них. По словам Минаева, «когда ты начинаешь касаться политических тем или вопросов, связанных с терроризмом, безопасностью, тут же материализуется столько служб и ведомств, которые требуют согласований или могут обидеться на увиденное на экране»⁷. В России даже при очевидном развитии кинематографического дискурса о терроризме все еще преобладает «осторожный» подход к рефлексии на данную

⁶ Альперина С. Российский сериал «Спящие» выходит на Amazon Prime [Электронный ресурс] // Российская газета. 12.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/12/rossijskij-serial-spiashchie-vyhodit-na-amazon-prime.html> (дата обращения 04 мая 2021).

⁷ Шигаева Ю. Сергей Минаев о «Спящих-2»: «Самую жесть мы показать не могли» [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 05.03.2018. URL: https://aif.ru/culture/movie/sergey_minaev_o_spyashchih-2_samuyu_zhest_my_pokazat_ne_mogli (дата обращения 04 мая 2021).

проблематику. «Осторожность» подхода заключается в том, что концепция проектов на тему терроризма должна быть выдержана в духе государственной политической стратегии по борьбе с ним.

Иными словами, правительство действительно официально не запрещает рефлексировать на конкретные темы, в том числе на тему террористических конфликтов. Однако при выборе кинематографистами этой темы для своего проекта госструктуры, активно участвуя в его реализации, выдвигают собственные рекомендации, которые кинопроизводство обязано учесть. Речь идет не столько о цензуре, сколько о наличии определенных договоренностей в сфере взаимодействия политики и искусства в России. В данном случае пример сериала «Оптимисты» (2017–2021) является весьма показательным.

Первый сезон «Оптимистов», вышедший в 2017 г., повествует о деятельности сотрудников МИД СССР в Европе во второй половине XX в. Данный проект был инициирован независимо от МИД РФ, однако ведомство активно участвовало в его реализации (главным образом путем консультаций и рекомендаций). Соавтор сериала Р. Арефьев настаивал на том, что продюсеру проекта В. Тодоровскому удалось отстоять целостность художественного видения представленной в сериале эпохи. Арефьев указывал, что

...с МИДом были заключены только принципиальные договоренности – не демонизировать и не оглуплять работников посольств, избавиться от ходульности, не восхвалять (лишнего) американцев...⁸

Последняя договоренность делает особенно интересным для изучения второй сезон сериала «Оптимисты», показанный в 2021 г., который также называют «Карибским сезоном».

Несмотря на то что показ первого сезона не был отмечен высокими рейтингами, у создателей «Оптимистов» – режиссера, продюсера и директора телеканала «Россия-1», который также принимал участие в съемках, изначально была идея продлить его на второй сезон. Причем продюсер В. Тодоровский отмечает, что на этот раз создатели в том числе руководствовались амбициями поднять рейтинги и удивить зрителей⁹. Интересно, что для этого была выбра-

⁸ Пономарев С. «Оптимисты» и пессимисты российского МИДа [Электронный ресурс] // KM.RU. 17.04.2020. URL: <https://www.km.ru/kino/2020/04/17/kino-v-rossii/873083-optimisty-i-pessimisty-rossiiskogo-mida> (дата обращения 04 мая 2021).

⁹ Суриков В. Валерий Тодоровский: «Фильм – это всегда какое-то количество совпадений» [Электронный ресурс] // Эксперт. 15.02.2021. URL: <https://expert.ru/expert/2021/08/valerij-todorovskij-film-eto-vsegda-kakoe-to-kolichestvo-sovpadenij/> (дата обращения 04 мая 2021).

на тема вооруженного противостояния в СССР в период холодной войны и Карибского кризиса – тема, широко распространенная в рамках антитеррористического дискурса.

Также примечательно, что по словам Р. Арефьева для работы над «Карибским сезоном» по предложению главы МИД РФ и с согласия продюсера сериала Валерия Тодоровского была создана специальная творческая группа, состоящая

...в основном из бывших послов, советников-посланников, долгое время проработавших в Америке и в Европе, помнящих еще времена хрущевской оттепели и сполохи Карибского кризиса»¹⁰.

Это свидетельствует о том, что создатели сериала проделали достаточную работу над аутентичной художественной репрезентацией эпохи, над органичным соответствием в ней образов советских и американских дипломатов.

Активное привлечение достоверных информационных ресурсов и очевидцев эпохи, однако, не делает сериал документальным. Режиссер сериала А. Попогребский объяснял баланс художественной и исторической составляющей так:

наши центральные герои – это не исторические персонажи, это люди, изобретенные нами – сценаристами и авторами сезона. Мы говорим о том, как всем известные факты, то, что происходит на мировой арене, преломляются в человеческих отношениях и судьбах¹¹.

Какие еще события, как ни события холодной войны и Карибского кризиса, могли оказать влияние на российско-американские отношения и на взаимовосприятие русских и американцев в условиях нарастающей угрозы ядерной войны?

Сегодня в американских фильмах о терроризме от персонажей-американцев часто можно услышать реплики о том, что ни Россия, ни США не могут позволить себе новую холодную войну. Поэтому фильмы о терроризме, выдержанные в духе этого периода, сняты в настроении агонии перед террористической угрозой и ядерной войной, которая одинаково охватывает США и СССР.

¹⁰ Пономарев С. Указ. соч. [Электронный ресурс] // KM.RU. 17.04.2020. URL: <https://www.km.ru/kino/2020/04/17/kino-v-rossii/873083-optimisty-i-pessimisty-rossiiskogo-mida> (дата обращения 04 мая 2021).

¹¹ Авторы нового сезона «Оптимистов» с Боярской и Безруковым воссоздали Нью-Йорк в Софии [Электронный ресурс] // Федеральное агентство новостей. 15.02.2021. URL: <https://riafan.ru/1387957-avtory-novogo-sezona-optimistov-s-bojarskoi-i-bezrukovym-vossozdali-nyu-iork-v-sofii> (дата обращения 04 мая 2021).

К примеру, главный герой фильма Стивена Спилберга «Шпионский мост» страховой юрист Джеймс Donovan в одной из сцен неожиданно обнаруживает, что его сын-подросток прячется в ванной и сосредоточенно разрабатывает план действий на случай ядерной атаки СССР, искренне недоумевая, почему этим до сих пор не заняты взрослые. В «Оптимистах» есть похожая сцена: сотрудников МИДа эвакуируют в бункер при объявлении воздушной тревоги. При этом одна из сотрудниц, намереваясь вернуться за папкой с документами, дежурно интересуется у коллеги: «Сколько ракета будет лететь из Америки?», на что тот отвечает, что времени медлить нет – американская ракета, размещенная в Турции, прилетит еще быстрее. Соответственно, в антитеррористическом дискурсе как России, так и США, уделяется должное внимание репрезентации террористической угрозы как угрозы всеобъемлющей, в том числе влияющей на психику граждан путем культивации чувства незащищенности перед врагом.

При этом образ врага моделируется не только за счет существования реальной угрозы, но и за счет идеологических штампов и стереотипов. Поэтому в рамках антитеррористического кинодискурса рассуждения о противостоянии эпохи Карибского кризиса как об идеологическом противостоянии особенно уместны. Так в одной из серий персонаж сериала «Оптимисты» открыто протестует против размещения американского флага на афише мероприятия, в котором участвует гражданка США, настаивая на том, что разместить флаг США на советском стенде «это все равно что красной тряпкой перед быком махать».

В целом, несмотря на то что терроризм не является центральной темой сюжета сериала «Оптимисты», а сам проект не претендует на документальность и является по сути шпионским детективом с элементами мелодрамы, анализ представленных в нем образов американского «Другого» позволяет прийти к интересным выводам. С одной стороны, возврат к периоду холодной войны может свидетельствовать о том, что диапазон образов американцев на фоне ухудшения отношений с США сокращается до сугубо негативных репрезентаций.

С другой стороны, нынешний период стагнации российско-американских отношений часто отождествляют с периодом Карибского кризиса, данные явления несопоставимы по своим особенностям идеологического противостояния. Дело в том, что в период холодной войны советский «Другой» был значимым в формировании американской идентичности, равно как и американский «Другой» в конструировании советской [Журавлева 2018]. Сейчас же, не преуменьшая значения идентичности друг друга, в условиях

«нового антиамериканизма» идет акцент на искажение восприятия чужой идентичности в соответствии с внешнеполитическими контекстами. Поэтому возврат к эпохе Карибского кризиса как к художественной метафоре также может быть признаком некой ностальгии по тому времени, когда образы американского и русского «Другого» способствовали развитию собственной национальной идентичности.

Заключение

Образ американского «Другого», оставаясь практически неизученным элементом российского кинодискурса, играет важную роль в формировании восприятия американцев у населения РФ. Это объясняется не только тем, что кинематограф продолжает удерживать статус мощного лидера мнений, но и тем, что взаимосвязь тенденций кинематографической репрезентации с внешнеполитическими реалиями становится все более очевидной в рамках информационной войны.

Тенденция негативной репрезентации западных партнеров России и американцев, в частности, действительно зависит от политических контекстов. Наиболее широкий спектр этих контекстов «кодируется» фильмами, принадлежащими к антитеррористическому кинодискурсу. В начале двухтысячных в борьбе с терроризмом как с абсолютным злом американский «Другой» предстает в негативном ключе, что является эхом негативного восприятия американцев россиянами. В дальнейшем, в свете нескольких неразрешенных кризисов, усугубляющих динамику российско-американских отношений, образ американского «Другого» сам приобретает ореол абсолютного зла, нарушающего принципы морали и права человека.

Дальнейшую траекторию развития репрезентации американского «Другого» сложно предугадать даже в рамках такого узкого жанра, как антитеррористический кинодискурс. Это объясняется тем, что, невзирая на всю шаблонность преобладающих в нем на сегодняшний день образов американцев, в соответствии с внешнеполитическими контекстами могут предприниматься попытки как укрепить эти стереотипы, так и разрушить их. Надежду на второй вариант развития событий поддерживают примеры кинодискурса о холодной войне. Этот период, популярный у кинематографистов не только в США, но уже и в России, заставляет зрителя задуматься о том, что идеологическая конфронтация – пережиток прошлого, который необходимо оставить в ушедшей эре «Звездных войн» и космической гонки.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Диалог Россия – Запад в условиях международной нестабильности: политика, идеология, имагология» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Aknowlegements

The work was carried out within the framework of the Russian State University for the Humanities project “Dialogue Between Russia and the West in the Context of International Instability: Politics, Ideology, Imagology” (competition “Student project research teams of the Russian State University for the Humanities”).

Литература

- Волков, Пономарева 2012 – *Волков Е.В., Пономарева Е.В.* Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 10 (269) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-kino-kak-istoricheskiy-istochnik-dlya-izucheniya-kulturnoy-pamyati/viewer> (дата обращения 05 сентября 2021).
- Гавриченко, Марцинковская, Орестова 2017 – *Гавриченко О.В., Марцинковская Т.Д., Орестова В.Р.* Киноязык в современной культуре // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 3 (9). С. 58–72.
- Гоцило, Гоцило 2020 – *Гоцило Е., Гоцило Б.* Выцветание красного. Бывший враг времен Холодной войны в русском и американском кино 1990–2005 годов. СПб.: Academic Studies Press: Библио Россика, 2020. 480 с.
- Журавлева 2018 – *Журавлева В.И.* Россия как «Другой» в президентских выборах в США 2016 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002446-9-1/> (дата обращения 05 сентября 2021).
- Казакова 2014 – *Казакова А.И.* Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 231 с.
- Назмутдинова 2008 – *Назмутдинова С.С.* Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 182 с.
- Согрин 2013 – *Согрин В.В.* Меняющееся восприятие США в постсоветской России // Общественные науки и современность. Российская академия наук. 2013. № 6. С. 121–133.
- Юдин 2019 – *Юдин К.А.* «Образ врага» и атмосфера «Холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960–1970-х гг. // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 178–194.
- Beumers 2011 – *Beumers B.* Directory of World Cinema: Russia. Chicago: Intellect: The University of Chicago Press, 2011. 333 p.

References

- Beumers, B. (2011), *Directory of World Cinema: Russia*, Intellect, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Gavrichenko, O., Martskinkovskaya, T. and Orestova, V. (2017), “The language of cinema in modern culture”, *RSUH/RGGU Bulletin “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 3 (9), pp. 58–72, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoya-zyk-v-sovremennoy-kulture/viewer> (Accessed 05 September 2021).
- Goshchilo, E. and Goshchilo, B. (2020), *Vytsvetanie krasnogo. Byvshii vrag vremen Holodnoi voiny v russkom i amerikanskom kino 1990–2005 godov* [Fade From Red. The Cold War Ex-Enemy in Russian and American Film, 1990–2005], Academic Studies Press, Biblio Rossika, Saint Petersburg.
- Kazakova, A. (2014), *Features of the formation of phraseological semantics in the discursive space of Russian cinema*, Ph.D. Thesis (Philology), Astrakhan, Russia.
- Nazmutdinova, S. (2008), *Harmony as translational category (based on Russian, English, French cinema discourse)*, Ph.D. Thesis (Philology), Tyumen, Russia.
- Sogrin, V. (2013), “The changing perception of the USA in post-soviet Russia”, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 121–133.
- Volkov, E., Ponomaryova, E. (2012), *Fiction film as a historic source for the studying of cultural memory*, *Bulletin of the South Ural State University*, no 10 (269), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-kino-kak-istoricheskii-istochnik-dlya-izucheniya-kulturnoy-pamyati/viewer> (Accessed 05 September 2021).
- Yudin, K. (2019), “‘Enemy image’ and the atmosphere of ‘cold confrontation’ in the foreign cinema in the 1960–1970s”, *Dialogue with Time*, vol. 67, available at: https://roii.ru/publications/dialogue/article/67_14/yudin_k.a./enemy-image-and-the-atmosphere-of-cold-confrontation-in-the-foreign-cinema-in-the-19601970s (Accessed 05 September 2021).
- Zhuravleva, V. (2018), “Russia as the Other in the 2016 presidential election in the United States”, *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal ‘Istoriya’*, vol. 8 (72), available at: <https://history.jes.su/s207987840002446-9-1/> (Accessed 05 September 2021).

Информация об авторе

Дарья В. Василенко, независимый исследователь; 125310, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, д. 73; daryavasilenko2712@gmail.com

Information about the author

Dar'ya V. Vasilenko, independent researcher; bld. 73, Volokolamskoe Highway, Moscow, Russia, 125310; daryavasilenko2712@gmail.com

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 323.27

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-87-107

Региональное сопротивление попытке переворота в августе 1991 года: случай Волгограда

Иван И. Курилла

*Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия, ikurilla@eu.spb.ru*

Аннотация. В статье анализируется реакция на сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) в августе 1991 г. и сопротивление ему в Волгограде. В научной литературе и в общественно-политических дебатах распространено мнение о том, что сопротивление путчу было ограничено Москвой и Ленинградом, а регионы отнеслись к нему нейтрально или поддержали ГКЧП. На материалах мемуаров, газет, резолюциях митингов и сообщениях информационных агентств из Волгограда автор анализирует волну протеста, поднявшуюся в регионе, сравнивает происходившее там с происходившим в других регионах и приходит к выводу о широком сопротивлении перевороту в российских областях, а также выявляет факторы, способствовавшие появлению такой реакции в «протестных» регионах. Ключевой особенностью Волгоградской области и других регионов, где протест принял широкий организованный характер, было наличие большой доли независимых демократически настроенных депутатов в местных советах и независимой от номенклатуры прессы. Кроме того, волгоградцы имели дополнительный прямой доступ к окружению Бориса Ельцина в лице председателя областного совета Валерия Махарадзе, в тот момент назначенного Главным государственным инспектором России. В результате журналисты наладили получение и распространение новостей о сопротивлении путчу со стороны российского руководства, а независимые депутаты добились поддержки Ельцина со стороны местных властей. Автор делает вывод, что важнейшие перемены, создавшие такую комбинацию факторов, были предопределены выборами в советы, прошедшими 4 марта 1990 г.

Ключевые слова: ГКЧП, путч 1991 г., Волгоград, общественные движения, депутатский корпус 1990 г., перестройка, перестроечная пресса, выборы 1990 г.

Для цитирования: Курилла И.И. Региональное сопротивление попытке переворота в августе 1991 года: случай Волгограда // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 87–107. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-87-107

© Курилла И.И., 2021

Regional resistance to the coup attempt in August 1991: Volgograd case

Ivan I. Kurilla

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, ikurilla@eu.spb.ru

Abstract. In this article, the author analyzes the reaction to the State Emergency Committee (GKChP) attempted coup in August 1991 and the resistance to it in Volgograd. In scholarly literature and socio-political debates the opinion is widespread that resistance to the putsch was limited to Moscow and Leningrad, and the regions treated it rather neutrally or even supported the GKChP. Based on the memoirs, newspapers, rallies resolutions and news agency reports from Volgograd, the author shows the wave of protests in the region, compares what was happening there with what was happening in other regions and comes to the conclusion that the Russian regions did show widespread resistance to the coup. He also discovers the main factors that distinguished the regions of protest. A key feature of Volgograd and other regions, where the protest took on a broad, organized character, was the presence of a large number of independent democratically minded deputies in the local Soviets and the media independent of the old nomenclature. In addition, the residents of Volgograd had a direct access to Boris Yeltsin's entourage, as the chairman of the regional Soviet, Valery Makharadze, was exactly at that time appointed the Chief State Inspector of Russia. As a result, journalists received and distributed the news about the resistance to the putsch on the part of the Russian leadership, while independent deputies won support for Yeltsin from the local authorities. The author concludes that the most important changes that created this combination of factors were predetermined by the elections to the Soviets held on March 4, 1990.

Keywords: GKChP, 1991 coup, Volgograd, social movements, deputies of 1990, Perestroika, Perestroika media, elections of 1990

For citation: Kurilla, I.I. (2021), "Regional resistance to the coup attempt in August 1991: Volgograd case", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 87-107, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-87-107

Постановка проблемы

Представление о безразличии населения России за пределами Москвы и Ленинграда к отстранению президента СССР Михаила Горбачева и взятию власти Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) 19 августа 1991 г. – миф, широко распространившийся в общественном сознании и даже в научной литературе. Еще в 2005 г. профессор Джорджтаунского университета Харли Бальцер вынужден был посвятить специальную статью

развенчанию этого мифа. Среди предложенных им объяснений – асимметрия в подаче телевизионной информации: цензура, введенная ГКЧП, не позволила давать в эфире кадры сопротивления путчу по всей стране, в результате чего москвичи были уверены, что только в столице происходили заметные события [Balzer 2005]. Тем не менее миф этот живуч.

Заметную роль в формировании представлений о событиях августа 1991 г. играют личные воспоминания современников, как опубликованные в газетных заметках и в виде мемуаров, так и существующие в виде «устной памяти» в семьях и локальных сообществах. В отношении к вопросу о сопротивлении попытке переворота за пределами столиц они делятся на утверждающие наличие такого сопротивления и отрицающие его (вторые часто используются для доказательства отсутствия сопротивления и даже интереса к происшедшему в Москве). Вместе с тем эти две группы мемуаров неравнозначны в своей ценности. Отрицающие сопротивление, очевидно, сами не участвовали в таких протестах, не имели к ним отношения и, вероятно, жили в регионах, где таких протестов не было. Расследование, проведенное Верховным Советом РСФСР по горячим следам, пришло к выводу о том, что власти многих регионов заняли выжидательную позицию,

...а такие регионы, как Северо-Осетинская ССР, Татарская ССР, Чечено-Ингушская ССР, Алтайский и Краснодарский края, Липецкая, Нижегородская, Оренбургская, Ростовская и Рязанская области, своими действиями оказали прямую поддержку путчистам [Малхозова 2019, с. 205].

И в регионах, где проявилось активное противодействие указам ГКЧП (даже в Москве), в этом противодействии участвовало меньшинство населения. Поэтому логично предположить, что личный опыт этих мемуаристов описывается ими верно, – но он не может отрицать опыта тех, кто в протестах участвовал. Поэтому именно мемуарные свидетельства о сопротивлении оказываются решающими в определении его существования. Масштабы его, конечно, могут быть преувеличены памятью участников и требуют подтверждения другими источниками. Вместе с тем в сентябре 1991 г., когда события были еще живы в памяти, всесоюзный опрос ВЦИОМ показал, что причиной неудачи августовского переворота 50% опрошенных считали «сопротивление народа», а 49% – «решительные действия руководства России» (поскольку возможно было выбрать несколько вариантов, то сумма превышает 100%, – но эти две причины оказались самыми частыми) [Никитина 1991,

с. 49]. Логично предположить, что в этих ответах подразумевалась не только столица.

Между тем за истекшие тридцать лет – и особенно в последние полтора десятка – в науке появилось большое количество статей и некоторое количество монографий, авторы которых анализируют реакцию местных властей и активистов в разных регионах России на попытку государственного переворота. Эти работы основаны на изучении местных архивов и в большой степени сфокусированы на поведении региональных советов народных депутатов и комитетов КПСС, однако действия актива демократических сил также нашли в них отражение [Бобровская 2010, Величко 2004, Величко 2012, Волкова 2019, Воронцов 2017, Иванов 2018, Козин 2005, Козодой 2011, Малхозова 2019, Матвеев 2003, Расторгуев 2007, Смолеев 2013, Степанов 2018, Тышта 2010, Шех 2020]. Большая часть этих работ представляет собой введение в научный оборот информации об обсуждениях, решениях и действиях политических акторов в условиях кризиса, в некоторых случаях дополненных сравнением ситуаций в нескольких регионах России. Зачастую незнание более широкого контекста приводит авторов к ошибочным выводам об уникальности того или иного случая или принятого решения, либо, напротив, заставляет их экстраполировать ситуацию в одном регионе на всю страну.

Задачей данной статьи является введение в оборот документов и свидетельств о происшедшем в Волгограде 19–21 августа 1991 г. Волгоградские события при этом вписываются в общероссийский контекст и сравниваются с развитием событий в других регионах. Автор намеренно не использовал данные о сопротивлении путчу в союзных республиках и в национальных регионах России, где протест приобретал дополнительную окраску.

Институционализация активистов

Начинать отсчет в Волгограде следует с января 1990 г. За полтора года до ГКЧП в Волгограде произошло событие, которое тогда же окрестили «волгоградской революцией»: массовые митинги волгоградцев на центральной набережной города привели к отставке тогдашнего руководителя области первого секретаря обкома КПСС В.И. Калашникова и всего бюро обкома партии [Курилла 2005].

В результате этих событий власть КПСС в регионе оказалась поколебленной. Новый состав бюро и новый первый секретарь областного комитета КПСС А.М. Анипкин уже не обладали той полнотой контроля над регионом, что его предшественники. Пред-

седатель вновь избранного областного совета народных депутатов В.А. Махарадзе даже отказался войти в состав бюро обкома, хотя и уверял первого секретаря, что «не подвергает сомнению руководящую роль партии» [Moses 1992, с. 482, Анипкин 2020, с. 115]. Кроме того, А.М. Анипкин сам относился к реформаторскому поколению в партии и – в силу собственной биографии и по обстоятельствам прихода к руководству Волгоградской области – не имел желания поддерживать возвращение к жесткому управлению страной. Так или иначе, позиция руководства и сузившиеся объективные возможности Волгоградского обкома КПСС были важным фактором, повлиявшим на события в регионе.

После зимней «городской революции» января 1990 г. и отмены 6-й статьи Конституции СССР в марте того же года в Волгограде появились местные отделения множества создававшихся в тот момент партий: христианские демократы и социал-демократы, демпартия СССР и анархисты вели свое партийное строительство на базе активистов вчерашних митингов и быстро политизировавшейся общественности. Продолжал сохранять свой авторитет Комитет избирателей, объединявший активистов еще со времени январских митингов. На выборах в местные советы, областной и городской, состоявшихся 4 марта 1990 г., победили многие герои этой политизации. Правда, «демократы» не получили большинства ни в городском, ни в областном совете, но сформировали в них влиятельные группы. Демократия в Волгограде в те насыщенные месяцы развивалась не как «власть демократов», а как способ нахождения компромиссов в политическом диалоге¹.

Таким образом, в Волгограде к августу 1991 г. демократические слои общества были институционализированы: в органах городской и областной представительной власти сформировались заметные группы депутатов, ориентировавшихся на реформы. Они не обладали большинством, но большинства уже не было и у «старых» кадров, пришедших в советы при поддержке КПСС. Третью силу представляли депутаты, прошедшие в советы как независимые кандидаты, не примыкавшие к «демократам», но и не опиравшиеся на партийные структуры. Обком КПСС по итогам событий 1990 г. сам ликвидировал отраслевые отделы [Анипкин 2020, с. 115], и рычаги руководства во все большей степени переходили к депутатам

¹ Этим ситуация в Волгограде отличалась как от регионов, где советская номенклатура сохраняла контроль над обществом, так и от городов, где власть упала в руки перестроечных «демократов» [Гельман 2021, с. 7]. В этой статье в соответствии с принятой в то время политической классификацией мы называем «демократами» активистов-реформаторов и сторонников российского руководства в августе 1991 г.

областного и городского советов, структура которых тоже изменилась, – наряду с председателями исполкомов появилась должность председателя совета, воспринимавшаяся многими как главная в структуре областной власти. Председателем областного совета, избранного весной 1990 г., стал бывший директор камышинского стеклотарного завода Валерий Антонович Махарадзе.

Эта институционализация оппозиционных сил до момента общенационального кризиса явилась, очевидно, важнейшим фактором, обусловившим активное сопротивление в регионе решениям ГКЧП. В силу разных причин подобное проникновение оппозиционных депутатов во власть произошло, например, в Свердловске (родном регионе Б.Н. Ельцина) и в Кемерово (центре Кузбасса с его рано активизировавшимся шахтерским движением)². В целом именно областные и городские советы, избранные на волне демократизации в марте 1990 г., стали препятствием к выполнению указов путчистов, однако уровень представленности демократических сил в разных регионах значительно различался.

Еще одним фактором, повлиявшим на ход событий в Волгограде, было наличие независимой прессы. Вновь избранные депутаты областного и городского совета одним из первых дел создали собственные газеты. Городской совет учредил «Городские вести», ставшие на долгий период самым демократическим СМИ региона. На первой полосе первого выпуска было размещено факсимиле доброго пожелания газете от Бориса Ельцина. Издание областного совета стало называться «Новой газетой». Обе газеты резко отличались от привычных партийных изданий КПСС, туда перетекли кадры наиболее демократически настроенных журналистов. В это же время раскололась комсомольская газета региона «Молодой ленинец»: радикальная часть журналистов редакции создала собственное издание под названием «Миг», оставив старую газету консерваторам.

Реакция на ГКЧП: депутаты и митинги

Сообщение о «невозможности выполнения своих обязанностей» президентом СССР М.С. Горбачевым и создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) вышло в эфир всесоюзного радио и телевидения утром в понедельник

² Джоел Мозес относил к регионам, в которых демократы получили большинство или влиятельную фракцию в региональном совете Новосибирск, Томск, Волгоград, Пермь, Ярославль, Кемерово, Харьков и Львов [Moses 1992, p. 480].

19 августа 1991 г. Уже в середине дня на улицах в Волгограде были развешаны листовки с текстом указа Б.Н. Ельцина, квалифицировавшим события как государственный переворот и с призывом к горожанам «выйти вечером 19 и 20 августа в 19 часов на Центральную набережную на митинг протеста» (рис. 1).

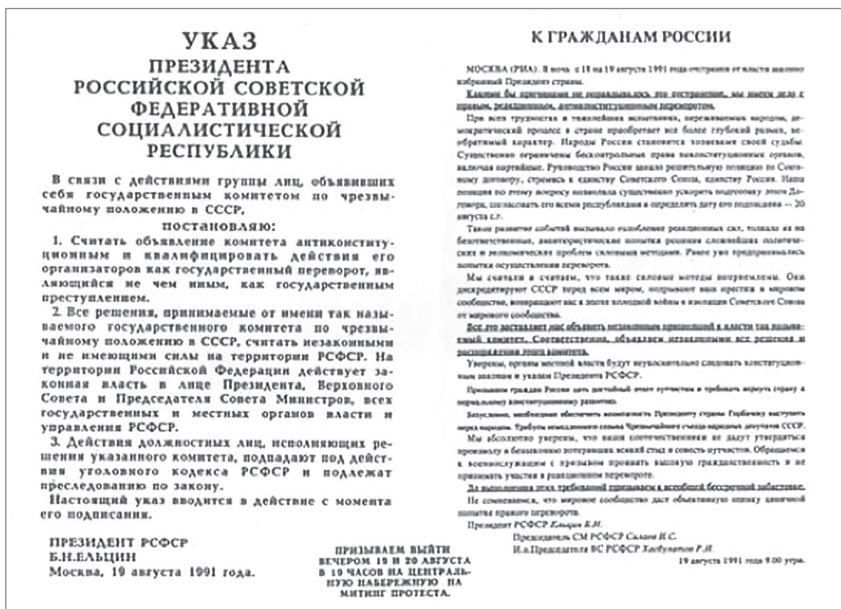

Рис. 1. Листовка, распространявшаяся в Волгограде 19 августа 1991 г.

В распространении листовок с указами Ельцина участвовали демократические депутаты, избранные в 1990 г. Так, депутат облсовета А. Гоголев, работавший начальником смены ВПО «Химпром», рано утром 20 августа на проходной своего завода раздавал копии указов президента РСФСР рабочим, за что его пытался задержать наряд милиции, но депутата отбили у наряда рабочие, шедшие на смену³.

В тот же день несколько демократических депутатов Волгоградского городского Совета подписали и размножили заявление, в котором заявили о необходимости отдать под суд членов ГКЧП и потребовали от местных силовиков невмешательства в деятель-

³ Что произошло у проходной Химпрома // МИГ. Экстренный выпуск. 1991. 20 авг.

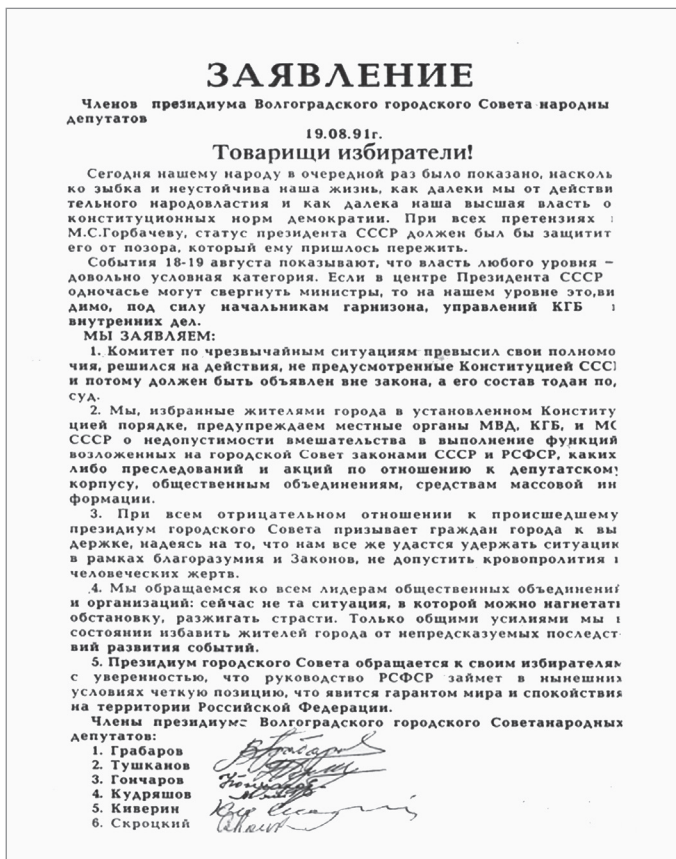

Рис. 2. Заявление депутатов Волгоградского городского совета, 19 августа 1991 г.

ность депутатов, общественных объединений и средств массовой информации. Заявление подписали шестеро членов президиума Волгоградского городского Совета народных депутатов Грабаров, Тушканов, Гончаров, Кудряшов, Киверин и Скроцкий (рис. 2). Еще пятеро членов президиума отказались подписывать этот текст⁴.

Еще одним центром, вокруг которого сгруппировались демократические политики, стал обком ВЛКСМ (правда, не названный в тексте прямо, – его можно «вычислить» по указанному в подписи адресу и списку подписантов). Молодежные политики во главе

⁴ Хроника переворота // Городские вести. Экстренный выпуск № 1. 1991. 20 авг.

с народным депутатом СССР А.А. Киселевым выпустили «Обращение к молодежи Волгоградской области», в котором обвинили ГКЧП в государственном перевороте «с целью ввергнуть страну во мрак диктатуры и военно-промышленного комплекса» и призвали молодежь

...решительно поддержать борьбу законного президента РСФСР Б.Н. Ельцина против самозванной хунты путчистов, не подчиняться указам и постановлениям ГКЧП, проявить стойкость и мужество в отражении грубой агрессии против народов России и ее законных органов власти, поддержать решения Президиума облсовета и облисполкома⁵.

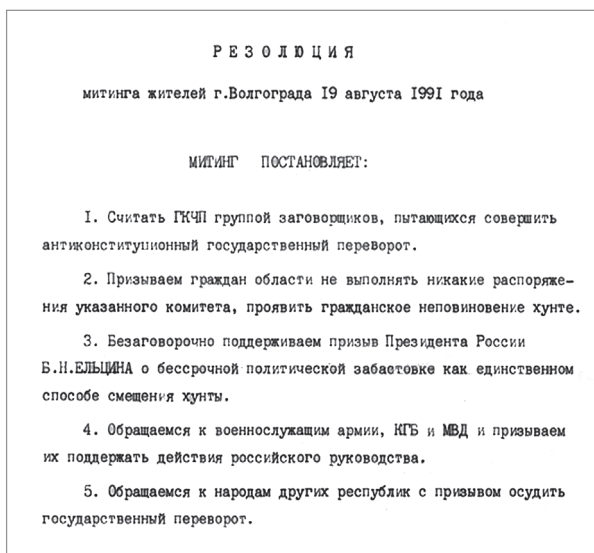
Центральная роль новых депутатов проявилась и в других регионах, где наблюдалось серьезное сопротивление путчу. Так, в Барнауле, Омске, Томске, Новосибирске организацию сопротивления ГКЧП возглавили народные депутаты разных уровней, входившие в коалицию «Демократическая Россия» [Степанов 2018], в Тамбове центром сопротивления было местное отделение историко-просветительского общества «Мемориал» и вышедшие из его рядов депутаты [Смолев 2013], а в Смоленске именно областные депутаты склонились к поддержке российского руководства утром 20 августа [Иванов 2018]. В Рязани чрезвычайность ситуации и раскол депутатского корпуса были подчеркнуты созывом внеочередной сессии облсовета 21 августа за городом, в клубе совхоза имени 50-летия СССР в поселке Турлатово [Волкова 2019, с. 30].

Митинг в Волгограде состоялся вечером 19 августа, и собравшиеся проголосовали за резкую резолюцию, в которой предложили «считать ГКЧП группой заговорщиков, пытающихся совершить антиконституционный государственный переворот», призвали граждан к «гражданскому неповиновению хунте», поддержали призыв Ельцина к бессрочной политической забастовке. В резолюции также содержался призыв к военнослужащим армии, КГБ и МВД «поддержать действия российского руководства» и обращение «к народам других республик» с призывом осудить переворот (рис. 3).

По подсчетам газеты «Вечерний Волгоград», в митинге 19 августа приняли участие «около двух тысяч человек»⁶. Других

⁵ Обращение к молодежи Волгоградской области // МИГ. Экстренный выпуск. 1991. 20 авг.

⁶ Митинг на набережной // Вечерний Волгоград. 1991. 21 авг.

*Рис. 3. Резолюция митинга
на Центральной набережной Волгограда 19 августа 1991 г.*

подсчетов этого дня нет, но число представляется заниженным (см. рис. 4).

Участники митинга поднялись от набережной вверх по Аллее героев, свернули на проспект Ленина и перекрыли движение напротив здания областной власти, в котором помещались областной комитет КПСС и областной совет с его исполкомом. Вышедшего к народу заместителя главы областного совета вынудили пообещать не поддерживать ГКЧП, хотя главный посыл властей состоял примерно в том, что «московские события – не наше дело». Протестующие также добились обещания, что председатель облисполкома И.П. Шабунин выступит по телевидению⁷.

Изнутри областного совета ситуация выглядела так: в расширенном заседании президиума областного совета 19 августа участвовали

...ряд депутатов, в основном – от «демократического» крыла, руководство силовых структур и еще ряд личностей. Предоблсовета [В.А.] Махарадзе все дни ГКЧП просидел в Москве. Вел собрания губернатор (в тот момент – председатель облисполкома – ИК) [И.П.] Шабунин... [С]ошлись на том, что с резкими политическими заявлениями руко-

⁷ Хроника текущих событий // МИГ. 1991. 21 авг.

*Рис. 4. Митинг на центральной набережной Волгограда 19.08.1991 г.
Фото Игоря Гольдберга*

водству области выступать не следует. Будем, мол, спокойно работать по законам России и выполнять указы ее Президента. ... По окончании первого заседания его участники вышли к митингующим у здания облисполкома и озвучили позицию, занятую областными властями⁸.

Президиум облсовета принял решение, в котором содержался пункт с призывом к гражданам «воздержаться от проведения забастовок и других действий, которые могут усложнить ситуацию в области», одновременно предлагая волгоградцам

...в случае попытки «комитета» начать насильственные действия по захвату власти на территории области быть готовыми начать кампанию гражданского неповиновения решениям указанного «комитета»⁹.

Правда, последнее уточнение (шестой пункт постановления) известно нам только из мемуаров члена президиума облсовета А.Г. Морозова, – в газете «Вечерний Волгоград» 21 августа опубликовано только пять пунктов. Тем не менее, первым пунктом президиум постановил, что «на территории РСФСР и области действует законно избранная власть в лице Президента РСФСР, Верховного Совета РСФСР, Совета министров РСФСР, других госу-

⁸ Морозов А.Г. При попытке захвата власти начать кампанию гражданского неповиновения // Аргументы недели. 22 августа 2018. URL: <https://argumenti.ru/society/2018/08/583017> (дата обращения 24 сентября 2021).

⁹ Там же.

Рис. 5. Митинг на Центральной набережной Волгограда 20 августа 1991 г.

дарственных и местных органов власти и управления РСФСР», а также обратился в Комитет конституционного надзора с просьбой «дать правовую оценку действиям “Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР”»¹⁰. Это решение было тут же фельдъегерской связью разослано по все районам Волгоградской области¹¹.

Вопрос о забастовке был одним из самых болезненных для местных властей во всех регионах. Несмотря на призыв ко всеобщей забастовке, содержащийся в обращении Ельцина, в регионах старались избежать этого способа протеста. Так, в Приморье председатель крайисполкома также призвал воздержаться от этой меры, – в крайнем случае он был готов призвать приморцев к двухчасовой приостановке работы [Воронцов 2017]. Однако в Тюмени областной совет потребовал немедленного роспуска ГКЧП и пригрозил поддержать всеобщую забастовку, на Урале начали стачку шахтеры Североуральского бокситового рудника, а в Свердловске участие в политической забастовке планировали свыше 500 предприятий [Расторгуев 2007, с. 55, 57], в Кемеровской области Совет рабочих комитетов Кузбасса также объявил политическую забастовку, в которой уже 20 августа принимало участие 41 угольное предприятие

¹⁰ Решение президиума и исполнительного комитета Волгоградского областного совета народных депутатов «О политической ситуации в стране» // Вечерний Волгоград. 1991. 21 авг.

¹¹ Неофициально (телефонное интервью депутата облсовета В. Мироненко) // МИГ. Экстренный выпуск. 1991. 20 авг.

Рис. 6. Листовка городского забастовочного комитета Волгограда, 21 августа 1991 г.

По призыву Президента РСФСР Б.Н.Ельцина митинг, состоявшийся в Волгограде 20 августа 1991 года, принял решение о начале всеобщей бессрочной забастовке с 0 часов 21 августа 1991 года. Создан забастовочный комитет, который располагается на

ул.Порт-Саида, 6 (тел. 33-69-50).

Бастующим предприятиям необходимо выделить в забастовке по одному представителю, на каждом предприятии создать забастовочный комитет. Цель забастовки — добиться бескровным путем ухода самозванной хунты. Забастовка проводится сменами на рабочих местах. Смены к работе не приступают, проводятся собрания, митинги, доводятся последние известия.

В забастовке не участвуют предприятия связи, транспорта, медицинских службы, торговля, предприятия хлебо-булочной и молочной промышленности, городского коммунального хозяйства и предприятия непрерывного цикла.

Городской забастовочный комитет.

из 101 (однако митинги в Кемерово были немногочисленными) [Величко 2004, с. 243, 247]. Стачечный комитет был создан в Мурманском морском пароходстве, на его призыв к политической забастовке откликнулись теплоходы «Норильск», «Иван Сусанин» и атомоход «Сибирь». Утром 20 августа на несколько часов встали в знак поддержки российского руководства троллейбусы Мурманска [Шех 2020, с. 145]. На этом фоне волгоградские протесты не выглядят радикальными, вероятно, в силу большего доверия населения недавно избранным депутатам.

На следующий день выступления в Волгограде продолжились. На набережной снова собрался митинг в поддержку российских властей и против ГКЧП, в котором приняли участие несколько десятков тысяч человек¹² (рис. 5). Митинги в этот день прошли во многих городах России, — по численности участников (за пределами столиц) больше волгоградского был, очевидно, митинг в Свердловске, который собрал, по мнению местных газет, около ста тысяч горожан [Расторгуев 2007, с. 57].

Организаторы этого митинга по призыву Б.Н. Ельцина включили в свою резолюцию призыв к забастовке и создали городской забастовочный комитет.

¹² А.Г. Морозов пишет о 20–25 тысячах: *Морозов А.Г.* Указ. соч. URL: <https://argumenti.ru/society/2018/08/583017> (дата обращения 24 сентября 2021).

Газеты и связь с Москвой

По понедельникам газеты в Волгограде не выходили, поэтому первая бумажная пресса появилась в городе во вторник. На улицах областного центра с утра раздавали экстренный выпуск газеты «Миг», выполненный на одной стороне листа бумаги с добавлением в логотипе «Прочти и передай другому». С экстренным выпуском, и тоже на одном листе (правда, двустороннем) вышли и «Городские вести». На первой полосе эти газеты публиковали не обращения ГКЧП, а указы и обращение Б.Н. Ельцина. Предсказуемым образом обратную картину можно увидеть в газетах, оставшихся органами комитетов КПСС: «Вечерний Волгоград», «Волгоградская правда» и «Молодой Ленинец» (в последней газете путч назвали «Воскресением»). И только «Новая газета» рядом на первой полосе сверстала заявление ГКЧП и обращение Б.Н. Ельцина.

Рис. 7. Экстренный выпуск газеты «МИГ», 20 августа 1991 г.

Именно газеты стали главными путями распространения информации о происходящем в Москве. Текст обращения Ельцина и его первый указ был передан по факсу в редакцию «Городских вестей» и размножен журналистами. Распространением занимался Городской клуб избирателей и пришедшие в редакцию активисты («и еще кто-то»)¹³. Это, казалось бы, очевидная функция га-

¹³ Хроника переворота // Городские вести. Экстренный выпуск № 1. 1991. 20 авг. С. 1.

Рис. 8. Экстренный выпуск газеты «Городские вести», 20 августа 1991 г.

зет, была, однако, в дни путча очень затруднена. Связь с Москвой удалось установить не всем регионам. Так, в Смоленске указы Б.Н. Ельцина, изданные 19 августа, были получены лишь 21 августа, а указы, изданные 20 августа пришли в этот город только 28 августа [Иванов 2018]. В Мурманске «Полярная правда» не публиковала материалов российской власти, объясняя это позднее тем, что не получала материалов по официальным каналам, и потому не имела возможности донести до читателей мнение руководства республики [Шех 2020, с. 143].

Единственным средством связи с Москвой из Волгограда были телефон и факс, а источниками информации – оказавшиеся в столице депутаты и журналисты. Однако у волгоградцев был в окружении российского президента еще один важный источник. В момент переворота председатель облсовета Валерий Махарадзе был в Москве, а уже 19 августа в Волгограде станет известно о его назначении Главным государственным инспектором РСФСР¹⁴. В дни путча он регулярно отвечал на вопросы волгоградских журналистов, в том числе знакомых их с информерами о том, как на ГКЧП реагируют другие регионы страны. На должности Главного государственного инспектора (с добавлением «начальник Контрольного управления») в следующие после поражения ГКЧП месяцы Ма-

¹⁴ Морозов А.Г. Указ. соч.

харадзе станет главным инструментом приведения региональных властей к лояльности российскому руководству, – то есть одним из ключевых политиков первого этапа становления российской государственности¹⁵. Этот взлет волгоградского руководителя показывает, что регион был на особом счету у российского руководства, рассчитывавшего на его демократический настрой.

Более того, вечером 19 августа редакция закрытой ГКЧП «Российской газеты» вылетела в Волгоград, чтобы издавать ее там¹⁶, и в дни путча действительно опубликовала свой спецвыпуск в Волгограде на базе областной «Новой газеты»¹⁷.

Отдельной проблемой была обратная связь: каналы информации между регионами и Москвой были перекрыты в обе стороны. Однако молодое Российское информационное агентство сообщило о планировавшемся в Волгограде митинге против ГКЧП уже в 17.30 19 августа. В тот же день оно сообщало о протестах разного уровня во Владивостоке, Кемерово, Сыктывкаре, Свердловске, Нижнем Новгороде, Тюмени, Томске, Воронеже и Рязани, 20 августа к этим городам добавились Новосибирск, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск, Петрозаводск, Северодвинск, Калининград и Вологда, а в ночь на 21 августа информация о протестах против ГКЧП пришла также из Самары, Краснодара и Новороссийска¹⁸.

Силвики

В первый день переворота ГКЧП было, видимо, еще не до регионов. На заседании президиума облсовета 19 августа, по воспоминаниям А.Г. Морозова,

...высказали свои позиции силовики (прокурор области Руднев, руководитель областного УВД генерал Дергачев и начальник гарнизона генерал Аввакумов) заявив, что никаких указаний и команд они не по-

¹⁵ См. опубликованные пока только в сети мемуары: *Громыкин С.* Записки полубюрократа. Часть 2. URL: http://www.meo79.ru/sources/non-fiction/gromykin_90_2.pdf (дата обращения 24 сентября 2021), а также многочисленные отзывы о Махарадзе в книге [Иванов 2019]. Карьера Махарадзе в Москве оказалась яркой, но недолгой: в марте 1992 г. он стал вице-премьером российского правительства, а уже в декабре того же года попал в «почетную ссылку» торговым представителем России в Канаде.

¹⁶ Хроника переворота. С. 2.

¹⁷ Российская газета. 1991. 21 авг. Спецвыпуск. URL: <https://yeltsin.ru/archive/periodic/54127/> (дата обращения 24 сентября 2021).

¹⁸ Хроника путча. Час за часом: События 19–22 августа 1991 г. в сводках Российского информационного агентства. Ленинград, 1991. 96 с.

лучали и пока никаких действий предпринимать не будут. Об участии руководителя областного КГБ генерала Гуро у меня в памяти следов не осталось (пил он беспробудно)¹⁹.

Нерешительность волгоградских силовиков понятна, – но мы знаем, что в некоторых регионах их коллеги успели проявить себя более жестко. Так, командующий Приволжско-Уральским военным округом А. Макашов «взял под охрану» мосты, склады, ГЭС и связывался с руководителями всех регионов на территории округа (мемуары разнятся в указании на то, кто был инициатором этих разговоров) [Матвеев 2003].

Московские путчисты первоначально, очевидно, хотели добиться обращения от местных «гражданских властей» и рассматривали возможность подавления региональных протестов, опираясь на структуры КПСС. Первый секретарь обкома А.М. Анипкин описывал эту ситуацию так:

Поздно вечером (19 августа. – *И. К.*) раздался звонок по ВЧ. <...> Указание было коротким: «В Волгограде прошел митинг протеста против ГКЧП, от вас требуется шифрограмма Янаеву с просьбой о введении чрезвычайного положения в городе» [Анипкин 1991].

Анипкин от такого предложения отказался.

На третий день путча волгоградские силовики, очевидно, получили, наконец, четкие приказы из Москвы. Начальник волгоградского гарнизона генерал Аввакумов на заседании президиума областного совета сделал заявление, что

...ГКЧП законен, указы Ельцина исполняться не должны, он (Аввакумов) назначен военным комендантом города, в Волгограде возможно объявление ЧП, к городу подходят части выводимой из Германии западной группы войск, решение о введении ЧП будет приниматься командующим округом на основе приказа министра обороны СССР. Ему поддакнул (начальник областного УВД) генерал Дергачев, заявив, что в случае объявления ЧП он будет исполнять обязанности заместителя военного коменданта²⁰.

Но было уже поздно: через несколько часов переворот бесславно закончился.

¹⁹ Морозов А.Г. Указ. соч.

²⁰ Там же.

Заклучение

В дни переворота 19–21 августа Волгоград оказался среди городов, наиболее решительно выступивших против ГКЧП. Этому способствовали несколько факторов: высокий уровень политизации населения, проявившийся в многолюдных митингах, институционализация демократических активистов, с 1990 г. получивших мандаты народных депутатов разного уровня и составивших значительные фракции в советах, наличие независимой прессы, созданной обновленными советами или коллективами журналистов, а также наличием прямой связи с российским руководством в критические первые сутки путча. Реформаторский настрой руководства региональной организации коммунистов и ее относительная слабость, а также нерешительность волгоградских силовиков создала ситуацию, в которой ГКЧП было не на кого опереться в регионе, и он стал одним из оплотов демократических сил. Это выразилось не только в назначении в первый день путча (или накануне его) главы волгоградского облсовета Валерия Махарадзе на должность Главного государственного инспектора, в которой он в течение следующих недель осуществлял «чистку» нелояльных региональных глав, но и во временном переносе в Волгоград издания главного в тот момент бумажного СМИ России – «Российской газеты».

Исследования последних лет показывают, что сопротивление регионов ГКЧП существовало в России почти повсеместно, однако в регионах, где демократы не смогли институционализироваться в предшествовавшие годы, оказалось менее заметным. Можно прийти к выводу, что «путч» потерпел поражение не 21 августа 1991 г., а 4 марта 1990 г., когда первые свободные выборы в России привели в советы множество демократически настроенных политиков. Именно они предопределили успех российского руководства, и поражение «старой гвардии».

Благодарности

Автор выражает признательность за предоставленные копии материалов митингов августа 1991 г. заведующей отделом научно-экспозиционной работы Волгоградского областного краеведческого музея Ирины Владимировны Талдыкиной.

Aknowlegements

The author expresses gratitude for the provided copies of the materials of the rallies in August 1991 by Irina Vladimirovna Taldykina, head of the department of scientific and exposition work of the Volgograd Regional Museum of Local History.

Литература

- Анипкин 1991 – *Анипкин А.М.* Я был последним первым. Волгоград: Вздо, 1991. 84 с.
- Анипкин 2020 – *Анипкин А.М.* Парработник. М.: Литрес, 2020. 220 с.
- Бобровская 2010 – *Бобровская О.С.* Воздействие августовских событий 1991 года на расстановку политических сил в сибирском регионе // Гео-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 147–153.
- Величко 2004 – *Величко С.А.* Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. 314 с.
- Величко 2012 – *Величко С.А.* «Демократический транзит» в Сибири (1985–1991 гг.) // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 13–17.
- Волкова 2019 – *Волкова Е.В.* Август 1991 года. Чрезвычайное положение в Рязани // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: Сб. ст. по материалам XXVII Междунар. науч.-практич. конф. М., 2019. С. 29–35.
- Воронцов 2017 – *Воронцов Н.С.* Политическая позиция руководства Приморского краевого совета народных депутатов в период августовского кризиса 1991 года // Успехи современной науки. 2017. Том 2. № 4. С. 217–223.
- Гельман 2021 – *Гельман В.* Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2021. 336 с.
- Иванов 2018 – *Иванов А.М.* Деятельность Смоленского областного совета народных депутатов и Смоленской областной партийной организации КПСС в период августовских событий 1991 года // Studia Humanitatis. 2018. № 3.
- Иванов 2019 – *Иванов В.* Глава субъекта Российской Федерации: Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов). В 2 т. М.: Издание книг ком, 2019.
- Козин 2005 – *Козин В.И.* Партийно-государственные органы Марийской ССР в период чрезвычайного положения 1991 г. // Регионология. 2005. № S6. С. 14–25.
- Козодой 2011 – *Козодой В.И.* Сибирский разлом. Общественно-политическая жизнь Сибири: 1985–1996 г. Новосибирск: Параллель, 2011. 420 с.
- Курилла 2005 – *Курилла И.И.* Гражданское общество и государство в Волгограде: поляризованная модель низовой демократии // Отечественные записки: Журнал для медленного чтения. 2005. № 6 (27). С. 139–148.
- Малхозова 2019 – *Малхозова Ф.В.* Верховный Совет РСФСР и местные советы народных депутатов в период «августовского путча» 1991 г. // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Центр научно-информ. технологий «Астерион», 2019. С. 202–213.
- Матвеев 2003 – *Матвеев М.Н.* Самарский областной и городской советы народных депутатов в дни ГКЧП в августе 1991 г. // Вестник Самарского государственного университета. 2003. № 3 (29). С. 86–107.
- Никитина 1991 – *Никитина В.* Год за годом: 1991 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 6. С. 46–51.
- Расторгуев 2007 – *Расторгуев А.П.* Газеты «Уральский рабочий» и «Вечерний Свердловск» о событиях 19–21 августа 1991 г. на Среднем Урале // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2007. Ноябрь. С. 53–60.

- Смолев 2013 – *Смолев А.А.* Российская провинция в период деятельности ГКЧП (на материалах Тамбовской области) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 10 (30).
- Степанов 2018 – *Степанов В.Е.* События 19–21 августа 1991 г. в Западной Сибири. Роль движения «Демократическая Россия» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1 (17). С. 89–94.
- Тышта 2010 – *Тышта Е.В.* Влияние событий августа 1991 года на политический процесс в республиках Тыва и Хакасия // Новые исследования Тувы (электронный научный журнал). 2010. № 3. С. 234–241.
- Шех 2020 – *Шех А.В.* Отражение событий августа 1991 года в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 18. 2020. № 1 (11). С. 140–149.
- Balzer 2005 – *Balzer H.* Ordinary Russians? Rethinking August 1991 // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2005. April. Vol. 13. No. 2. P. 193–218.
- Moses 1992 – *Moses J.C.* Soviet Provincial Politics in an Era of Transition and Revolution, 1989-91 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44. No. 3. P. 479–509.

References

- Anipkin, A.M. (1991), *Ya byl poslednim pervym* [I was the last the first], Vedo, Volgograd, Russia.
- Anipkin, A.M. (2020), *Partrabotnik* [Party functionary], Litres, Moscow, Russia.
- Balzer, H. (2005), “Ordinary Russians? Rethinking August 1991”, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, April, vol. 13, no 2, pp. 193–218.
- Bobrovskaya, O.S. (2010), “August 1991 events’ impact on the political balance in Siberian region”, *Geo-Sibir*, vol. 6, pp. 147–153.
- Gel'man, V. (2021), *Avtoritarnaya Rossiya: Begstvo ot svobody, ili Pochemu u nas ne prizhivaetsya demokratiya* [Authoritarian Russia: Escape from freedom or Why democracy does not take root in our country], Govard Rork, Moscow, Russia.
- Ivanov, A.M. (2018), “Activity of Smolensk regional Soviet and Smolensk regional CPSU committee during the events of August 1991”, *Studia Humanitatis*, no. 3.
- Ivanov, V. (2019), *Glava sub'ekta Rossiiskoi Federatsii: Istoricheskoe, yuridicheskoe i politicheskoe issledovanie (Istoriya gubernatorov)* [Head of the Subject of the Russian Federation: Historical, legal, and political research (History of governors)], in 2 vols., Izdanie knig kom, Moscow, Russia.
- Kozin, V.I. (2005), “Partiino-gosudarstvennye organy Mariiskoi SSR v period chrezvychaynogo polozheniya 1991 g.” [Party and state bodies of Mari SSR during the state of emergency of 1991], *Russian Journal of Regional Studies*, no. S6, pp. 14–25.
- Kozodoi, V.I. (2011), *Sibirskii razlom. Obshhestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri: 1985–1996 g.* [Siberian fault: social and political life of Siberia, 1985–1996], Parallel', Novosibirsk, Russia.
- Kurilla, I.I. (2005), “Civil society and state in Volgograd: polarized model of the grassroot democracy”, *Otechestvennye zapiski: Zhurnal dlya medlennogo chteniya*, no. 6 (27), pp. 139–148.
- Malhozova, E.V. (2019), “Supreme Soviet of the RSFSR and local soviets of people's deputies during the ‘August putsch’ of 1991”, *Tavricheskie chteniya. Aktual'nye*

- problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauride Readings 2018. Actual Problems of Parliamentarism: History and Present], Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii "Asterion", Saint Petersburg, Russia, pp. 202–213.
- Matveev, M.N. (2003), "Samara regional and city soviets of people's deputies in the days of GKChP in August 1991", *Vestnik of Samara State University*, no. 3 (29), pp. 86–107.
- Moses, J.C. (1992), "Soviet Provincial Politics in an Era of Transition and Revolution, 1989–91", *Soviet Studies*, vol. 44, no. 3, pp. 479–509.
- Nikitina, V. (1997), "Year after year: 1991", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 6, pp. 46–51.
- Rastorguev, A.P. (2007), "Newspapers *Uralski rabochiy* and *Vecherniy Sverdlovsk* on the events of 19–21 August, 1991 on the Middle Urals", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, November, pp. 53–60.
- Shekh, A.V. (2020), "Reflection of the events of August 1991 in Murmansk region", *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, vol. 18, no. 1 (11), pp. 140–149.
- Smoleev, A.A. (2013), "Russian province during GKChP activity (based on the sources from Tambov region)", *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, no. 10 (30).
- Stepanov, V.E. (2018), "Events of August 19–21, 1991, in the Western Siberia. Activity of the 'Democratic Russia' movement", *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*, no. 1 (17), pp. 89–94.
- Tyshta, E.V. (2010), "Impact of the events of August 1991 on the political process in Republics of Tyva and Khakassia", *Novye issledovaniya Tuvy*, no. 3, pp. 234–241.
- Velichko, S.A. (2004), *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (1985–1991 gg.)* [Sociopolitical life of Siberia (1985–1991)], Izdatelstvo OmGTU, Omsk, Russia.
- Velichko, S.A. (2012), "Democratic transit' in Siberia (1985–1991)", *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 5 (112), pp. 13–17.
- Volkova, E.V. (2019), "August 1991. State of emergency in Ryazan", *Nauchnyi forum: Yurisprudentsiya, istoriya, sotsiologiya i politologiya i filosofiya*, no. 3 (27), pp. 29–35.
- Vorontsov, N.S. (2017), "Political position of the Primorie regional Soviet of people's deputies during August crisis of 1991", *Uspekhi sovremennoi nauki*, vol. 2, no. 4, pp. 217–223.

Информация об авторе

Иван И. Курилла, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А; ikurilla@eu.spb.ru

Information about the author

Ivan I. Kurilla, Dr. of Sci. (History), professor, European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia; bld. 6/1A, Gagarinskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 191187; ikurilla@eu.spb.ru

Советские военнопленные в Германии: коммеморативные практики первых послевоенных лет

Наталья П. Тимофеева

*Воронежский институт высоких технологий
Воронеж, Россия, timpr@mail.ru*

Аннотация. В работе представлена важная часть советской политики памяти в Германии 1945–1949 гг. – деятельность советских военных по выявлению и учету захоронений, а также установлению личности погибших в неволе советских граждан – военнопленных и «восточных рабочих». Большое значение имела также фиксация злодеяний нацистов, совершенных над советскими гражданами.

Показан процесс формирования системы взаимодействия советских военных с немецкими органами местного самоуправления, а также союзниками по антигитлеровской коалиции, необходимой для реализации этих задач. Отмечена специфика деятельности советских военных миссий в западных зонах оккупации Германии при акценте на английской оккупационной зоне, где располагались известные нацистские лагеря для советских военнопленных, и число погибших было чрезвычайно велико. Особое внимание уделяется изменению положения советских военных миссий в Западной Германии в связи с эскалацией холодной войны.

Представлено место погибших в неволе советских военнопленных и «восточных рабочих» в современной культуре памяти России. Сделан вывод о необходимости их коммеморации в качестве своего рода возвращения на родину после долгих лет замалчивания и забвения.

Ключевые слова: советские военнопленные, «восточные рабочие», репатриация, места захоронения советских жертв нацизма, культура памяти

Для цитирования: Тимофеева Н.П. Советские военнопленные в Германии: коммеморативные практики первых послевоенных лет // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 108–118. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-108-118

Soviet prisoners of war in Germany: commemorative practices of the first post-war years

Natal'ya P. Timofeeva

Voronezh Institute of High Technologies, Voronezh, Russia, timnp@mail.ru

Abstract. The paper presents an important part of the Soviet memory policy in Germany in 1945–1949 – the activities of the Soviet military to identify and record the graves, as well as to establish the identity of the Soviet citizens who have died in captivity – the prisoners of war and the so-called “Eastern workers”. It was also of great importance to record the atrocities committed by the Nazis against Soviet citizens.

The article shows the process of forming a system of interaction between the Soviet military and the German local self-governing authorities, as well as the allies in the anti-Hitler coalition; the establishment of the system was necessary for the implementation of the above mentioned objectives. The specifics of the activities of the Soviet military missions in the western zones of occupation in Germany is pointed out, with the emphasis laid on the zone of British occupation, where the infamous Nazi camps for the Soviet prisoners of war were located, and the death toll was extremely high. Special attention is paid to the change in the position of the Soviet military missions in West Germany in connection with the escalation of the Cold War.

The present paper displays the position that the Soviet prisoners of war who have died in captivity and the “Eastern workers” have taken in the modern culture of memory of Russia. The conclusion is made about the need for their commemoration as a kind of return to their homeland after many years of silence and oblivion.

Keywords: Soviet prisoners of war, “Eastern workers”, repatriation, mass grave sites of the Soviet victims of Nazism, culture of memory

For citation: Timofeeva, N.P. (2021), “Soviet prisoners of war in Germany: commemorative practices of the first post-war years”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 108-118. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-108-118

Важной составляющей советской политики памяти в Германии 1945–1949 гг. являлась деятельность военных по репатриации и учету мест захоронения погибших в неволе соотечественников. Оба вопроса оставались до распада Советского Союза вне сферы внимания ученых. Вышедшие после труды российских ученых, посвященные проблеме репатриации, свидетельствуют о перспективе преодоления советского наследия в отношении этой трудной темы. Судьба же захоронений советских военно-

пленных и «восточных рабочих» в Германии не рассматривалась российскими исследователями, несмотря на значимость и неразрывную связь темы с культурой памяти современной России. В данной статье сделана попытка представить проблему на основе, прежде всего, документов фонда Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)¹, а также фонда «Референтура по Германии» в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР № 30-12с от 6 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатриированных и советских граждан» при Военном совете фронтов, а потом и армий были созданы Отделы репатриации. Неожиданно большой объем работы, связанный сначала, прежде всего, с освобождением узников нацистских концентрационных лагерей, а также работников принудительного труда – советских военнопленных и «восточных рабочих», привел к появлению директивы Генерального штаба Красной армии № ОРГ / 6/9123 от 7 июня 1945 и формированию Управления по репатриации при военном совете Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ)².

Параллельно приказом Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ) № 05 от 10 июня 1945 г. был сформирован Отдел репатриации, занимавшийся среди прочего перезахоронением и установлением личности погибших в неволе

¹ ГАРФ. Ф. Р-7317. СВАГ. Оп. 20. Отдел (Управление) по репатриации и розыску граждан объединенных наций СВАГ.

² Этот процесс был начат генерал-майором (1943) Ф.П. Скрынником, завершил его генерал-майор (1943) С.Я. Вершинин. Управление действовало до мая 1947 г.

Федор Петрович Скрынник (1901–?), военный разведчик. В январе 1943 представлен к награде «за отличную организацию разведки за рубежом». Начальник 2-го управления ГРУ Красной армии (1943–1945). Представитель уполномоченного Совета народных комиссаров / Совета министров СССР по делам репатриации в английской зоне оккупации Германии (1945–1947). Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени (1939, 1943), орденом Отечественной войны I ст. (1944).

Сергей Яковлевич Вершинин (1896–1970), функционер органов государственной безопасности, в 1945–1947 гг. представитель уполномоченного СНК / Совета министров СССР по делам репатриации граждан СССР в Западной Германии, начальник Управления по делам репатриации военнопленных и граждан Объединенных наций ГСОВГ. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

советских граждан, оформлением и учетом их могил. Большое значение имела также фиксация злодеяний нацистов, совершенных над советскими гражданами – военнопленными и «восточными рабочими»³. Никто из сотрудников отдела не предполагал масштаба задач, с которыми им пришлось столкнуться при выполнении своих служебных обязанностей. Отдел находился в подчинении начальника штаба СВАГ и Уполномоченного СНК СССР [Захаров, Лавинская 2019].

Военное поражение Германии поставило перед союзниками по антигитлеровской коалиции проблему захоронения погибших в немецкой неволе соотечественников. Представители западных стран пошли по пути отправки на родину обнаруженных в Германии останков сограждан. Число советских военнопленных и «восточных рабочих», потерявших жизнь на чужбине, было слишком велико. Решение следовало найти на месте.

30 декабря 1945 г. Главначальствующий Г. Жуков издал приказ № 184, который обязывал президентов земель и провинций советской зоны оккупации произвести учет всех захоронений граждан Объединенных наций и привести в порядок все кладбища. Контроль возлагался на начальников управлений Советской военной администрации в провинциях и землях. Сведения о результатах учета должны были поступить для обобщения в Отдел репатриации СВАГ⁴. Эта схема, ориентированная на вертикаль советской военной и гражданской немецкой власти в Германии, оказалась, однако, неэффективной. Немцы не проявляли должной заинтересованности, а масштаб задач, стоявших перед СВАГ в советской оккупационной зоне, исключал выполнение данного приказа.

В марте 1946 г. проверка показала, что кладбища находятся в запустении. Военные коменданты городов и округов советской оккупационной зоны не имели на местах точного учета захоронений советских граждан. Для устранения недостатков уже 18 марта 1946 г. был издан новый приказ Главначальствующего СВАГ № 89, в соответствии с которым все места захоронения граждан Объединенных наций, кроме воинских кладбищ, следовало привести в порядок и передать по актам немецким органам местного самоуправления. Захоронения, обнаруженные на территории пред-

³ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 1. Л. 14–38. Отдел действовал в составе штаба СВАГ, в нем работали 61 человек во главе с полковником А.С. Евсевым. Анатолий Степанович Евсеев (1906–?), военный разведчик.

⁴ В январе 1946 г. он был преобразован и получил название – Отдел репатриации и розыска граждан Объединенных наций.

приятый, передавались в их ведение⁵. За плохое состояние могил полную ответственность несли бургомистры и руководители предприятий. В соответствии с актами немецких органов самоуправления в 1946 г. на территории советской оккупационной зоны было учтено и приведено в порядок 1443 места захоронения 36 814 советских граждан⁶. Свою роль в этом сыграло и создание единого Управления по делам репатриации граждан СССР и иностранных граждан. Оно появилось в результате объединения управления репатриации ГСОВГ и отдела репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ на основании приказа Главного начальствующего № 0159 от 25.06.1946 г.

В процессе дальнейшей работы было установлено значительное количество небольших кладбищ по 10–16 могил и одиночные могилы советских граждан в усадьбах немцев, у проезжих дорог. Информировали советских офицеров немцы, на глазах которых происходили захоронения погибших советских граждан. Так, машинист Геснер сообщил о многочисленных могилах советских военнопленных вдоль автострады в Вайсенфельсе (Саксония-Ангальт). На основании его данных советские военные провели расследование. Были выявлены следующие факты.

В соответствии с циркулярным письмом Верховного главнокомандования вермахта от 22 декабря 1941 г. оплата труда советских военнопленных была снижена до 30 пфеннигов в день, при этом 10 пфеннигов удерживала фирма К. Калленбах, на которой они работали. Питание военнопленных практически не обеспечивалось. Первые умершие от истощения были похоронены на кладбище общины Цорбау, но после запрета бургомистра советских военнопленных стали хоронить вдоль автострады. Умершие закапывались голыми, в матрасном мешке. Захоронения осуществляли сами военнопленные под усиленной охраной. С ноября 1941 г. по апрель 1942 г. скончалось 57 человек. Общее число погибших и могил установить не удалось⁷.

⁵ 1 июня 1946 г. был составлен акт передачи девяти могил граждан Объединенных наций на территории завода «Лаугаммер» «в ведение и надзор среднегерманскому металлургическому заводу в лице представителя завода Мелих». С советской стороны документ был подписан представителем военной комендатуры г. Риза старшим лейтенантом Чубаровым. – См.: Акт от 1 июня 1946 г. // ГАРФ. Р-7317. Оп. 21. Д. 2. Л. 1.

⁶ Краткая история отдела репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ (июнь 1945–1948). Книга первая // ГАРФ. Оп. 20. Д. 1. Л. 45.

⁷ Акт 1941 г. 21 дня февраля месяца. Фирма Калленбах и смерть советских военнопленных в Вайсенфельсе. Автострада // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 149. Л. 355.

20 августа 1947 г. появился приказ Главного начальствующего Соколовского № 0289, в соответствии с которым начальники управлений СВА земель и военные комендантуры обязывались к 15 сентября 1947 г. вывезти все кладбища и отдельные могилы воинов Советской армии, а также граждан СССР и Объединенных наций на территории Восточной Германии. Останки воинов СА и советских граждан следовало перезахоронить на больших кладбищах. На каждом кладбище возводился общий обелиск с указанием всех имен захороненных. Кладбища обносились оградой, на могилах устанавливались надгробные памятники. Приказ был выполнен. На территории Восточной Германии было обнаружено 89 320 могил, в том числе и массовые захоронения советских военнопленных⁸.

Советские военные работали на территории всех оккупационных зон. В соответствии с договоренностями, достигнутыми с союзниками в Потсдаме, уже летом 1945 г. в западные зоны оккупации были направлены советские группы по репатриации или советские военные миссии.

Безусловно, самым серьезным было положение дел в английской оккупационной зоне. Здесь располагались известные нацистские лагеря для советских военнопленных: Берген-Бельзен (1941–1943), шталаг Х1D (321) Эрбке, Витцендорф. После капитуляции нацистской Германии достоянием гласности стали массовые захоронения советских военнопленных: на кладбище в Эрбке – от 11 900 до 14 000 человек, точное число неизвестно, в Витцендорфе – 16 000 человек, в Берген-Бельзене – около 20 000 человек [Петри, Келлер 2017]. Следует отметить, что дожившие до освобождения советские граждане иногда сразу же приступали к оборудованию мест захоронения своих товарищей. Так уже 2 мая 1945 г. в Штуттенброке, в английской оккупационной зоне, появился первый памятник погибшим в неволе 65 000 советских военнопленных.

Ситуацию в английской оккупационной зоне хорошо иллюстрируют докладные записки работавших там офицеров советской военной миссии по делам репатриации. Действовавший при 30 Британском корпусе старший офицер подполковник П.Г. Южно докладывал генерал-майору Ф.П. Скрыннику 1 мая 1946 г.:

...по имеющимся у меня данным погибших советских граждан в фашистской неволе на территории, контролируемой 30 Британским корпусом, 236 537 человек. Погибли советские граждане в основном от голода, эпидемических заболеваний, истощения и непосильного труда, а также значительная часть погибла в фашистских застенках, а часть

⁸ Краткая история отдела репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ (июнь 1945–1948). Книга первая // Там же. Д. 1. Л. 47.

уничтожена в камерах пыток. Все эти погибшие люди были похоронены в отведенных на то спецместах, в больших специально вырытых ямах, в которые вмещалось 100 человек, и по мере ее заполнения забрасывались землей и разравнивались под существующий рельеф местности... Таких кладбищ массового погребения советских граждан нами обнаружено в количестве 29, где похоронено 233 574 человек, остальные похоронены на немецких кладбищах в отведенных специально глухих уголках вдали от немецких могил⁹.

Старший офицер советской военной миссии по делам репатриации при 1-м Британском корпусе¹⁰ подполковник Л.П. Пуртов сообщил о погибших 137 266 человек, отмечая при этом:

Цифра преуменьшена, противоречит показаниям бывших советских военнопленных. Через Шталаг 326 (Липпштадт) прошли все советские военнопленные, привезенные в Западную Германию, в ее промышленные районы. Всего на территории 1-го Британского корпуса по нашим предположениям погибло до 400 тыс. человек¹¹.

Советские военные обнаружили 481 кладбище, из них 83, с числом от одного до 65 тыс. погибших советских работников принудительного труда, находились в плохом состоянии¹².

Начало холодной войны привело к изменению положения советских военных миссий в западных зонах оккупации. Генерал-майор Ф.П. Скрынник докладывал начальнику Управления по репатриации ГСОВГ генерал-майору С.Я. Вершинину 5 мая 1946 г.:

Если по приезде моей группы в английскую зону были все условия, за исключением денежных средств, для работы по благоустройству кладбищ... то теперь этих условий нет. <...> Британское командование запретило обращаться моим офицерам по каким-либо вопросам

⁹ Докладная записка П.Г. Южно генерал-майору Ф.П. Скрыннику. 1 мая 1946 г. Люнебург // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 21. Д. 2. Л. 139–140. 30-й Британский корпус контролировал северную часть Западной Германии.

¹⁰ 1-й Британский корпус контролировал территорию Рейнской провинции и провинции Вестфалия. 21 июня 1946 г. в Лондоне было принято решение о создании в пределах британской зоны оккупации административного образования – земли Северный Рейн-Вестфалия, в которую вошла территория бывшей провинции Вестфалия и северная часть Рейнской провинции.

¹¹ Докладная записка старшего офицера Советской военной миссии по делам репатриации при 1-м Британском корпусе подполковника Л.П. Пуртова генерал-майору Ф.П. Скрыннику. 1 мая 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 21. Д. 2. Л. 144.

¹² Там же. Л. 144–145.

к бургомистрам. Более того, на неоднократные просьбы моих офицеров разрешить заниматься благоустройством кладбищ за свои средства британское командование отвечает отказом¹³.

При этом работы по увековечению памяти погибших было чрезвычайно много. В том же письме Ф.П. Скрынник сообщал:

...вопросами благоустройства кладбищ, где похоронены советские граждане, погибшие в фашистской неволе, я и мои офицеры начали вплотную заниматься лишь с февраля этого года, то есть с того времени, когда были ассигнованы средства для этой цели¹⁴.

В качестве примера он описывал деятельность подполковника Южно, задержавшего 60 советских граждан, подлежащих репатриации, чтобы с их помощью привести в порядок 22 кладбища массового погребения на территории 30 Британского корпуса. При этом на 1 мая 1946 г. удалось воздвигнуть лишь 75 памятников, на большинстве могил оставались простые деревянные кресты, поставленные в свое время товарищами погибших или же бургомистрами. В то же время советские военные продолжали находить неблагоустроенные массовые могилы-траншеи. Одна из них была обнаружена вблизи города Арнольдсвайлера (Северный Рейн-Вестфалия), в ней оказались погребены около 3 500 советских граждан¹⁵.

Эскалация холодной войны исключила перспективу улучшения условий работы советских военных миссий в западных оккупационных зонах. Более того, в связи с выполненной задачей по репатриации основной массы советских граждан и в соответствии с приказом Главноначальствующего № 0169 от 5 июня 1947 г. Управление репатриации было преобразовано в Отдел репатриации. Все это способствовало формализации деятельности оставшихся сотрудников¹⁶ и увеличению количества безымянных могил погибших в нацистской Германии советских граждан.

¹³ Начальник группы Уполномоченного Совета министров СССР по репатриации советских граждан из Западной Германии (английская зона) Скрынник начальнику управления по репатриации ГСОВГ генерал-майору тов. Вершинину. 5.05.1946 // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 21. Д. 2. Л. 164–166.

¹⁴ В финансовом отношении советские военные миссии зависели от Управления Уполномоченного Совета народных комиссаров по делам репатриации.

¹⁵ Начальник группы Уполномоченного Совета министров СССР по репатриации советских граждан из Западной Германии (английская зона) Скрынник начальнику управления по репатриации ГСОВГ генерал-майору тов. Вершинину. 5.05.1946 // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 21. Д. 2. Л. 164–166.

¹⁶ В отделе работали 25 штатных сотрудников.

В соответствии с договоренностями уход за кладбищами и отдельными могилами советских работников принудительного труда постепенно становился исключительно делом немцев. Со временем часть захоронений неизбежно оказалась заброшена, тем более что до 1965 г. потерявшие жизнь в результате преступлений нацизма или в связи с косвенными последствиями войны не входили в Германии в компетенцию федерации. Известны случаи, когда советские дипломаты были вынуждены вмешиваться в ситуацию, защищая, по сути, право погибших в неволе соотечественников на память.

В 1965 г. в результате усилий Объединения преследовавшихся при нацизме лиц, поддержанного в начале 1960-х гг. Народным союзом по уходу за военными могилами, были внесены изменения в Закон ФРГ о погребениях. Раньше понятие «могилы военных или военные могилы» касалось только погибших в ходе военных действий, в плену и лазарете. В Закон о погребениях 1965 г. была включена собирательная категория «жертв войны и тирании», подразумевавшая и захоронения советских жертв нацизма – военнопленных и «восточных рабочих». Принятие закона повысило статус этих захоронений, поставив их под защиту государства ФРГ¹⁷.

В СССР усилия советских военных по увековечению памяти погибших в нацистской Германии сограждан не получили широкой известности. Законы военного времени не были отменены, вернувшиеся на родину советские военнопленные считались предателями, а «восточные рабочие» пособниками врага. Репатрианты оказались вынуждены скрывать свой опыт жизни в неволе и трагедию погибших на чужбине соотечественников [Ерин 2005; Полян 2002]. Вопрос о количестве похороненных в Германии советских работников принудительного труда поставлен не был.

После крушения СССР и открытия границ стало возможно посещение родственниками из России могил погибших в годы войны в Германии. Многие начали поиск пропавших без вести близких. Большое значение имел при этом процесс реабилитации многочисленных групп советских жертв войны, начатый президентом Российской Федерации Борисом Ельциным¹⁸. Но понадобилось вре-

¹⁷ Закон о погребениях 1965 г. см.: URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#_bgbl_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl165s0589.pdf%27%5D__1630959990626 (дата обращения 1 сентября 2021).

¹⁸ Указ № 63 от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» см.: URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7453> (дата обращения 1 сентября 2021).

мя, прежде чем россияне сумели преодолеть советскую традицию и заговорить о замалчивавшейся ранее теме.

Первые памятники и мемориальные доски были установлены советским военнопленным, погибшим на территории СССР, оккупированной нацистской Германией и ее сателлитами. Большую роль в этом процессе сыграло Поисковое движение России¹⁹. Например, в Воронежской области с 2010 г. действует поддерживаемая органами местной власти программа выявления судеб военнопленных – узников более 50 нацистских лагерей. Состоялись перезахоронения с отдаванием воинских почестей погибшим [Попова, Стрелкин 2020]. Прерванное забвение трагедии плена дает надежду ныне живущим и ставит перед ними новые вопросы: к таковым относится и расширение сегмента погибших в нацистской Германии советских граждан в культуре памяти современной России. Состоявшаяся коммеморация погибших на чужбине советских военнопленных и «восточных рабочих» стала бы своего рода их возвращением на родину.

Литература

- Захаров, Лавинская 2019 – *Захаров В.В., Лавинская О.В.* Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: Сборник документов в 2 т. Т. 1. М.: Полит. энциклопедия, 2019. 877 с.
- Ерин 2005 – *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945: проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.
- Петри, Келлер 2017 – *Петри З., Келлер Р.* «Спите, дорогие товарищи...»: Кладбище лагеря военнопленных Берген-Бельзен. История и культура исторической памяти. Wallstein Verlag, 2017. 92 с.
- Полян 2002 – *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 895 с.
- Попова, Стрелкин 2020 – *Попова Е., Стрелкин В.* «Берлинка» – дорога на крови. Воронеж, 2020. 126 с.

¹⁹ См. подробнее: Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». URL: <http://rf-poisk.ru/page/230/> (дата обращения 1 сентября 2021).

References

- Erin, M.E. (2005), *Sovetskie voennoplennyye v natsistskoi Germanii 1941–1945: problemy issledovaniya* [Soviet prisoners of war in Nazi Germany in 1941–1945: problems of research], YarGU, Yaroslavl, Russia.
- Petri, S. and Keller, R. (2017), “*Spite, dorogie tovarishchi...*” *Kladbishche lagerya voennoplennykh Bergen-Belsen. Istoriya i kultura istoricheskoi pamyati* [“Sleep, dear comrades...” The cemetery of the Bergen-Belsen prisoner of war camp. History and culture of historical memory], Wallstein Verlag, Germany.
- Polyan, P.M. (2002), *Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizhenie i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbaiterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of two dictatorships: Life, labour, humiliation and death of Soviet prisoners of war and “Ostarbeiters” in a foreign land and at home], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Popova, E. and Strelkin, V. (2020), “*Berlinka*” – *doroga na krovi* [“Berlinka” – the road on blood], Voronezh, Russia.
- Zakharov, V.V. and Lavinskaya, O.V. (2019), *Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoi territorii Germanii, 1944–1952: sbornik dokumentov v 2 t.* [The repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany, 1944–1952: a collection of documents in 2 volumes], Politicheskaya Entsiklopediya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья П. Тимофеева, кандидат исторических наук, доцент, Воронежский институт высоких технологий, Воронеж, Россия; 394042, Россия, Воронеж, ул. Ленина, д. 73 А; timnp@mail.ru

Information about the author

Natal'ya P. Timofeeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Voronezh Institute of High Technologies, Voronezh, Russia; bld. 73A, Lenin Street, Voronezh, Russia, 394042; timnp@mail.ru

Работы П. Сорокина периода
Второй мировой войны:
опыт современного прочтения
в России и США

Марина Б. Буланова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа опыта современного прочтения в России и США работ выдающегося социолога П.А. Сорокина, написанных им в период Второй мировой войны. П.А. Сорокин, известный русско-американский социолог, всегда привлекал внимание научной общественности неординарными работами, открывавшими новые пути развития для социальных наук. Одна из интересующих ученого проблем была связана с выявлением природы и сущности войн. Социолог обосновал взаимосвязь войны и последующей милитаризации общества; привел факт истощения «биологического фонда» нации как результата войны; на конкретном материале продемонстрировал взаимосвязь войн и революций. Отстаивая социологический подход, ученый предложил соотнести конкретное событие с анализом феномена войны в целом. В книге «Кризис нашего времени» (1941) П. Сорокин показал, что причину Второй мировой войны нужно искать не в особенностях тоталитарных лидеров, но в дезорганизации и ценностной дезориентации как международных, так и внутренних отношений государств после войны предыдущей. В книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944) П. Сорокин обосновал идею тесного сотрудничества военных союзников как необходимого условия сохранения длительного поствоенного мира. Все книги П. Сорокина вызывали и до сих пор вызывают неоднозначную реакцию в американском социологическом сообществе: от полного принятия до отторжения его «маргинальных мыслей». Отечественный дискурс выстроен на идее сохранения его наследия (российского и американского), глубоко изучении и популяризации его социологической концепции.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, Вторая мировая война, Россия, США

Для цитирования: Буланова М.Б. Работы П. Сорокина периода Второй мировой войны: опыт современного прочтения в России и США // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 119–131. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-119-131

P. Sorokin's works during the Second World War:
the experience of modern reading in Russia
and the United States

Marina B. Bulanova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, marina_bulanova@inbox.ru

Abstract. The article attempts to analyze the experience of the present-day perusal in Russia and the United States of the works of outstanding sociologist P.A. Sorokin, written by him during the Second World War. P.A. Sorokin, a well-known Russian-American sociologist, has always attracted the attention of the scientific community with his extraordinary works that have opened new ways of development for social sciences. One of the issues of interest to the scientist was associated with the identification of the nature and essence of wars. The sociologist substantiated the relationship between the war and the subsequent militarization of society; viewed the fact of depletion of the nation's "biological fund" as a result of the war; using concrete material, he demonstrated the relationship between wars and revolutions. Defending a sociological approach, the scientist suggested that a specific event should be correlated with the analysis of the war phenomenon as a whole. In his book "The Crisis of Our Time" (1941), P. Sorokin showed that the cause of World War II should be sought not in the peculiarities of totalitarian leaders, but in the disorganization and value disorientation of both international and internal relations of states after the previous war. In the book "Russia and the United States" (1944), P. Sorokin substantiated the idea of close cooperation between military allies as a necessary condition for maintaining a long post-war peace. All of Sorokin's books have caused and still cause an ambiguous reaction in the American sociological community: from full acceptance to the rejection of his "marginal thoughts". Our domestic discourse is built on the idea of preserving Sorokin's heritage (Russian and American), deep study and popularization of his sociological concept.

Keywords: P.A. Sorokin, World War II, Russia, USA

For citation: Bulanova, M.B. (2021), "P. Sorokin's works during the Second World War: the experience of modern reading in Russia and the United States", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 119-131, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-119-131

Введение

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), известный русско-американский социолог, вынужденно эмигрировавший из России в 1922 г., большую часть своей жизни провел в США (с 1924 по 1968 г.). В Америке успехи в профессиональных сферах его деятельности (науке и образовании) были более чем впечатляющие. Он организовал и более 10 лет (с 1831 по 1942 г.) руководил депар-

таментом социологии Гарвардского университета, подготовил целую плеяду специалистов в области социальных наук (среди них – О. Дункан, Ч. Лумис, Р. Мертон, У. Мур, А. Роуз, Э. Тириакийян и др.). Научное наследие его огромно и до сих пор не до конца освоено. Современников Сорокин потрясал своей работоспособностью и страстью к социологии, которую понимал как интегральную науку современности. По словам Р. Мертона, его учитель отличался «научным нетерпением», стремясь охватить все главные проблемы общества, и острым «научным критицизмом», необходимым ему для того, чтобы открывать новые подходы к изучению истории человечества. Вместе с тем это порой мешало его признанию в академическом сообществе. Так, при обсуждении книг Сорокина рецензенты отмечали как его излишнюю эмоциональность [Grierson 1925], так и категоричность выводов [Reuter 1928]. Несмотря на это, за выдающиеся заслуги в социологии в 1965 г., незадолго до своей смерти, он был избран на почетную должность президента Американской социологической ассоциации (АСА).

Судьба, профессиональная карьера, идеи и концепции, да и сама личность П.А. Сорокина неоднозначно оценивались в американском научном сообществе еще при его жизни. В книге Барри Джонстона «Интеллектуальная биография П.А. Сорокина» приводится эпизод борьбы учеников и соратников ученого за включение его имени в списки для избрания на должность президента АСА [Jonston 1995, p. 252–253]. Не поддержал избрание Сорокина, заняв нейтральную позицию, его ближайший коллега по Гарварду Т. Парсонс, который к тому времени, заняв кресло декана департамента социологии, превратился в официального оппонента его взглядов. Роберт Фарис из Вашингтонского университета, отметив, что несдержанность в критике и категоричность в суждениях могут помешать известному ученому в руководстве ассоциацией, эмоционально заявил, что избрать Сорокина президентом – это «все равно что наградить бунтующего подростка возможностью покататься на мощной машине в выходные» [Питирим 2009, с. 172–173]. Во многом решению вопроса в пользу Сорокина помогла публикация сборника «Питирим Сорокин в обзоре» [Allen 1963], авторы которого – известные ученые с мировым именем (например, А. Тойнби) – с объективной позиции оценили творческое наследие ученого. И в настоящее время среди остающихся скептиков находятся исследователи, которых привлекает феномен социолога, объяснившего и предсказавшего основные тенденции развития современного мира. Среди них можно назвать: Винсента Джеффриса [Jeffries 2005], Палмера Талботта [Talbutt 1998]. Кроме того, следует отметить, что Сергей Питиримович Сорокин в память об отце в

2011 г. создал Фонд Питирима Сорокина, бережно храня коллекцию, которая насчитывает 7 тысяч единиц материалов.

В российской социологии начало современных научных исследований творчества П. Сорокина относится к периоду 1980–1990-х гг. Первые переводы и издания на русском языке американских работ ученого были сделаны С.А. Сидоренко и А.Ю. Согомоновым [Сорокин 1992b], П.П. Кротовым и А.В. Липским [Сорокин 1992a]. В настоящее время круг исследователей творчества П.А. Сорокина значительно расширился. Среди них можно назвать труды Ю.В. Дойкова [Дойков 2008; Дойков 2009], Н.Ф. Зюзева [Зюзев 2019], М.В. Ломоносовой [Ломоносова, Быков 2018]. В отличие от «американских горок» (Зюзев) в восприятии и признании П.А. Сорокина как ученого, российский дискурс выстроен на идее сохранения его наследия (российского и американского), глубоком изучении социологической концепции, популяризации его идей. Большую работу в этом направлении проводит Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина (Сыктывкар).

Начало изучения П. Сорокиным темы войны

Важно подчеркнуть, что исследование войны П. Сорокин начал еще в России, анализируя итоги Первой мировой войны. Причудливое сочетание в исследователе рационального и эмоционального начал, а также личная включенность в переживаемые российским обществом последствия военных действий позволили ему перейти от прямо мифического восприятия войны как чудовища, которое порождается высвобождением разрушительных сил в человеке, выходит из-под контроля своего создателя, полностью его поработает, а потом уничтожает, к рациональному осознанию причин, почему же война изменяет обычное поведение людей.

Для понимания эволюции представлений Питирима Сорокина о природе и последствиях войн большое значение имеет статья «Война и милитаризация общества» (1922). Сохраняющаяся после войны милитаризация общества вызвана, по его мнению, несколькими причинами. Во-первых, действием фактора инерционности (война показывает и доказывает эффективность действия централизации и всеобщего регулирования жизни общества и человека). Во-вторых, изменениями в личности, которые ее разрушают:

Вместо уважения к личности, она [война] проповедует и требует убийства, вместо уважения чужих прав – полного нарушения их, вместо любви – прививает злобу, вместо мирного труда – требует разрушения [Сорокин 1994, с. 358].

В-третьих, уничтожением в ходе военных действий лучших представителей нации:

...в войнах гибнут прежде всего самые здоровые и самые трудоспособные возрастные группы... влияние войны на качественный состав населения служит также причиной, благоприятствующей росту милитаризации общества [Сорокин 1994, с. 359].

Находясь под влиянием теории бихевиоризма, Сорокин акцентирует внимание не столько на «одичании и озверении» людей, сколько на факте истощения «биологического фонда» нации.

Еще одна работа, написанная в США и имеющая большое значение в раскрытии темы войны, это – «Социология революции» (1925). На конкретном фактологическом материале социолог показал, что феномены войны и революции тесно взаимосвязаны между собой: войны либо предшествуют, либо являются последствиями революций. Причем эта взаимосвязь подтверждается историческими и современными примерами не только в России, но и в других обществах [Сорокин 2015].

Следующий шаг в изучении войн был сделан Сорокиным во время работы над крупным гарвардским проектом исследования мировой истории – «Социальная и культурная динамика». Результаты исследования были изложены в четырех томах с одноименным названием, причем последний том вышел незадолго до 1 сентября 1939 г. В числе прочего, автор собрал и интерпретировал огромный статистический материал по 967 войнам и 1629 внутренним смутам за период с XII в. по 1925 г. в Европе в целом и по отдельным странам. Это помогло ему уточнить сформировавшийся социологический подход к пониманию сущности и причин войн.

Вопреки устоявшемуся в научном мире подходу, ученый рассмотрел феномен войны, не останавливаясь на подробном анализе военных событий. Сорокин отталкивается от утверждения, что

...внешние и внутренние беспорядки – революции и войны – являются не чем иным, как логическими и фактологическими последствиями наступившей дезинтеграции устоявшейся системы отношений [Сорокин 2000, с. 620].

Поэтому для анализа войн в качестве основных критериев он выдвигает общие показатели:

Наше исследование имеет дело только с тремя количественными характеристиками войны: численностью армии, числом потерь (убитых и раненых) и продолжительностью военных действий [Сорокин 2000, с. 624].

Так автор получил возможность оценить войны в истории человечества объективно, используя одинаковый инструментарий исследования.

Сорокин решал задачу выявления общих закономерностей, которыми подчиняются войны, и пришел к неожиданному результату:

...войны случаются в периоды как процветания, так и депрессии; и при авторитарическом и при демократическом режимах; в странах со всеобщей грамотностью и с преобладающей безграмотностью; в аграрных и индустриальных обществах; у «либеральных» и «консервативных» народов; среди представителей разных рас и национальностей; и в сравнительно простой, и в сложной международной обстановке; в обществах с разными религиями, разной плотностью населения и т. д. и т. п. [Сорокин 2000, с. 656–657].

Американское профессиональное сообщество отметило удачные фрагменты предпринятого исследования, не оценив предложенную автором новую методологию исследования. Он же пытался предостеречь коллег от ошибки интерпретации – попытке отделить конкретное явление от общего социального контекста. Вместе с тем вышедшее позднее издание труда К. Райта «Исследование войны» [Wright 1942] в целом согласовывалось с представленными Сорокиным показателями и выводами.

Итак, П. Сорокин в «Социальной и культурной динамике» доказал, что «нарушение существующего межгосударственного равновесия является абсолютно необходимым условием возможности любой войны» [Сорокин 2000, с. 657]. По его мнению, такая закономерность действует вне зависимости от конкретного содержания и оценки данных взаимоотношений между государствами.

На возникновение войн влияет состояние системы социокультурных ценностей (равновесие или аномия). В состоянии внутреннего конфликта ценностей, спровоцированного либо внутренними (социальный кризис), либо внешними (угроза вторжения) факторами, достигнутое в предыдущие периоды равновесие нарушается, а наступившая аномия многократно повышает угрозу военных конфликтов.

Еще один вопрос, который волновал человечество, был сформулирован самим Сорокиным так: «Наступит ли счастливый конец трагедии войны или она будет продолжаться в человеческой истории?» И ответ дал неожиданный:

Может быть, как это уже неоднократно случалось прежде, после необычайно кровопролитной мировой войны относительно долгий мир благословит наше поколение. А может быть, скоро снова вспыхнет большой пожар. Но на что бы мы не надеялись, ни война, ни мир, похоже, не могут быть вечными [Сорокин 2000, с. 652].

Он, как всегда, оказался прав. Новый виток войны наступил почти сразу после опубликования этого прогноза.

Работы Сорокина периода Второй мировой войны

Своей новой социологической методологией понимания природы, причин и сущности войн ученому пришлось воспользоваться довольно скоро – в связи с началом Второй мировой войны. В 1941 г. выходит книга П. Сорокина «Кризис нашего времени», появление которой сам автор объяснил тем, что «наступил конец удаче, исчезли счастье и благополучие миллионов» [Сорокин 1992b, с. 428], а также попыткой донести до широкого круга читателей идеи, высказанные им ранее в «Социальной и культурной динамике». Если следовать новой методологии, предпосылку Второй мировой войны нужно искать в дезорганизации как международных, так и внутренних отношений государств после войны предыдущей. С одной стороны, это нарушение норм международного права:

Годы от 1914 г. до наших дней представляли собой непрерывный ряд нарушений обязательств, торжественно принятых правительствами. Едва ли можно назвать хотя бы один международный договор, заключенный после 1914 г., который не был нарушен или сознательно превращен в клочок бумаги одной или всеми подписавшими его сторонами... В результате мы оказались очевидцами войн, внезапно начатых без предварительного их объявления, вторжений и масштабных разрушений без малейшего повода со стороны ее жертв [Сорокин 2018, с. 139].

С другой стороны, внутренний конфликт социальных и культурных ценностей, порождающий небывалую по интенсивности и разнообразию форм борьбу, проявляющуюся «в росте преступности и жесткости наказаний и особенно во вспышке бунтов, восстаний и революций» [Сорокин 2018, с. 142]. Эмоциональному порыву многих исследователей, обвинявших в развязывании Второй мировой войны лидеров тоталитарных государств, ученый противопоставил логику понимания социальных процессов. Тоталитаризм – производная форма смены ценностей, стремление преодолеть наметившийся разрыв старого и нового. Поэтому при всем сходстве формы ценностное содержание сталинского и гитлеровского режимов было различным. Конфликт ценностей при сохраняющейся милитаризации общества привел человечество к

такому социальному бедствию, как война. Вывод Сорокина был однозначен: трагедия новой войны не возникла «по причуде или по указке “безнравственных людей”, будь то ленины, сталины, муссолини или гитлеры» [Сорокин 2018, с 146]. Напротив, все подобные вожди являются «продуктом и инструментом» политической и социально-культурной дезинтеграции общества.

Выход работы П. Сорокина «Кризис нашего времени» вызвал дискуссию в американском обществе. П.П. Кротову и А.Ю. Долгову удалось собрать отзывы, поступившие на эту книгу от самых разных групп населения. В научных кругах мнения были противоположными. Так, если Г. Барнс, усомнившись в научности методов Сорокина, определил его «возможно, величайшим мастером литературы в современной социологии», то Н.С. Тимашев заметил главное:

По мнению Сорокина, не войны создали кризис, а кризис вызвал войны; не Ленин, Сталин, Муссолини или Гитлер вызвали кризис, а кризис дал им возможность подняться зловещим созвездием над горизонтом современности [Кротов, Долгов 2011, с. 44].

Мнения американской общественности были более однозначны. По мнению президента “International Peace Garden, Inc.” У. Смарта, «эту книгу должен прочитать каждый американец». В письме немецкого художника-авангардиста Йоханнеса Мольцана отмечалось, что более захватывающего произведения он не читал с 1938 г., когда только приехал в Соединенные Штаты. Он отметил гражданскую смелость ученого, вышедшего к публике с жизненно важной истиной о том, как много современному человеку нужно изменить в себе, чтобы не допустить войн [Кротов, Долгов 2011, с. 46]. Сорокину писали и простые, незнакомые ему люди. Потрясает письмо рядового Армии США Алекса Ковантеса, который попросил социолога выслать свою фотокарточку для коллекции знаменитых людей [Кротов, Долгов 2011, с. 49].

Однако даже то, что «Кризис нашего времени» стал широко известен за пределами США, не повлияло на американское научное сообщество, проявившее настороженность и скептицизм в отношении автора, упрекавшего не согласных с ним коллег в пробелах по части теории и практики социологического мышления.

Обладая уникальным даром социологического прогноза, Сорокин в начале Второй мировой войны говорил о ключевом значении России в развернувшихся событиях, однако его призыв поддержать Советский Союз не был воспринят. Даже правящие круги США были осторожны в оценке действий на Восточном фронте: развер-

нувшиеся военные действия поначалу были восприняты как выяснение отношений между тиранами, в которые вмешиваться было невыгодно и опасно. Однако все изменилось в один день – 7 декабря 1941 г., когда мировая война стала реальной и для американцев. К прогнозам социолога стали относиться серьезно. Поэтому неудивительно, что в то время, когда война еще продолжалась, П. Сорокин написал книгу «Россия и Соединенные Штаты» (1944), в которой выступил с идеей тесного сотрудничества военных союзников как необходимого условия сохранения поствоенного мира:

В интересах обеих стран и человечества в целом самое искреннее их сотрудничество не только возможно и желательно, но и необходимо [Сорокин 2018, с. 252].

Как считал сам автор, поводом для написания книги послужила тревога за будущее устройство мира, в котором Соединенные Штаты не видели Россию равноправным партнером. Сорокин был убежден:

Без сотрудничества этих двух стран сколько-нибудь продолжительный мир невозможен. Если после этой страшной войны установится новый, более справедливый социальный порядок, то Соединенные Штаты и Россия неизбежно будут играть главную роль в деле восстановления [Сорокин 2018, с. 252].

П. Сорокин адресовал свою книгу как руководящим кругам возникших супердержав (и действительно отправил ее американскому и советскому руководству), так и обычным американцам, имеющим о России сравнительно мало информации, чтобы понимать необходимость установления с ней прочного дружественного союза.

Вместе с тем сохранение будущего мира «стало возможным благодаря ментальному, культурному и социальному сходству двух народов» [Сорокин 2018, 256], а также тому, что в истории их отношений не было серьезных конфликтов. Именно эти обстоятельства и сходства двух стран политики могут взять за основу в решении вопроса о послевоенном устройстве мира. Конечно, Сорокин понимал неизбежность политических разногласий и даже возможность «холодной войны», но, главное для него было защитить мир от «горячей войны». Угроза реально существует, если у правителей есть своекорыстные цели переделки мира под свои интересы. Такое стремление после Первой мировой войны привело к тому, что Версальский мир лишь приблизил новую катастрофу. Для того чтобы не повторять ошибки прошлого, следует утвердить среди правящих элит единое мировоззрение и мораль-

ные принципы, достаточные для формирования нового мирового порядка в интересах всех.

От того, насколько прочными будут отношения между Россией и Соединенными Штатами, считал ученый, настолько продолжительным будет мир без войны. В десятой главе, добавленной при переиздании книги в 1950 г., когда холодная война между сверхдержавами стала очевидной (сбылось очередное пророчество!), Сорокин еще раз применил социологический подход:

...если бы вместо России второй державой стала Франция или Великобритания, Италия или Турция, то и конфликт развернулся бы между Соединенными Штатами и одной из этих стран [Сорокин 2018, с. 408].

Цель, которую поставил перед собой автор – способствовать «лучшему взаимопониманию двух великих народов» остается, к сожалению, недостижимой через 77 лет после выхода книги. Как актуально сегодня звучат его слова:

Только политика братства по оружию между Востоком и Западом во имя подлинно святой войны против вечных и общих врагов человечества – смерти, разрушения, болезней, нищеты, безумия... только такое сотрудничество способно победить болезнь, от которой страдает человечество [Сорокин 2018, с. 245].

Заключение

До сих пор книги П.А. Сорокина вызывают неоднозначное мнение в американском академическом дискурсе. Попытался выявить причину такого отношения профессор университета Западной Виргинии Льюис Николс, заявив, что американские социологи были склонны считать Сорокина (особенно с 1937 г.) маргинальной фигурой, а его работы рассматривать как отклонение от общепринятой практики социальных наук. По мнению Николса, П. Сорокин, несмотря на его ассимиляцию в Америке, так и остался русским интеллектуалом на всю жизнь [Nichols 2012]. Профессор Кембриджского университета Самуэль Олинер вспоминает, что 20 лет назад, когда он учился в университете, профессора социологии считали Сорокина устаревшим и неуместным, не заслуживающим серьезного внимания, что по прошествии многих лет и знакомства с его творчеством до сих пор возмущает автора [Oliner 1976]. Однако работы Сорокина по-прежнему привлекают внимание простых американцев, которые отмечают

их актуальность, пронизательность, откровенность, уместность выводов и даже какое-то волшебство.

Итак, творчество П. Сорокина до сих пор недооценено и в России, и в США. В этом, как ни парадоксально, тоже проявляется единство двух стран, способных, по мнению великого социолога, спасти человечество от грядущих войн и социальных катастроф.

Литература

- Дойков 2008 – *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин: человек вне сезона. Биография: В 2 т. Т. 1: 1889–1922. Архангельск, 2008. 432 с.
- Дойков 2009 – *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин: человек вне сезона. Биография: В 2 т. Т. 2: 1922–1968. Архангельск, 2009. 488 с.
- Зюзев 2019 – *Зюзев Н.Ф.* Питирим Сорокин: учение и жизнь. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. 208 с.
- Крогов, Долгов 2011 – *Крогов П.П., Долгов А.Ю.* От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Сыктывкар: Вологда: Древности Севера, 2011. 400 с.
- Ломоносова, Быков 2018 – *Ломоносова М.В., Быков А.С.* Война сквозь призму научного наследия Питирима Сорокина // Наследие. 2018. № 2 (13). С. 57–70.
- Питирим Сорокин: избранная переписка 2009 – Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П.П. Крогова. Вологда: Древности Севера, 2009. 336 с.
- Сорокин 1992a – *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография / Пер. с англ. П.П. Крогова, А.В. Липского. М.: ТЕРРА, 1992. 315 с.
- Сорокин 1992b – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. С.А. Сидоренко, А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Сорокин 1994 – *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
- Сорокин 2000 – *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
- Сорокин 2015 – *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.
- Сорокин 2018 – *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / Сост., под. текста, вст. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.
- Allen 1963 – Pitirim Sorokin in Review / Ed by P.J. Allen. Durham, N.C.: Duke University Press. 1963. 548 p.
- Jeffries 2005 – *Jeffries V.* Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology // The American Sociologist. 2005. Vol. 36. No. ¾. P. 66–87.
- Jonston 1995 – *Jonston B.* Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence: University Press of Kansas, 1995. 380 p.
- Grierson 1925 – *Grierson J.* Review of «The Sociology of Revolution» // American Journal of Sociology. 1925. Vol. 31. No. 3. P. 399–400.

- Nichols 2012 – *Nichols L.T.* Sorokin as Lifelong Russian Intellectual: The Enactment of an Historically Rooted Sensibility // *American Sociologist*. 2012. Vol. 43. No. 4. P. 374–405.
- Oliner 1976 – *Oliner S.* Sorokin's Contribution to American Sociology // *Nationalities Papers*. 1976. Vol. 4. No. 2. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/sorokins-contribution-to-american-sociology/7E91012FC7FA5C6C110D57CBB09746AA> (дата обращения 11 августа 2021).
- Reuter 1928 – *Reuter E.B.* Review of «Contemporary Sociological Theories» // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 34. No. 2. P. 382–383.
- Talbutt 1998 – *Talbutt A.J.* Rough Dialectics: Sorokin's Philosophy of Value. Amsterdam, Atlanta, GA: Rodopi, 1998. 182 p.
- Wright 1942 – *Wright Q.* A Study of War. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1942. 678 p.

References

- Allen, P.J. (1963), *Pitirim Sorokin in Review*, Duke University Press, Durham, N.C., UK.
- Doikov, Yu.V. (2008), *Pitirim Sorokin: chelovek vne sezona, Biografiya* [Pitirim Sorokin: a man out of season. Biography], in 2 vols., vol. 1 (1889–1922), Arkhangelsk, Russia.
- Doikov, Yu.V. (2009), *Pitirim Sorokin: chelovek vne sezona. Biografiya* [Pitirim Sorokin: a man out of season. Biography], in 2 vols., vol. 2 (1922–1968), Arkhangelsk, Russia.
- Grierson, J. (1925), “Review of ‘The Sociology of Revolution’”, *American Journal of Sociology*, vol. 31, no. 3, pp. 399–400.
- Jeffries, V. (2005), “Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology”, *The American Sociologist*, vol. 36, no. 3/4, pp. 66–87.
- Jonston, B. (1995), *Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography*, University Press of Kansas, Lawrence, USA.
- Krotov, P.P. (ed.) (2009), *Pitirim Sorokin: izbrannaya perepiska* [Pitirim Sorokin: Selected Correspondence], Drevnosti Severa, Vologda, Russia.
- Krotov, P.P. and Dolgov, A.Yu. (2011), *Ot voiny k miru: u istokov teorii sozidatel'nogo al'truizma Pitirima Sorokina* [From war to peace: at the origins of Pitirim Sorokin's theory of creative altruism], Drevnosti Severa, Syktyvkar, Vologda, Russia.
- Lomonosova, M.V. and Bykov, A.S. (2018), *Voina skvoz' prizmu nauchnogo naslediya Pitirima Sorokina* [War through the prism of the scientific heritage of Pitirim Sorokin], *Nasledie*, vol. 13, no. 2, pp. 57–70.
- Ломоносова, Быков 2018 – *Ломоносова М.В., Быков А.С.* Война сквозь призму научного наследия Питирима Сорокина // *Наследие*. 2018. № 2 (13). С. 57–70.
- Nichols, L.T. (2012), “Sorokin as lifelong Russian intellectual: The enactment of historically rooted sensibility”, *American sociologist*, vol. 43, no. 4, pp. 374–405.
- Oliner, S. (1976), “Sorokin's Contribution to American Sociology”, *Nationalities Papers*, vol. 4, no. 2, available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/sorokins-contribution-to-american-sociology/7E91012FC7FA5C6C110D57CBB09746AA> (Accessed 11 August 2021).
- Reuter, E.B. (1928), “Review of ‘Contemporary Sociological Theories’”, *American Journal of Sociology*, vol. 34, no. 2, pp. 382–383.
- Sorokin, P.A. (1992a), *Dal'nnyaya doroga. Avtobiografiya*, [Long road. Autobiography], TERRA, Moscow, Russia.

- Sorokin, P.A. (1992b), *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], Politizdat, Moscow, Russia.
- Sorokin, P.A. (1994), *Obshchedostupnyy uchebnik po sotsiologii. Stat'i raznykh let*, [Publicly available textbook on sociology. Articles of different years], Nauka, Moscow, Russia.
- Sorokin, P.A. (2000), *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics], RKhGI, Saint Petersburg, Russia.
- Sorokin, P.A. (2015), *Listki iz russkogo dnevnika. Sotsiologiya revolyutsii* [Leaves from a Russian diary. Sociology of the Revolution], Anbur, Syktyvkar, Russia.
- Sorokin, P.A. (2018), *Krizis nashogo vremeni. Rossiya i Soedinennyye Shtaty* [The crisis of our time. Russia and the United States], Anbur, Syktyvkar, Russia.
- Talbutt, A.J. (1998), *Rough Dialectics: Sorokin's Philosophy of Value*, Rodopi, Amsterdam, Atlanta, GA.
- Wright, Q. (1942), *A Study of War*, vol. 1, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Zyuzev, N.F. (2019), *Pitirim Sorokin: uchenie i zhizn'* [Pitirim Sorokin: teaching and life], Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, Syktyvkar, Russia.

Информация об авторе

Марина Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina_bulanova@inbox.ru

Information about the author

Marina B. Bulanova, Dr. of Sci. (Sociology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; marina_bulanova@inbox.ru

Архивные уголовные дела как источник по истории сионистского движения в России в 1920-х гг.

Ирина Ю. Бережанская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, rina3000@rambler.ru*

Аннотация. До начала перестройки в нашей стране тема сионизма носила негативный характер. Лишь в 1990 – начале 2000-х гг. стали появляться работы, направленные на объективное изучение сионизма в целом и в России в частности. С целью объективного рассмотрения ряда аспектов деятельности сионистского движения в статье в качестве источника по его истории анализируются архивные уголовные дела, которые заводились советскими органами безопасности при арестах активистов течения. В большинстве случаев к этим материалам приобщались документы и архивы сионистских организаций и партий. Все они представляют собой уникальный исторический источник, доступ к которому был закрыт исследователям в течение долгого времени. Эти материалы позволяют проследить за работой сионистских течений в особо напряженные годы их существования, в период, когда органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ преследовали их вместе с другими контрреволюционными партиями. В качестве основных применялись исторический и сравнительно-исторический методы. Публикация, обнародование и анализ указанных документов позволят пополнить источниковую базу по истории социалистического сионизма в нашей стране, дать объективную оценку происходившим событиям, представить ранее неизвестные факты, что в настоящее время приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: архивные уголовные дела, сионистское движение, национальное самоопределение, Палестина, Эрец-Исраэль, органы безопасности

Для цитирования: Бережанская И.Ю. Архивные уголовные дела как источник по истории сионистского движения в России в 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 132–141. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-132-141

Archival criminal cases as a source on the history of the Zionist movement in Russia in the 1920s

Irina Yu. Berezhanskaya

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, rina3000@rambler.ru*

Abstract. Before Perestroika, the topic of Zionism in this country was negative. Only in the 1990s – early 2000s, there began to appear the works aimed at an objective study of Zionism in general, and in Russia, in particular. To objectively examine some aspects of the Zionist movement activities, the article analyzes archival criminal cases as a source on its history. Those cases were initiated by the Soviet security agencies when carrying out arrests of the movement activists. In most cases, the documents and archives of the Zionist organizations and parties were attached to these materials. All of them represent a unique historical source, access to which has been closed to researchers for a considerable time. These materials make it possible to trace the work of the Zionist movements during their particularly stressful years, when the Cheka–GPU–OGPU organs persecuted them alongside other counter-revolutionary parties. Historical and comparative historical methods were used as the main ones. These documents' publication, promulgation and analysis will make it possible to replenish the source base on the socialist Zionism history in this country, to give an objective assessment of the events that have taken place, to present the previously unknown facts – all of which are currently acquiring special relevance.

Keywords: archival criminal cases, Zionist movement, national self-determination, Palestine, Eretz Yisrael, security agencies

For citation: Berezhanskaya, I.Yu. (2021), “Archival criminal cases as a source on the history of the Zionist movement in Russia in the 1920s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 132-141, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-132-141

Введение

В конце XIX – начале XX в., в период зарождения и становления сионистского движения в России, этому вопросу было посвящено достаточно большое количество публикаций [Герцль 1914; Клаузер 1917]. Среди их авторов были и одни из первых видных активистов и идеологов движения: В. Жаботинский¹ и И. Трумпельдор²

¹ Жаботинский Владимир (Зеев) (1880–1940), лидер ревизионистского течения в сионизме.

² Трумпельдор Иосиф (1880–1920), основатель движения «Гехолуц» в России. С 1912 г. в Эрец-Исраэль.

[Жаботинский 1906; Трумпельдор 1918]. Кроме того, теме сионизма уделялось внимание в периодических изданиях [Локшин 2010].

После революции в октябре 1917 г. работа сионистских партий и организаций начала вызывать неодобрение новой власти и к концу 1920-х гг. движение в Советском Союзе было ликвидировано. Значительное число его участников выехали в Палестину. Воспоминания многих из них в 1930–1960-х гг. легли в основу публикаций, в которых лидеры той или иной сионистской организации описали собственный опыт, рассказав о преследованиях и гонениях со стороны советских властей [Маор 1977].

В нашей стране тема сионизма вновь зазвучала в изданиях 1970–1980-х гг. Сионисты обвинялись в расизме, национализме и антикоммунизме [Евсеев 1971; Дадиани 1986]. С распадом Советского Союза публикации подобного толка более не выходили в свет, а в 2008 г. одна из них – книга В.Н. Емельянова «Десионизация» – была внесена в Федеральный список экстремистских материалов.

В 1990 – начале 2000-х гг. стали появляться работы, направленные на объективное изучение сионизма в целом и в России в частности [Ермолаева 1993; Симонова 2002; Галили 2017]. Историки получили возможность обратиться к закрытым и недоступным до этого времени архивным документам: были рассекречены материалы из фондов Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (ОГА СБУ) и Центрального архива (ЦА) ФСБ России.

Начало публикации архивных материалов ЦА ФСБ России было положено в 2001 г. Тогда материалы ОГПУ стали основой многотомного сборника документов «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)». Информация о сионистских организациях представлена в 17 документах.

В них говорится и о деятельности сионистских организаций, и о мерах органов госбезопасности, принимаемых против них [Совершенно секретно 2002].

Одновременно и достоинством, и недостатком сведений в обзорах стала их краткость. С одной стороны, можно составить общее представление о ходе операций ГПУ–ОГПУ, с другой – факты изложены подчас без логической последовательности, как итог проделанной работы. И довольно сложно понять, что стоит за той или иной операцией, в чем именно заключалась активизация деятельности сионистов и т. д.

Уголовные дела из Центрального архива ФСБ России

Материалы архивных уголовных дел представляют собой один из уникальных источников по различным аспектам истории как нашей страны, так и зарубежья. Их публикация ведется с того момента, как после распада СССР стали открываться ведомственные архивы, а исследователи получили доступ к неизвестным ранее материалам. В архивных уголовных делах содержатся не только обычные для следствия документы: ордера на арест, протоколы допросов, постановления о мере пресечения, но и личные: письма, дневниковые записи, черновики рукописей, фотографии.

В архивных уголовных делах, связанных с сионистским движением в Советской России, хранятся материалы, конфискованные при обысках и арестах активистов. Их публикация позволяет пополнить источниковую базу по истории социалистического сионизма в нашей стране, дать объективную оценку происходившим событиям, представить ранее неизвестные факты, что в настоящее время приобретает особую актуальность.

Эти материалы позволяют проследить за работой сионистских течений в особо напряженные годы их существования, в период, когда органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ преследовали их так же, как и другие контрреволюционные партии.

Сионистская социалистическая партия (ЦСП)

Достаточно полно раскрывается история Сионистско-социалистической партии, которая появилась в результате раскола движения «Цеирей Цион»³ в мае 1920 г. на 3-й Всероссийской конференции. С момента создания партия действовала в подполье. Против нее была развернута кампания преследований.

ЦСП позиционировала себя продолжателем опыта старых еврейских социалистических партий и активно выступала за улучшение положения еврейского населения в СССР. Требования, предъявляемые партией для достижения этой цели, закреплены в «Основных положениях программы Сионистско-социалистической партии в СССР» от июля 1925 г., которые сохранились в одном из архивных уголовных дел ЦА ФСБ России. В документе, в

³ Группы «Цеирей Цион», чья идеология была близка к немарксистскому социалистическому сионизму, начали появляться с 1903 г. Первоначально они и «Поалей Цион» входили в единую структуру сионистского движения России.

частности, подчеркивается необходимость предоставить еврейской трудовой автономии право политического руководства еврейскими трудящимися в СССР, а также возможность взаимодействовать с еврейскими трудящимися в других странах [Сионистские партии 2019а, с. 298–306].

Выступая за предоставление еврейскому населению в СССР особых прав, ЦСП одновременно старалась продемонстрировать стойкую приверженность к социалистическим взглядам. В этой связи в преддверии празднования 1 мая 1926 г. активисты партии выпустили листовку с призывом к еврейским трудящимся в СССР теснее сплотиться вокруг Сионистско-социалистической партии, которая связывает их с мировым социалистическим и палестинским рабочим положением в борьбе за социализм [Сионистские партии 2019а, с. 421–424].

Положение еврейских трудящихся масс в СССР, состояние сионистско-социалистического движения в целом и ЦСП в частности, перспективы развития и задачи партии – все это нашло отражение в тезисах ЦК ЦСП, изданных в 1926 г.

Указывая на тяжелое экономическое положение большей части еврейского населения, безработицу, рост социальной дифференциации еврейского населения, разочарование трудящихся в курсе Евсекции, составители документа говорили о массовом подъеме социалистического сионистского движения в стране [Сионистские партии 2019а, с. 446–462].

Работа Сионистско-социалистической партии в подполье продолжалась до конца 1920-х гг. К этому времени практически все ячейки ЦСП были разгромлены и она прекратила существование. В результате операций органов госбезопасности часть сторонников партии погибла в тюрьмах, лагерях и ссылке; другая – отбыв срок заключения или освободившись досрочно, смогла эмигрировать в Палестину.

Еврейская всероссийская организация сионистской молодежи (ЕВОСМ)

Еще одной организацией, чья история нашла наиболее полное отражение на страницах материалов из фонда архивных уголовных дел, стала ЕВОСМ, образованная 9 марта 1924 г. В нее вошли течения «Геховер»⁴ и «Гистадрут»⁵ и несколько позже «Ка-

⁴ «Геховер» («Хе-Хавер») (*ивр.*: товарищ) – студенческая сионистская организация.

⁵ Гистадрут (*ивр.*: организация) – организация сионистских школьников.

дима»⁶. Об этом событии свидетельствуют «Основные положения ЕВОСМ, принятые на объединенном заседании ЦК “Теховер” и “Гистадрут”». Членом новой организации сионистской молодежи мог стать любой человек в возрасте от 16 до 24 лет, разделявший принцип Базельской программы, точку зрения единства и аполитичности юношеского движения, считавший для себя обязательными ее цели и задачи, а также подчинявшийся всем требованиям организационной дисциплины. В документе определены главные задачи, стоявшие перед сионистской молодежью: национальное воспитание и образование, общественное развитие, профподготовка и физическое оздоровление. Достичь их, по мнению руководителей организации, можно было только систематической, культурной и национально-воспитательной работой [Сионистские партии 2019b, с. 327–330].

Деятельность новой молодежной сионистской организации сопровождалась арестами и высылкой ее членов, конфискацией документов. Аресты начались через несколько дней после создания ЕВОСМ и продолжались вплоть до ее ликвидации.

В одном из дел ЦА ФСБ России сохранилось письмо ЦК ЕВОСМ от июня 1925 г., в котором говорится об арестах и содержании членов организации в заключении. Активисты организации обвиняли советскую власть в провокациях, насилии, запугивании, издевательствах и психическом терроре, через которые проходило проходить приверженцам сионистского движения. Угрозы, направленные ко лбу пощелкивающие револьверы, содержание в холодном карцере, на воде и хлебе приводили к голодовкам и гибели заключенных, вызывали возмущение тех, кто оставался на свободе, побуждали участников ЕВОСМ не только не прекращать, но и усиливать сопротивление произволу властей и органов госбезопасности [Сионистские партии 2019b, с. 370–373].

Работа организации с еврейской беднотой и трудящимися привела к тому, что часть активистов начала требовать, чтобы движение было признано трудовым и стало носить название «Единая всероссийская трудовая организация сионистской молодежи». Внутренние противоречия и долгие споры участников ЕВОСМ также отражены в ряде документов ЦА ФСБ России. В частности, к ним относятся тезисы по вопросу о необходимости переименования ЕВОСМ в ЕВТОСМ одного из членов ЦК организации Л. Любимова «Буква Т». Критикуя лозунги и установки «аполитичной» ЕВОСМ, автор подчеркивал, что только Единая всероссийская

⁶ Кадима (*ивр.*: вперед) – сионистская молодежная организация. Образована в Казани в 1917 г. Придерживалась аполитичной позиции.

трудова́я организа́ция сионистско́й молоде́жи – именно та организа́ция, формы которой соответствуют требованиям и интересам трудовой молодежи [Сионистские партии 2019b, с. 426–440].

В результате операций органов госбезопасности ни ЕВОСМ, ни ЕВТОСМ не оправились от арестов 1924–1926 гг. Без руководителей остались и ЦК, и региональные комитеты. К 1927 г. организа́ция прекратила свою деятельность.

Еврейский союз социалистической молодежи

Материалы периодических изданий, сохранившиеся в ЦА ФСБ России, дают возможность более полно представить историю еще одной молодежной сионистской организа́ции: Еврейского союза социалистической молодежи (ЕССМ).

ЕССМ был образован в сентябре 1923 г. В архивном следственном деле ЦА ФСБ России сохранился экземпляр издания «Наш путь», считавшийся утраченным. В частности, в нем отражены основные взгляды активистов Союза, определены цели и задачи, стоявшие перед ними, дана характеристика политическим и экономическим процессам, происходившим в нашей стране, проанализировано положение еврейской трудовой и рабочей молодежи [Сионистские партии 2019b, с. 582–591].

Основателями ЕССМ стали студенты московских вузов. Членом Союза мог стать любой кандидат не моложе 16 лет, который признавал принципы Союза, был готов подчиняться его дисциплине и принимать активное участие в его деятельности. Внимание уделялось как практической организационной работе в Союзе, так и самообразованию: каждый член ЕССМ обязан был быть в курсе дел Союза, еврейского социалистического движения, сионистского строительства, международного рабочего движения, рабочей жизни [Сионистские партии 2019b, с. 595–600].

Кроме того, члены ЕССМ издавали русскоязычный журнал «Наша мысль», который рассматривал вопросы идеологии и закрылся после трех выпусков, а также журнал на идише «Унзере Едies» («Наши известия»), который выходил еженедельно на протяжении почти двух лет.

История существования ЕССМ была достаточно короткой: после уничтожения московской группы в результате арестов 14 марта 1924 г. деятельность ЕССМ была сконцентрирована в Белоруссии. Незадолго до запланированной на январь 1925 г. Всебелорусской конференции Союза были арестованы члены Центрального комитета и активисты в Минске и Ленинграде. Оставшиеся на свободе активисты были арестованы также в 1925 г., а затем в 1926 г.

Заключение

Помимо названных выше, делопроизводственные (программы и платформы, резолюции и постановления, циркуляры, информационные письма и заявления), агитационные (заявления и обращения) документы, а также материалы периодических и непериодических изданий из фонда архивных уголовных дел ЦА ФСБ России раскрывают историю существования в нашей стране таких движений, как Сионистско-социалистическая федерация (ССФ) «Дрор», организация сионистской учащейся молодежи «Геховер», Еврейский союз цофим «Гашомер Гацоир» в СССР (национальный и классовый), Сионистско-социалистический (ЦС) «Югенд Фербанд».

В период активной деятельности в СССР все эти организации ратовали за строительство трудовой Палестины, старались воспитать еврейскую молодежь в духе национальной идеи, особое внимание уделяли культурной работе, изучению иврита и истории еврейского народа. Некоторые из них в силу общности воззрений и в результате гонений и преследований со стороны властей объединялись, другим – под влиянием внутренних противоречий, конфликтов активистов – приходилось разделяться. В итоге все они принимали новые платформы, приспосабливались к тем условиям, которые диктовала политическая обстановка. Но как бы ни стремились сторонники сионистского движения в СССР защитить права еврейских трудящихся и бедноты, их партии и организации, даже по собственным заверениям аполитичные – были отнесены к контрреволюционным. 1920-е гг. стали для них не только борьбой за идею национального самоопределения, свободу труда, образования, но также явились периодом противостояния новой власти, чьи социалистические взгляды некоторые из них разделяли.

Сионистское движение в нашей стране было ликвидировано к 1930 г. Многие его участники эмигрировали в Палестину и уже там воплощали социалистические идеи в жизнь: строили будущее Государство Израиль. Их опубликованные воспоминания и личные документы, без сомнения, представляют собой ценный источник в изучении вопроса. И не менее важным источником следует в этой связи назвать архивные уголовные дела ЦА ФСБ России. Документы и материалы, сохранившиеся в них, позволят исследователям воссоздать картину событий, получить сведения о мало известных ранее исторических фактах.

Литература

- Галили 2017 – *Галили З.* Сионизм в Советском Союзе в период от революции до Второй мировой войны // История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза. М.; Иерусалим, 2017. С. 110–144.
- Герцль 1914 – *Герцль Т.* Сионистские статьи: Портр. и автобиогр. Теодора Герцля СПб., 1914. 192 с.
- Дадиани 1986 – *Дадиани Л.Я.* Критика идеологии и политики социал-сионизма. М.: Мысль 1986. 349 с.
- Евсеев 1971 – *Евсеев Е.* Сионизм: идеология и политика. М.: Моск. рабочий, 1971. 112 с.
- Ермолаева 1993 – *Ермолаева Л.А.* Организации Поалей-Цион (по документам РЦХИДНИ) // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 25–31.
- Жаботинский 1906 – *Жаботинский В.Е.* Бунд и сионизм. Одесса: Кадима, 1906. 48 с.
- Клаузнер 1917 – *Клаузнер И.Л.* Сионизм и его течения: Пер. с иврита. Одесса, 1917. 29 с.
- Локшин 2010 – *Локшин А.* Споры о сионизме в России начала XX века // Лехаим. 2010. Октябрь Тишрей 5771. № 10 (222) [Электронный ресурс]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/222/lokshin.htm> (дата обращения 22 марта 2020).
- Маор 1977 – *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. 473 с.
- Симонова 2002 – *Симонова А.* Сионистское движение в Советской России в 20-е годы // Российский сионизм: история и культура. М., 2002. С. 278–287.
- Совершенно секретно 2002 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов. Т. 6. М., 2002. 767 с.
- Сионистские партии 2019a – Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг.: в 2 кн. Кн. 1. М., 2019. 1039 с.
- Сионистские партии 2019b – Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг.: в 2 кн. Кн. 2. М., 2019. 855 с.
- Трумфельдор 1918 – *Трумфельдор И.* «Гехолуц» и его сущность и ближайшие задачи: (с приложением проекта Устава и анкеты). П., 1918. 16 с.

References

- Dadiani, L.Ya. (1986), *Kritika ideologii i politiki sotsial-sionizma* [Criticism of the ideology and politics of social zionism], Moscow, Russia.
- D'yakov, Yu.L. (comp.) (2002), “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): sbornik dokumentov* [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin on the state of nation (1922–1934): a collection of documents], vol. 6, Moscow, Russia.
- Evseev, E. (1971), *Sionizm: ideologiya i politika* [Zionism: ideology and politics], Moskovskii rabochii, Moscow, Russia.
- Ermolaeva, L.A. (1993), “Organization of Poalei Zion (according to the documents of the Russian Center for the Arts and Cultural Studies)”, *Otechestvennyye arkhivy*, vol. 6. pp. 25–31.
- Galili, Z. (2017), “Zionism in the Soviet Union during the period from revolution to World War II”, *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii. Ot revolyutsii 1917 goda do* “Political Science. History. International Relations” Series, 2021, no. 4 • ISSN 2073-6339

- raspada Sovetskogo Soyuzu* [History of the Jewish people in Russia. From the revolutions of 1917 to the collapse of the Soviet Union], Moscow, Jerusalem, Russia, Israel, pp. 110–144.
- Galili, Z. (ed.) (2019), *Sionistskie partii I organizatsii v SSSR v 1920 gg* [Zionist parties and organizations in the USSR. 1920s], in 2 books, Moscow, Russia.
- Herzl, T. (1914), *Sionistskie stat'i, Portret i avtobiografiya Teodora Gertslya* [Zionist articles. Portrait and autobiography of Theodor Herzl], Saint Petersburg, Russia.
- Klauzner, I.L. (1917), *Sionizm i ego techeniya* [Zionism and its currents], Odessa, USSR.
- Lokshin, A. (2010), *Spory o sionizme v Rossii nachala XX veka* [Disputes about Zionism in Russia at the beginning of the XX century], *Lekhaim*. vol. 10 (222), available at: <https://lechaim.ru/ARHIV/222/lokshin.htm> (Accessed 22 March 2020).
- Maor, I. (1977), *Sionistskoe dvizhenie v Rossii* [Zionist movement in Russia], Biblioteca –Aliya, Jerusalem, Israel.
- Simonova, A. (2002), “Zionist movement in Soviet Russia in the 20s”, *Rossiiskii sionizm: istoriya i kul'tura*, Moscow, Russia.
- Trumpel'dor, I. (1918), “*Gekholuts*” i ego sushchnost' i blizhaishe zadachi: (*S prilozheniem proekta Ustava i ankety*) [“Geholutz” and its essence and immediate tasks: (With the application of the draft Charter and questionnaire)], Petrograd, Russia.
- Zhabotinskii, V.E. (1970). *Bund i sionizm* [The Bund and Zionism], Kadima, Odessa.

Информация об авторе

Ирина Ю. Бережанская, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rina3000@rambler.ru

Information about the author

Irina Yu. Berezhanskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; rina3000@rambler.ru

Книжная полка

УДК 070:327

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-142-149

Двойной портрет
советско-американской международной журналистики
Рец. на кн.: *Fainberg D. Cold War Correspondents:
Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines.*
Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020

Пётр Г. Черёмушкин

*Торгово-промышленная палата Российской Федерации
Москва, Россия, kretovich1964@gmail.com*

Для цитирования: Черёмушкин П.Г. Двойной портрет советско-американской международной журналистики: Рец. на кн.: Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 142–149. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-142-149

Double portrait of Soviet-American international reporting
Book review: Fainberg, D. (2020),
*Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters
on the Ideological Frontlines.* Johns Hopkins University Press,
Baltimore

Petr G. Cheremushkin

*Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
Moscow, Russia, kretovich1964@gmail.com*

For citation: Cheremushkin, P.G. (2021), "Double portrait of Soviet-American international reporting, Book review: Fainberg, D. (2020), Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Johns Hopkins University Press, Baltimore", RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series, no. 4, pp. 142-149, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-142-149

© Черёмушкин П.Г., 2021

"Political Science. History. International Relations" Series, 2021, no. 4 • ISSN 2073-6339

12 марта 2021 г. состоялся Международный научный онлайн-семинар «Роль советских и американских журналистов в формировании взаимных образов в период холодной войны», который, по сути, стал презентацией книги Дины Файнберг «Корреспонденты “холодной войны”: советские и американские репортеры на идеологических рубежах» [Fainberg 2020]. В семинаре приняли участие исследователи и журналисты, которые на протяжении многих лет изучают российско-американские отношения и значение СМИ в этом процессе.

В книге содержится всеобъемлющий исторический анализ ключевой роли, которую играли американские и советские журналисты в распространении ценностей и идеалов времен холодной войны, будучи в рядах тех, кто имел возможность оказаться по другую сторону «железного занавеса». Дина Файнберг написала захватывающую, основанную на интервью и других первоисточниках убедительную историю о том, как формирование образов советского/американского «Другого» становилось результатом столкновения двух правд, двух систем и профессиональных подходов в эпоху биполярного противостояния, и превращало корреспондентов в активных участников процесса конструирования идентичности – советской (наполненной коммунистической идеологией) и американской.

Тема, которую глубоко изучила Дина Файнберг, весьма интересна и теоретически почти не освоена ни в России, ни в Америке. 30 лет назад, когда закончилась холодная война, как советские, так и американские газеты и журналы периода 1945–1991 гг., казалось, уже никого не будут интересовать и останутся желтеть в библиотеках. Ныне, когда российско-американские отношения, переживавшие в 1990-е гг. медовый месяц, кажутся окончательно испорченными после 2014 г., исследование деталей идеологической конфронтации времен холодной войны приобретает особую актуальность.

В связи с этим очень вовремя опубликована новая книга Дины Файнберг, вышедшая в издательстве Университета Джонса Хопкинса в Балтиморе в 2020 г. Конечно, такую книгу мог написать автор не просто абсолютно двуязычный, но и по семейным рассказам представляющий, как строилась советская международная журналистика, кто был ее ведущими героями и авторами и какую роль она играла в советском обществе. И несомненно заинтересованный в ее природе и содержании. Само выражение *International Reporting*, которое постоянно употребляет автор, более точно соответствует словосочетанию «международная журналистика», чем *International Journalism*, широко распространенному в нашем Отечестве.

Дина Файнберг возвращает в памяти, а по сути дела вводит в научный оборот, такие имена из детства тех, кому сейчас под 60, как Валентин Зорин, Станислав Кондрашов, Генрих Боровик, Александр Бовин, Мэлор Стурау, Борис Стрельников, Спартак Беллов и многие другие, глазами которых мы постигали Соединенные Штаты Америки, считавшиеся тогда запретным плодом. Книга иллюстрирована запоминающимися острыми антиамериканскими карикатурами Бориса Ефимова на американского журналиста, посетившего СССР в 1948 г. Хотя автор перечисляет и многие известные имена и события, главным достижением книги Файнберг стали малоизвестные факты из истории советской журналистики.

Но раздел, посвященный советской журналистике того времени, – не единственная часть авторского исследования. Американская журналистика об СССР после Второй мировой войны (возможно, менее известная российской аудитории) также подвергается подробному рассмотрению. Такие имена, как Гаррисон Солсбери, Хедрик Смит, Николас Данилофф, Роберт Кайзер, Кевин Клоуз, Джеффри Тримбл, Эндрю Нагорски, упоминаемые в книге, – хорошо известны специалистам по журналистике США, но заслуживают исторического рассмотрения, проведенного исследовательницей.

Работа отлично структурирована с точки зрения хронологии и сравнительных подходов, описывающих обстановку начала холодной войны, взрыва интереса в США к советскому опыту после запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 г., советско-американского противостояния периода Берлинского и Карибского кризисов 1960-х гг.

Книга начинается с примечаний о транслитерации и переходит к введению, которое называется «Битва слов». Затем следует глава «Шпионы против лжецов, 1945–1953 гг.», касающаяся сталинского послевоенного десятилетия, когда всех американских журналистов, работающих в СССР, считали шпионами, а советских журналистов в США – лжецами, извращающими американскую действительность. Специальный раздел посвящен тому, как в СССР начали готовить своих международных пропагандистов, то есть изготавливать, по выражению автора, «советских Рестонов» (имеется в виду популярный в США в XX веке обозреватель международных проблем газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон). Весьма интересна глава, посвященная периоду брежневской разрядки, и отдельная глава об обстановке в советско-американской журналистике периода перестройки с 1985 по 1991 г., когда холодная война завершилась распадом СССР.

С 1945 по 1991 г. многие американские и советские журналисты прибывали в столицы коммунизма и капитализма, соответственно,

чтобы рассказать читателям о стране-сопернике, о политике, обществе и культуре другой сверхдержавы. Статьи, написанные этими журналистами, ежедневно достигали миллионов читателей, а их бестселлеры разлетались с полок магазинов и библиотек. В эпоху до существования интернета радио, телевизионное или печатное слово воспринималось с глубочайшим вниманием и служило единственным источником информации, потому что страны были закрыты друг от друга, а контакты ограничены не только въездными, но и выездными визами, существовавшими в СССР, в абсолютно закрытой стране. Не следует забывать, что для многих советских граждан именно работа за границей была единственной возможностью увидеть иную реальность.

Главное и принципиальное различие между американцами, западными журналистами, работавшими во времена холодной войны в СССР, и советскими в США, заключалось в том, что советские должны были твердо и точно следовать партийной линии под руководством идеологических надсмотрщиков из ЦК КПСС, а американцы же следовали задачам, поставленным своими редакциями с целью максимально полного освещения событий. Вплоть до перестройки это правило советские журналисты соблюдали неуклонно, хотя и позволяли себя различные вариации, тоже зависящие от колебаний линии партии. (Кстати, именно благодаря возможности делать эти вариации профессию журналиста в СССР причисляли к творческой.)

В книге исследуется, как журналисты формировали советское и американское восприятие соперничающей сверхдержавы во время холодной войны. Автор делает вывод, что международная журналистика развивалась иногда одновременно, а иногда и опережая изменения в международных отношениях, внутренней политике и советской, и американской культурах, в то время как поколения корреспондентов сменяли друг друга в Москве, Ленинграде, Нью-Йорке и Вашингтоне.

Западное исследовательское сообщество и общественные представления часто представляли американских корреспондентов эмиссарами свободы слова, которые бросали вызов советскому режиму и сообщали новости объективно, «без страха и предпочтений». Напротив, советские журналисты обычно изображались как циничные распространители партийной пропаганды, которые помогали коммунистической элите в сокрытии правды об очевидных преимуществах западной жизни.

При изложении истории международной журналистики эпохи холодной войны в сравнительной перспективе книга Дины Файнберг основывается на серьезных источниках: документах прави-

тельств СССР и США, архивах газет и информационных агентств, а также личной документации отдельных корреспондентов. Эти источники раскрывают богатый спектр институциональной, профессиональной и личной динамики, которая повлияла на международную журналистику по обе стороны океана.

По сравнению с американскими СМИ советская послевоенная корреспондентская сеть за рубежом постоянно недоукомплектовывалась кадрами. Хотя центральным газетам, «Правде» и «Известиям», разрешили иметь свои бюро в четырнадцать странах, у других газет вообще не было корреспондентов за рубежом. Заграничные операции ТАСС часто полагались на иностранных граждан. Советское высшее образование долго не могло подготовить достаточное количество специалистов в области журналистики. Только в начале 1960-х гг. в МГУ появился полноценный факультет журналистики, который возглавил профессор Ясен Николаевич Засурский (1929–2021), занимавший пост декана 43 года. Любимым его детищем было международное отделение, где учились в основном мальчишки. Именно в это время, как пишет Дина Файнберг,

...на смену журналисту глашатаю партийных догм первого послевоенного десятилетия профессиональный международный корреспондент (журналист-международник): активный, увлеченный, инициативный, знающий зарубежную жизнь, и готовый обратиться к окружающему миру, чтобы обменяться мнениями и сообщать советскую точку зрения [Fainberg 2020, p. 111].

Дина Файнберг описывает малоизвестный факт: большую роль в улучшении положения советских журналистов за рубежом и, прежде всего в Америке, сыграла поездка в США Бориса Николаевича Полевого – весьма влиятельного журналиста и литератора советских времен. По итогам пребывания в США в 1955 г. Полевой написал специальный доклад в ЦК КПСС, где сообщил, что журналисты находятся в плену устаревших правил и что следует улучшить условия их жизни в США. Это письмо Полевого сыграло решающую роль в последующем улучшении положения советских журналистов в США и превращения их в элиту. Стоит ли говорить, что до настоящего времени ТАСС располагает прекрасными бюро в Нью-Йорке и Вашингтоне, где работают по несколько человек, парком новейших автомобилей и оплачиваемыми из Москвы квартирами в лучших городских районах.

Уместно заметить, что темы, которые выбирали советские корреспонденты в США, были весьма остры, но зачастую брались из самой же американской прессы и телевидения. Тематика расовых

беспорядков, которые, как мы знаем, не исчезли по сию пору, или восстаний в индейских резервациях попадала в поле зрения советских журналистов благодаря американской открытости и свободе прессы. Естественной, смаковалась тема «а у вас негров бьют», но то, как выглядит американский супермаркет в сравнении с московским гастрономом, по советскому телевидению не показывали.

Развитие советской международной журналистики в годы правления Никиты Сергеевича Хрущева привело к участию журналистов в дипломатическом процессе, отмечает Дина Файнберг. Неслучайно одним из посредников в урегулировании Карибского кризиса стал корреспондент журнала «Советский Союз» в США Георгий Никитович Большаков, который одновременно был офицером разведки КГБ. Во многом это стало возможным благодаря зятю Хрущева – Алексею Ивановичу Аджубею, который, как известно, возглавлял газету «Известия» и лично встречался с президентом США Джоном Кеннеди как личный посланник советского лидера. (В книге приводится фотография, запечатлевшая эту встречу в Хианеспорте, штат Массачусетс.)

Американских журналистов, которые посвящали свои репортажи советским диссидентам, пишет Дина Файнберг, не останавливало запугивание со стороны властей. Напротив, официальные ответные меры укрепляли убеждение американских журналистов в том, что существует заговор с целью скрыть правду о СССР и что их долг – расследовать и рассказывать миру о советских нарушениях прав человека. Некоторые журналисты заняли смелую позицию и стали еще более предприимчивыми в контактах с диссидентами. Слежка КГБ, разоблачения «Правды» и угрозы изгнания МИДом стали знаками почестей, которые американские журналисты с гордостью носили. По их мнению, репрессии со стороны советских властей показывали, что корреспондент хорошо справляется со своей задачей: противостоять советским властям и говорить правду, которую они хотели скрыть.

Очень интересно Дина Файнберг анализирует эзопов язык советской прессы. И вспоминает, как благодаря репортажам из США советские люди узнавали кто такие хиппи, которых осуждали на страницах газет. Файнберг точно подмечает, что журналистов и внешнеполитических чиновников также объединяла особая культура мужской дружбы, которая развивалась в элитных академических учреждениях и усиливалась годами общения в одной и той же социальной и профессиональной среде [Fainberg 2020, p. 153].

В специальной главе, посвященной журналистике периода перестройки, которую Дина Файнберг называет «Момент истины, или как корреспонденты холодной войны столкнулись со старым

и новым мышлением», рассматриваются отдельные эпизоды, в которых пресса и особенно журналисты времен холодной войны, становятся важными субъектами в развивающемся диалоге сверхдержав.

В объемном труде подчеркивается, что хотя советские и американские журналисты стали символами двух противодействующих идеологических систем, содержание книги продемонстрировало, что у них было больше общего, чем обычно думают. «Советские и американские иностранные корреспонденты прочно вошли в элиту своих стран: они обучались в престижных учреждениях своих стран и имели глубокие профессиональные, культурные и социальные связи с их соответствующими политическими учреждениями. С обеих сторон иностранные корреспонденты обычно совершали ряд краткосрочных заграничных командировок перед своей работой в Советском Союзе или Соединенных Штатах. В большинстве случаев такое назначение служило трамплином к успешной карьере редактора, комментатора или политического советника», — пишет Дина Файнберг.

Автор делает справедливый вывод: хотя окончание холодной войны и революции в сфере путешествий и коммуникаций сблизили обе стороны, современный потребитель российских и американских СМИ может быть извинен за то, что у него сложилось впечатление, что США и Россия теперь дальше друг от друга, чем были до 1991 года. Несмотря на частые утверждения об обратном, российская и американская взаимная озабоченность по-прежнему сильна, и ее последствия видны в политике, в основных СМИ и в массовой культуре. Несмотря на то что информационный мир, созданный и населенный корреспондентами времен холодной войны, больше не существует, эта озабоченность свидетельствует о стойкости своеобразного исторического феномена: американцам и россиянам все еще трудно понять себя без другого.

Было бы весьма познавательно и ценно, если бы в последующем издании автор предприняла бы анализ и изучение того, как разведка КГБ использовала советских журналистов для выполнения своих целей в США. В книге много интересных и ранее не публиковавшихся ранее снимков, что делает исследование особенно красочным. Например, фотография Андрея Дмитриевича Сахарова, сидящего на импровизированной пресс-конференции в окружении диссидентов и американских журналистов, фото Бориса Стрельникова возле роскошной американской машины (из архива его сына Василия), или фото, выполненное легендарным Эдуардом Песовым, на котором изображен Леонид Ильич Брежнев, беседующий в своем кабинете на Старой площади с Генри Шапиро из агентства UPI.

Прекрасный труд Дины Файнберг заслуживает скорейшего перевода на русский язык и должен быть рекомендован всем студентам, обучающимся по специальности «Журналистика и международные отношения». Остается только сожалеть, что у нас не нашлось автора, который смог сделать аналогичный детальный обзор двойной или хотя бы собственной истории международной журналистики.

Литература

Fainberg 2020 – *Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020.

Reference

Fainberg, D. (2020), *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*, Johns Hopkins University Press, Baltimore.

Информация об авторе

Петр Г. Черемушкин, кандидат искусствоведения, главный эксперт, Центр по связям с СМИ, Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Москва, Россия; 109012, Россия, Москва, ул. Ильинка, д. 6/1, стр. 1; kretovich1964@gmail.com

Information about the author

Petr G. Cheremushkin, Cand. of Sci. (Art Studies), chief expert, Media Relations Center, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6/1, Il'inka Street, Moscow, Russia, 109012; kretovich1964@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
О.К. Юрьев
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 24.12.2021.
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1399

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru